

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Василий
Коноплёв

ВСЁ ВОЗМОЖНО

Рассказы и повести

16+

Овластившей Судемотеке
от авторфа в знак признания
многочетного сотрудничества

Зависимый
Зависимый

15.03.2017г

Ваш

Василий Коноплев

ВСЁ ВОЗМОЖНО

Рассказы и повести

Издательство «Союз писателей»
Новокузнецк
2016

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)
К64

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается

Коноплев В.

К64 Всё возможно. Рассказы и повести –
Новокузнецк: «Союз писателей», 2016. – 244 с.
Серия «Библиотека современной прозы».

ISBN 978-5-00073-298-4

Написанная образным, добротным литературным языком эта книга доставит читателю истинное удовольствие. Персонажи рассказов – ординарные люди, такие, как все мы, жаждущие счастья, любящие и страдающие. Совсем другое дело герои повести «В семье богов». Это интерпретация древнегреческих мифов. В заглавии ключевое слово «семья», а значит, в поле зрения рассказчика окажутся все сопровождающие нашу жизнь чувства: любовь и ненависть, родство и дружба, преданность и предательство, власть и противодействие ей. Известные мифологические сюжеты в неожиданном пересказе автора превращаются в увлекательные семейные истории.

556817

ISBN 978-5-00073-298-4

© Василий Коноплев, Петропавловск, 2016

© Издательство «Союз писателей», Новокузнецк, 2016

Свердловская область

Издательство

КАМАЛЕЙ

ВМЕСТЕ

Солнце то капризно пряталось в наплывающих тучах, то, лукаво выглянув из-за них, нежно пригревало весенним теплом. Таким же переменчивым настроением сопровождалось и приготовление к праздничному застолью на даче Салтыковых. Собравшиеся родственники, а их было на юбилей деда Камалея много, суетились, накрывая стол в стилизованной юрте. То в одном месте, то в другом раздавался громкий смех, или вдруг в стайке ребятишек кто-нибудь из младшеньких заливался обиженным плачем.

Сам юбиляр прохаживался по двору, заложив руки за спину. Его радовало, что сыновья и дочери приехали со своими семьями и теперь дружно общались как родственники. Не часто их удаётся собрать вместе. Выдвинув деревянное кресло из тени, Камалей устроился так, чтобы видеть всех: и дочерей со снохами, снующих из дома в юрту, там накрывался общий стол; и сыновей с зятьями, расположившихся у мангала; и кучкующихся своей компанией юных внуков; и правнуков, ватагой скачущих на палках, изображая всадников.

«Наверное, и отец мечтал вот так на старости лет наблюдать за своими детьми и радоваться веселью внуков», – подумалось пригревшемуся под лучами солнца старейшине семейства.

Камалей, откинувшись на спинку кресла, только слегка прикрыл глаза, а ему сразу причудилось, что он в лесу и ему на лицо капнул с обломанной ветки берёзовый сок. Будто от слезинки, остался след на щеке. Капли становились крупнее и падали всё чаще. Это начинался дождь. Такое явление, когда небо при ярком свете вдруг всплакнёт, в народе называют слепым дождём. Слепой он или зрячий, людям видней, а этот неожиданный мокрый гость быстро загнал ребятишек под навес.

– Атай! – прозвенел тонкий голосок правнука. – Прячься в дом или в юрту!

ДОМ ИЛИ ЮРТА

Весна 1935 года. В перекладину над входом в юрту постучали.

– Сапар, ты здесь?

Это был голос дяди Серёжи. Камаль любил этого доброго соседа и не только потому, что он искренне и бескорыстно помогал их семье, а просто за то, что этот крепкий богатырь был всегда улыбочивым и каким-то светлым человеком.

– Иә, Сергей! Кел мында! Заходи! – отец говорил по-русски, как бы переводя с казахского.

– Салам алейкум! – в юрту чуть ли не вполз дядя Серёжа, так пришлось наклониться здоровяку.

– Алейкум Ассалаум! Отырда! Садись! – пригласил хозяин.

– Я зачем к тебе пришёл, сосед, – начал дядя Серёжа. – Негоже тебе с семьёй встречать новую зиму в юрте. Помёрзните вы. Давай-ка мазанку тебе построим, Сапар. Я помогу. Соломы нынче много осталось, а глины за огородами, сколько хочешь.

Что запомнилось Камалю в ту весну, так это каждодневное топтание в земляной яме, куда взрослые натаскивали глину, засыпали её соломой, обильно поливали водой, а ребятня толкла всё это своими босыми ножками. Самое весёлое было, когда взрослые разрешали кидать куски приготовленной смеси в стены. Дядя Серёжа обильно смачивал эти стены водой и заглаживал дощечкой.

А ещё запомнилось, как вечерами, усталые Камаль и его старший брат Сайран, расположившись в юрте вокруг очага, слушали рассказы отца о кочевой жизни, которой ещё недавно жил он сам и которая трагически закончи-

лась после того, как власти, отняв скот, заставили казахов жить осёдло. Думая спастись, многие ринулись с овцами и лошадьми на юг. Но военные настигли их в степи. Кто сильно возмутился, порубили саблями, а скотину просто всю постреляли. Из тех рассказов узнал Камаль о страшном голоде, который постиг затем бывших кочевников. Из всего их рода, жившего одним аулом, выжили только они – Салтыковы. Сапар не ушёл тогда со всеми только потому, что жена была на сносях и очень болел увечный старик-отец. Всю домашнюю животину пришлось отдать в какой-то колхоз. Семья поселилась на краю пристанционного посёлка. За два года умерли родители и шестеро детей. Как выжили Сапар с женой и с двумя сыновьями, ведомо только аллаху. Юрта – единственное, что осталось у семьи Салтыковых. Но за три года и она обветшала. Кошму поела моль. Дырявые шкуры менять было не на что. Порой просыпались поутру в заметённой снегом юрте. Потому-то Сапар с благодарностью и принял предложение соседа Сергея построить свой дом.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ

Слепой дождь, оросив весенний воздух приятной свежестью, быстро закончился.

Дача старшего сына была богато ухожена. Весь двор уложен тротуарной плиткой, она быстро впитала небесную влагу, и детвора с гиканьем и радостными воплями снова понеслась вскачь.

«Как бы порадовалась, глядя на них, Маша!» – подумалось Камалею. Из своих восьмидесяти пяти лет семьдесят пять он её преданно и нежно любил. Вот с той самой ямы, в которой они вместе месили глину с соломой. Они и в классе за одной партой сидели. И дошколята кричали им вслед: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Маша была

младшенькой в семье дяди Серёжи. Её старший брат, Николай, и она с неизменной постоянностью принимала тёплое участие в жизни соседей Салтыковых. Иной судьбы кроме, как быть с нею всю жизнь рядом, Камалей себе и не представлял. Вот только покинула она его пять лет назад после тяжёлой болезни.

Под руководством старшей внучки Ирины во дворе стали полукругом расставлять стулья и скамеечки. Лавируя между ними резво скакали всадники-малыши. Вдруг самый активный из них, Тимур, предложил:

– А давайте играть в войнушку?

И все его поддержали.

– Атай, будешь с нами играть в войну?

ВОЙНА

Лето 1941-го года. Жизнь светилась июньским солнцем. Брат Сайран заканчивал десятилетку. Отец с помощью дяди Серёжи давно уже устроился работать шорником, пригодились его умения выделывать и обрабатывать кожи. За пять последних лет семья выбралась из нужды. Появился достаток. Мама управлялась по дому. После того, как государство неожиданно разрешило держать в личном хозяйстве скотину, у Салтыковых появились овцы, козы и корова. Приходилось, конечно, платить налог на каждую голову домашнего животного. И всё же дома молока хватало и на продажу, и на стол.

Воскресным утром Камаль отогнал скотину со двора в общественное стадо. Маша тоже сопровождала свою корову. Каждый из них прихватил с собой сумочку с немудрёным завтраком: ломоть хлеба с бутылкой молока. Ещё с вечера приготовили они берестяные корзинки, договорившись пойти по ягоды.

Росная трава приятно студила босые ноги. Ягодные

поляны легко было определять по метёлкам белых цветов, поднимающихся выше остальной травы. Земляника пряталась ниже всех, искать и собирать её было азартно и приятно. Круглые шарики с щелчком отрывались от стебельков, и первые ягоды, брошенные в лукошко, весело разбегались по берестяному дну.

Камаль представлял, как, вернувшись домой, сядет за стол, засыпанный мукой. Мама скалкой, а он стеклянной бутылкой, станут раскатывать сочни для будущих вареников с ягодами. Потом, насыпав бугорочки ягод на небольшие кругляшки, начнут слеплять края теста. А когда готовые вареники выставят на стол, взрослые будут кушать их со сметаной, а Камалю посыплют сверху сахаром. Такой праздничный обед бывает не часто, но сегодня, в воскресенье, он будет в честь окончания школы Сайраном. Таким блюдом однажды угостили Салтыковых в семье дяди Серёжи.

А пока об этом размышлял Камаль, собирая землянику, корзиночка наполнилась ягодами до краёв. У Маши лукошко тоже было полно.

Запивая сластящий хлеб молоком, ребята подкрепились. Довольные, они, раскинув руки, навзничь повалились в траву. Бесконечное безоблачное небо, серо-голубое у горизонта, в зените было окрашено густо-синим цветом. Безбрежная высота завораживало. Где-то там, в бездонной глубине, пел невидимый степной воробей.

– Бозторгай! – восхитился Камаль.

– Красиво! – поддержала его Маша. – Это жаворонок.

А в траве, неумолкая, стрекотали кузнечики. «Может, вот это и есть счастье?» – подумал Камаль и посмотрел в сторону Маши. Их взгляды встретились, в груди что-то защемило и сладким теплом растеклось по телу. Что делать с этим чувством, нежно обволакивающим его всего, он не знал. Им было всего по десять лет.

Домой они возвращались по просохшей уже траве. Дорожная пыль мягко обжигала пальцы ног.

Дома никто не выразил радости вернувшимся с ягодами детям. Лица у родственников были напряжёнными, тревожными, растерянными.

– Что случилось, мама? – спросил Камаль.

И в ответ как-то страшно прозвучало:

– Война!

Первым ушёл на фронт дядя Серёжа, потом призвали Сапара.

ЛЮБОВЬ

Дети, разделившись на два лагеря, играли в войну. Но не так, как когда-то играл Камалей. В его детстве сначала боролись «казаки» и «разбойники», потом – «белые» и «красные». У нового поколения воевали между собой террористы и миротворцы. Но принцип оставался прежним. Одни ловили других и выводывали пароль.

Камалей, по-прежнему греющийся посередине двора на солнце, стал свидетелем диалога двух правнуков.

Энергичный Тимур взял в плен щупленького Толика и посадил его в импровизированную темницу:

– Будешь сидеть здесь. Убегать нельзя.

– Пытать будешь?

– Да нет! Сам пароль скажешь.

– А я бы тебя сразу убил.

– А я мог бы тебя убить только при одном условии.

– При каком?

– Если бы ты обидел или ранил мою маму.

– Почему?

– Потому что я её так сильно люблю!

МАМА

Весна 1942-го года. Без выстрелов и канонад, без бомбёжек и взрывов война со своей тревогой и суровым бытом пришла и в далёкий тыл. Почти всё мужское население ушло на фронт. Старшие братья, быстро повзрослев, заменили отцов на производстве. Работали они с утра и допоздна. Камаль с другими мальчишками всё лето выпасал домашнюю живность в поле.

Осень нагрянула, как нежеланный гость. Не успели толком запастись ни кормом для скотины, ни дровами. К зиме на подворье осталась только корова, остальную мелкую животину сдали в счёт налога, кормить-то её было нечем. За зиму сожгли в печи всю дворовую изгородь и сарайку.

К концу апреля, когда, казалось, уже пришла долгожданная весна и сошли снега, вдруг резко похолодало, и природа снова забелила землю. В этот день Сайрану вручили повестку. Ему уже исполнилось восемнадцать лет. Следующих два дня врезались в память Камалья на всю жизнь.

Как обычно, утром ушёл он в школу, брат отправился оформлять увольнение с работы. А мама... Дорогая, родная, заботливая мама, чтобы обогреть, остывшую за ночь мазанку и приготовить прощальный обед старшему сыну, решила сходить в лес за хворостом, это видели соседи.

Когда пришли домой Камаль и Сайран, мамы всё ещё не было. Такого, чтобы их не встречали, братья не могли и припомнить. Тревога и жуткие мысли неприятным холодом пробирались под одежду и произвольной дрожью схватывали всё тело. Прошлись по соседям, узнали, в каком направлении ушла мама, и решили пойти ей навстречу. К братьям присоединились Николай и Маша. Впереди бежал, как будто знал куда, их дворовый пёс Алтай. Он собственно всегда и везде сопровождал своего хозяина

Колю. Сперва преданно ждал у школы, пока тот учился, потом бегал с ним на работу. Когда-то Николай нашёл Алтая незрячим кутёнком, принёс домой за пазухой, выходил, выкормил, и щенок стал его преданным другом.

Вот и теперь рослый и прыткий Алтай, удаляясь на некоторое расстояние, приостанавливался и поджидал необыстрых людей, затем опять устремлялся дальше. Уже почти у самого леса собака вдруг, поджав хвост, заскулила и прижалась к ноге хозяина. Сайран и Николай бросились вперёд и резко остановились у большой вязанки хвороста.

– Стойте! – отчаянно и неестественно визгливо крикнул Сайран поотставшим младшим. – Не подходите!

Он упал на колени. К Маше и Камалею быстро подошёл Николай:

– Бегите домой, скажите, чтобы приготовили горячей воды.

– Что случилось? – спросил Камалей.

– Там твоя мама, она... умерла...

– Почему? – удивилась Маша.

– Быстрее! Что ещё вам не понятно? – истерично заорал Николай.

Дети в испуге отпрыгнули и побежали в посёлок. Алтай сперва бросился за ними, но затем, оглянувшись и поняв, что хозяин остаётся, вернулся назад.

Всё последующее Камаль помнил какими-то отрывками. Приходил милиционер, записывал показания Сайрана и Николая, удивлялся, мол, накануне устраивали облаву на волков, откуда же они вдруг опять появились, видимо кто-то из стаи выжил. Маму Камаль увидел только завёрнутую в саван, или кафан, как называл белую ткань мула, неведомо откуда прибывший.

А КАК ПРАВИЛЬНО?

– Ата, а мне баба Маша давно уже рассказывала, что в детстве ты был не Камалей, а Камаль, – обратился к дедушке внук Марат. – Это ведь правда? Скажи, а то Руслан не верит.

Камалей улыбнулся. Всех своих внуков он любил и к каждому относился по-своему. Марат всегда был очень любопытным и мучил вопросами не только родителей, но и дедов. Руслан во всём сомневался, и чтобы убедить его, нужно было привести серьёзные аргументы. Это были взрослые парни, окончившие университет, но пока не женатые.

– Да, Руся, твой брат прав. Это именно так.

И Камалей пригласил молодых людей присесть рядом с ним.

– Камаль – это арабское имя, так назвал меня мой дед. Я был самым младшим в семье и родился, как рассказывала моя мама, очень красивым. Вот меня и нарекли – «Совершенство», так переводится Камаль. Мама ласково окликала меня Камалю. В 1935 году пришло распоряжение, чтобы все осёдлые, и не только казахи, имели документы о рождении. Их почему-то называли метриками. Мама по-русски говорила плохо, писать не умела. С её слов заполнял анкету один грамотный дальний родственник, и, когда её спросили, как зовут сыновей, она сказала: Сайран и Камалю. А заполнял этот родственник анкету по-казахски. Вы, может быть, и не знаете, но тогда в казахском алфавите были латинские буквы. Потом, видимо, с латыни Камалю перевели на русский как Камалей. Ну, кому было до этого дело? Документ имелся, и это главное. Звали меня и дома и в школе Камаль. А вот когда я поступил в железнодорожное училище, там стали звать, как в метриках записано, и паспорт получил я на Камалю Салтыкова. Так и остался я с тех пор Камалеём.

– Ну, что я тебе говорил? – Марат подтолкнул локтем брата.

– Теперь понятно, – согласился Руслан, – дедушка всё подробно разъяснил.

– А вы почаще ко мне приходите с вопросами, – попытался примерить их Камалей, – я много ещё могу вам интересного рассказать.

Шумной ватагой вбежали самые маленькие из Салтыковых – правнуки:

– Атай, атай! Смотри! Наш Эдельвейс дрессированный!

Эдельвейс – пудель. Общий любимец, ласковый и добрый пёс. Малыши кружком встали вокруг Камалея.

– Сидеть, – приказал собачке главный среди правнуков Тимур.

Та, послушно присев на задние лапки, преданно смотрела на дрессировщика. Тимур, отщипнув от ломтя кусочек хлеба, бросил его вверх по направлению к собаке:

– Ап!

Эдельвейс, подпрыгнув, ловко схватил его налету.

– Дай мне! Дай мне! Я тоже хочу! – заверещали малыши.

И каждый, кидая хлебный мякиш, вскрикивал «Ап!», а счастливый пёс, щелкнув пастью, уверенно ловил все кусочки хлеба.

АП!

Весна 1942-го года. Похоронили маму на следующий день.

После похорон Сайран велел Камалю потеплее одеться:

– Пойдёшь со мной?

– Куда?

– По дороге объясню.

В дом зашёл Николай. В руках у него было два ружья: охотничья переломка и берданка.

– Ты как хочешь, Сайран, а я пойду с тобой, – заявил Николай.

– Спасибо, Коля, но это наше дело!

– Я понимаю, но Камаль и не унесёт берданку, мал ещё, а путь, я думаю, не близкий. Да и не чужой же я был вашей маме. Столько лет наши родители душа в душу рядом прожили.

Выдвинулись в поле вчетвером: Сайран, Николай, Камаль и пёс Алтай.

По дороге Сайран держал Камалья за руку:

– Отец, уходя, просил меня заботиться о тебе и маме. Но видишь, как всё обернулось? Маму мы не уберегли. Исправить уже ничего нельзя. Завтра заберут меня на фронт. Я понимаю, что надо отомстить врагу за нашу родину. А кто отомстит за маму? Кроме нас с тобой некому. Снег ещё не растаял, и мы пойдём с тобой по волчьим следам. Ты со мной согласен?

– Да.

До того леска, где по-прежнему лежала вязанка сухих веток, дошли быстро. Вот теперь-то Камаль увидел, что за хворостом снег был не белый, а красный. Вдоль опушки ясно вырисовывался волчий след, удаляющийся от места трагедии. По этому следу и пошли мстители.

Сайран, обняв за плечо брата, шагал рядом.

– Помнишь, Камаль, как-то я дал тебе подзатыльник, когда ты кидал Алтаю кусочки хлеба?

– Помню. Я так и не понял: за что?

– Ты был совсем маленький, когда наш аул разогнали, и мы были вынуждены переселиться поближе к станции. Голод был жуткий. От истощения и болезней умерли дедушка и бабушка, все наши сестрёнки, их было четверо, и два брата. Я бегал на станцию и там попрошайничал. Однажды на путях увидел вагон-теплушку. Какой-то мальчишка сидел в дверях, свесив ноги. В руках у него был

большой ломоть хлеба. Отщипывая кусочки, он с наслаждением отправлял их в рот. Подойдя к нему, я молча смотрел, как он ест.

– Хочешь? – спросил он меня, протягивая хлеб.

Я кивнул головой.

– Давай так, я буду кидать по кусочку, а ты ртом, только ртом, должен будешь ловить их. Если десять раз поймешь, отдам весь ломоть. Договорились?

Я опять молча кивнул.

Он скатал шарик из мякиша и, крикнув «Ап!», кинул мне. Первый я проглотил, не почувствовав вкуса. «Ап!». Вторым, наоборот, раскусив, наслаждался, не желая глотать. «Ап!». Третий я не стал раскусывать, а задвинул языком за щеку. Мальчишка заливисто смеялся после каждого броска. А для меня в тот момент не было ничего в мире слаще этих катышков. После пятого раза за спиной весельчака появилась женщина. Из-за этого ли, или я просто не проявил ловкость, шестой кусочек хлеба ударился мне в лоб и полетел на землю. Я быстро его нашёл и подобрал, с тоской осознавая, что испытания не выдержал. Звонкий смех прервался после того, как пацан получил подзатыльник от той женщины. И я, как сейчас, помню её слова:

– Вальдемар, прекрати! Он же человек, а не собачка! Дай мальчику хлеба. Видишь, он голоден.

В юрту я принёс большой ломоть чёрного хлеба, его мы делили и ели два дня. Но с тех пор я не могу спокойно смотреть, как люди, бросая что-нибудь собакам, кричат «Ап!».

– Смотрите! – это крикнул Николай, указывая в степь.

В поле на белом фоне чётко вырисовывался силуэт волка.

– Судя по провисшему животу, это волчица, – продолжал Николай, – и она пытается увести нас от логова. Так что мы за ней не пойдём. Двигаемся, как и шли, по следу, они приведут нас к её дому, и она сама туда прибежит.

Отпечатки волчих следов на снегу упирались в колок с поваленными старыми деревьями. Николай был прав, волчица действительно стала стремительно приближаться к людям. Сайран приказал Камалю:

– Встань за мной!

Он вскинул к плечу ружьё, взвёл курок. Николай тоже приготовился. Алтай заливался лаем, находясь впереди парней.

Волчица заняла позицию между лесом и охотниками. Разъярёнными глазами оценивающе смотрела она то на собаку, то на людей, оскаливая клыки, показывала, что никого не боится, и первой жертвой выбрала пса. Стремительным рывком настигла собаку и вцепилась в неё. Боясь задеть картечью пса, Николай, прицелившись, выстрелил в волчицу. У той подкосились и отнялись задние лапы. Алтай отскочил, высвободившись из волчьей пасти. Сайран был удивительно спокоен, медленно подошёл к обездвиженному зверю, посмотрел в остервенелые, злые глаза волчицы и выстрелом в упор размозжил беспомощной хищнице голову.

– Побудь с Николаем, помоги ему, – попросил он брата, а сам углубился в чащу.

У Алтая из разорванного уха сочилась кровь, а с шеи свисала часть оторванной шкуры. Когда запасливый Николай йодом прижигал раны скулящему псу, в лесу неожиданно раздался один выстрел, спустя некоторое время – другой.

– Не переживай, – в ответ на взволнованный взгляд Камалю успокоил его Николай, – это Сайран добывает волчий выводок.

На следующий день прощались с братом на привокзальной площади. Призывников построили, сделали перекличку и приказали:

– По машинам!

Камаль, сняв кепку, долго махал вослед полуторкам. Алтай бросился догонять машины. Николай отчаянно крикнул ему:

– Домой!

Пёс остановился, оглянулся на оставшихся на площади и снова припустил за хозяином. До областного центра было километров пятьдесят, а там должны были пересадить будущих бойцов Красной Армии в вагоны. Умчавшийся Алтай в посёлок больше не вернулся. И все посчитали, что он тоже ушёл на фронт.

Камаль, провожая брата, не плакал: ему казалось, что все его слёзы закончились на похоронах мамы, когда он безутешно рыдал, а верная Маша молча утешала его, поглаживая по рукам, спине, голове. Не плакал он и потом, когда пришла похоронка на отца, а почти следом и на брата. Отныне горе не могло заставить его быть слабым. Камаль как-то быстро повзрослел. Новой семьёй для него стали Маша и её мама, и он был в ответе за них в память о погибшем отце, брате, дяде Серёже и Николае. Впереди была жизнь, и юный Камаль знал, что вопреки всем невзгодам, он обязан был сделать эту жизнь долгой, счастливой и благополучной.

СЛЁЗЫ

Ирина, старшая внучка Камалея, умело управлялась с большой группой родственников, рассаживая их на стульях и скамейках. А у каждого, кем она командовала, был в руках музыкальный инструмент. Это была странная, разношёрстная компания и по возрасту, и по национальным признакам. Причудливым образом в семье Салтыковых переплелись судьбы казахов и русских, азербайджанцев и украинцев, евреев и поляков. И это только те, кто жил рядом, а в дальних странах были ещё и родственники фран-

цузы, канадцы и даже австралийцы. Шесть детей было у Камалея и Маши, пятнадцать внуков и уже девять правнуков. Вот потому в оркестре, которым управляла Ирина рядом были домбра и балалайка, скрипка и кобыз, гитара и бандура, баян и гармонь и ещё различные деревянные, медные, керамические дудки, трубы и свистульки.

Талант Ирины позволял всё это разнообразие, собрав воедино, заставить звучать как одно целое. Все музыканты послушно исполняли распоряжения дирижёра. И не только потому, что для младших она была строгой тётёй Ирой, и не потому, что она, была профессиональным музыкантом, преподавателем, а в большей степени ещё и потому, что сегодня они должны были исполнить музыкальную композицию в честь юбиляра, своего любимого дедушки Камалея.

Те, кто не играл ни на каких инструментах, расположились вокруг деда напротив оркестра.

Ирина призвала всех к тишине.

– Дорогой ата Камалей, – обратилась она к старейшине рода, – сегодня в нашей большой семье удивительный праздник, мы отмечаем знаменательную дату – Ваш восьмидесятипятилетний юбилей. Все мы бесконечно благодарны Вам, что, оставшись когда-то единственным продолжателем рода, Вы вместе с незабвенной бабушкой Марией, смогли сохранить и преумножить семью Салтыковых. Смотрите сколько нас! Ещё и не все смогли приехать на это торжество. По разным и уважительным причинам. Хочу обрадовать Вас и всех родных известием, что в Америке у Вашего старшего правнука Рустама, сегодня родился сын, Ваш праправнук, и назвали его в Вашу честь Камалеем.

Собравшиеся восторженно и обрадованно зашумели. А Ирина продолжила:

– Так хочется, чтобы пожилые молодежи, а юные не ста-

рели! И чтобы ещё много-много раз в дни Вашего рождения мы, собравшись вместе, могли Вам, дорогой ата, сказать...

Ирина взмахнула обеими руками, и все собравшиеся дружно прокричали:

– Мы вас любим!

Когда аплодисменты и восторги утихли, Ирина, повернувшись к музыкантам лицом, жестом призвала всех к вниманию, и по мановению её рук нежно зазвучала знакомая мелодия, которую так любил Камалей. Это был кюй Курмангазы. Из всех его произведений Камалей всегда выделял именно этот кюй.

Напевно звучали мотивы ковыльных ветров. Разливался трелью невидимый жаворонок-бозторгай. Слышался ритмичный стук из-под копыт свободно мчащегося табуна. Воображение рисовало широкие просторы степей, в которых спокон веков жили его предки, а теперь будут жить его потомки.

Камалей в умилении прикрыл глаза и не ощутил, как на смуглых его щеках появились две влажные полоски. Это были слёзы счастья, слёзы убелённого судьбой аксакала, который на исходе своих лет мог с уверенностью и достоинством сказать: «Жизнь продолжается!»

СУЧЬЯ ЖИЗНЬ

* * *

– Бабушка, а ты меня не любишь?

Вопрос маленького внука не просто удивил Полину – поставил её в тупик.

– Тиша, как ты мог так подумать?! Я очень тебя люблю! Я всех в нашей семье люблю! Вон даже Пальму я очень сильно люблю!

– Мама так и сказала, что ты, кроме собаки, никого не любишь.

Со снохой, Тишиной матерью, у Полины Николаевны со дня их первого знакомства взаимопонимание почему-то не сложилось. Как-то само собой появилось чувство неприязни и не только к невестке, но и ко всем новоприобретённым родственникам.

* * *

Родилась Полинка в Сибири, в семье советских рабочих. По странному обстоятельству даже микрорайон, в котором они проживали, так и назывался – Рабочий посёлок. Господи, ну почему так устроен мир? С той стороны железной дороги – а именно она разделяла город на центр и окраину – было всё: и пятиэтажки, и магазины, и рынок, и кинотеатр, и каток, – а в Рабочем посёлке лишь халупы, помойки и полная безысходность. После работы мужики напивались до скотского состояния. И её отец не был исключением – пил как все. Полина с сестрой Иришкой побивались его в пьяном виде.

Мама. Добрая, нежная, ласковая. Отца она любила и терпела его периодические попойки. На трезвую голову он просил прощения, обещал «завязать», но этой «завязки» хватало максимум на неделю.

Мамы не стало в одночасье. Сердечный удар. Неотложка не успела. В то лето 1977 года Полина только окончила ПТУ. Подружки легко уговорили её записаться в строитель-

ный отряд, отбывающий в Москву на возведение олимпийских объектов. Это было счастливое время. Жилось Полинке легко и весело. Тесная общежитская компания заменила ей семью. О, как дружно они работали и отдыхали!

В детстве случались праздники, когда с родителями и сестрой она ездила в «Центр», так в поселке называли улицу Ленина. А там – разнообразные магазины, городской парк культуры и отдыха, новый театр драмы, киоски с мороженым и много-много людей, медленно прогуливающих по центральной улице города. В «Рабочем» без сапог и в школу не пройдёшь, а в «Центре» можно поцокать каблучками по асфальту.

В Москве Полина в выходные дни постоянно гуляла с подругами по аллеям парков. Однажды, пока девчонки бегали в туалет, она, как заворожённая, наблюдала за лодочками-качелями.

– Извините! Я вот тут купил билеты на качели, а друзья забрались на Чёртовое колесо, – рядом стоял высокий красавец и смущённо мял в руках приобретённые билетки на аттракцион. – Не составите компанию? Там удобно качаться только в паре.

Молодой человек так умилительно смущался, морщил лоб и сжимал бантиком губы, что Полина, проникнувшись к нему доверием, неожиданно для себя самой сразу согласилась:

– Ну, не пропадать же билетикам. Я только подружек предупрежу.

Когда парень подал ей руку, чтобы подняться в лодку, её худенькие пальчики утонули в крупной мужской мозолистой ладони. То ли действительно электрический разряд пронзил её до самого сердца, то ли вздрогнула она от неожиданности, но после этого стало на душе у Полины как-то светло и спокойно. Они встали на качелях напротив друг друга.

– Меня зовут Максим.

– А меня Полина, – широко улыбаясь, ответила она.

Раскачаться им никак не удавалось, и это вызывало у них неудержимый смех. Но, энергично приседая, они стали придавать лодочке дополнительное ускорение, и вот уже ветер засвистел в ушах. Внутри всё замирало от восторга и удовольствия. Присев каждый на свою скамеечку и откинувшись на металлические перильца, они наслаждались полётом. Когда лодка уменьшила амплитуду раскачивания, Полина сама предложила:

– Давай ещё!

– Давай! – согласился Максим.

И это «ещё» повторялось бесконечное число раз. Уже сменились качающиеся рядом пары, а они всё разгоняли свою лодочку чуть не до вертикального положения и, визжа от восторга, в блаженстве глядя друг другу в широко открытые глаза, не замечали ни окружающих, ни пролетающего времени.

Неожиданно лодка стала притормаживать.

– Всё, голубки! Ваше время вышло! – контролёрша, с усердием нажимая на рычаг тормоза, лукаво улыбалась. – Не укачало?

Когда лодочка полностью остановилась, Полина и впрямь почувствовала тяжесть в ногах. Она держалась за руку Максима, а земля, казалось, продолжала качаться. И девушка, чтобы не упасть, так и не осмелилась отпустить от себя парня. Наоборот, прижалась к нему ещё плотнее:

– А это Максим! – представила Полина молодого человека подругам.

– Очень приятно! – засуетились девчонки. – Ну ты, Полинка, даёшь! Три круга подряд раскачивались.

– Да это я виноват, взял три билета на всю нашу компанию и отдал их билетёрше. Она поэтому нас и не останавливала, – стал извиняться Максим.

– А мне понравилось! – Полина дурашливо прижималась к плечу Максима.

Девчата похихикали, и самая смелая из них, Зинаида, спросил парня:

– А в вашей компании все такие атлеты-красавчики?

Максим засмутился, но не растерялся:

– Ну что вы?! Я скорее Алёша Попович, остальные Ильи Муромцы!

И тут к ним подошли действительно настоящие богатыри:

– Макс, куда пропал? О, ты уже в плену? Выручать тебя или нам тоже капитулировать? – пятеро могучих парней частоколом окружили девчат.

Знакомство, шутки, словесная пикировка, в общем, молодёжный трёп. Оказалось, что ребята тоже строители: монтажники, бетонщики, сварщики, – возводят спортивный комплекс. Слово за слово, договорились посидеть в летнем кафе – шашлык, пиво и проводы домой уже ближе к полуночи.

А потом ожидание новых встреч. И так незаметно пролетело два года. Строительство олимпийских объектов заканчивалось. И что же дальше?

* * *

Однажды, это было уже в начале 1980 года, Максим на очередной их встрече после традиционного поцелуя интригующе вынул из внутреннего кармана куртки свёрнутые листочки:

– Как думаешь, Полинька, что это?

– Это, наверное, билеты в театр! – обрадовано предположила девушка.

– Думайте, Полина Николаевна, – Максим лукаво стал подёргивать бровями вверх-вниз, – думайте, это гораздо круче!

Любопытство и радостное предвкушение чего-то приятного заставили Полину подпрыгивать на месте и хлопать в ладоши:

– Ну, я не знаю, ну, не томи, что там у тебя?

Максим раскрыл красную книжицу и торжественно прочитал:

– Комсомольская путёвка! Товарищ Колесников Максим Петрович по призыву Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи направляется в комсомольско-молодёжную комплексную строительную бригаду в трест жилищного строительства города...

Молодой человек сделал значительную паузу. Сердце у Полины, кажется, перестало стучать.

– ...города Москвы, – радостно выкрикнул Максим.

– Ура! – поддержала его восторг Полина и бросилась в объятия.

Молодые люди слились в поцелуе. Первой спохватилась девушка:

– погоди, погоди! А как же я?!

Сам очарованный произведённым эффектом, парень, пытаясь теперь изобразить на лице строгость, чуть отодвинув от себя, поставил подругу на ноги и, раскрыв другую книжицу, прочитал в сокращённом варианте следующее:

– Комсомольская путёвка. Товарищ Колесникова Полина Николаевна направляется...

Полинка зажмурила глаза, и прижала к своему подбородку сжатые кулачки.

– ...направляется, – тянул паузу Максим, – в ту же самую бригаду.

– А-а-а! – звонкий вопль вырвался из уст Полины. – Мы остаёмся в Москве!

И ещё не остывшие от первого поцелуя губы снова слились в восторженном порыве. Окружающие, кто с иронической улыбкой, кто с осуждающей хмуростью, наблюдали

за странной, кружащейся в объятиях парочкой. А молодые люди, разомкнув руки, не в силах сдерживать свою радость и восторг помчались вдоль аллеи. Они бежали, сами не зная куда, им просто нужно было выплеснуть внутреннюю энергию наружу. И когда они упали на свободную скамейку, то прижались друг к другу в счастливом восторге. Она как воробышек под его могучей рукой, он как добрый хозяин, нежно оберегающий своё самое дорогое.

– Вот всё-таки ты молодец, Поля! Здорово ты придумала, чтобы мы с тобой негласно расписались.

Действительно, ещё осенью они подали заявление в ЗАГС и через месяц получили на руки свидетельство о заключении брака. Жили они по-прежнему каждый в своей общаге, для друзей и подруг их женитьба была тайной, но в райком комсомола копию свидетельства они всё же отнесли.

Полина ещё крепче прижалась к любимому:

– В комитете комсомола, наверное, не решились разбивать молодую семью и поэтому направили в одну бригаду, да?

– И будем мы теперь, Полинька, возводить с тобой московские дома от колышка и до сдачи в эксплуатацию.

– И каждый день, Максимка, будем видеться с тобой на работе...

– Ну, почему только на работе? И вечерами тоже.

– Конечно-конечно, и вечерами, – почти оправдываясь, поддержала она его.

– Не знаю, как ты, дорогая, к этому отнесёшься, но мы и спать теперь будем в одной кровати.

Полина высвободилась из-под мужской руки. Глаза её округлились в молчаливом вопросе.

– Уважаемая Полина Николаевна, – Максим вынул из кармана ещё один листок, – вашей молодой семье предоставляется отдельная комната в «трёшке».

Глаза молодой супруги стали размером с её открытый рот, а муж продолжал потрясать её новостями:

– Вот вам ордер на въезд и ключи от квартиры.

Полинка огласила округу таким звонким визгом, что птицы с ближайших деревьев фейерверком взметнулись в небо.

А к концу лета им предоставили однокомнатную квартиру в Олимпийской деревне, из окон высотки открывался чудесный вид на шпиль МГУ.

* * *

Уже в начале 1981 года в гости к Полине приехала из Сибири родная сестра Ирина. И это было очень кстати – в семье Колесниковых появился малыш. Павлик, так назвали мальчика, родился очень большим, в роддоме удивлялись, как эта хрупкая, маленькая роженица носила в себе такого богатыря. Сестрёнка Ирина, как опытная мама, помогала первые дни ухаживать за младенцем.

Сколько вечеров провели сёстры на кухне в душевных разговорах! Ирина восторженно рассказывала про свою провинциальную жизнь: об изменениях в родном городе, об общих знакомых, о муже, о своих дочурках, они ведь уже школьницы, и, конечно, о папе. Именно так и сказала: «Папа». Сколько помнит Полина, в родительском доме они всегда говорили «отец». Оказывается, папа бросил пить, его на работе назначили мастером. Летом он много времени проводит на даче, а по осени наготавливает солений, варений, соков и компотов столько, что запасов хватает до следующего урожая.

– Он всё время порывается приехать к вам в гости, – Ирина взяла за руку младшую сестру, – но я его все эти годы удерживаю, объясняя, что живёшь ты в общежитии, много работаешь. Ну, а теперь у вас вон какая просторная квартира, и ты в декретном отпуске.

– Скажи ему, пусть приезжает, – совершенно искренне предложила Полина.

– Правда? – не сдержала восторга Ирина. – Знаешь, как он обрадуется!

* * *

Уже летом того же года дядя Коля, так стал звать своего тестя Максим, прибыл в Москву. Отца нисколько не интересовали столичные достопримечательности, он с удовольствием помогал дочери в уборке квартиры, по два-три раза в день гулял с внуком. У Полины как-то само собой получилось обращаться к нему «папа». Действительно, он оказался просто незаменимым помощником и таким предупредительно-внимательным, что Полина неожиданно для себя ощутила к нему нежность и привязанность. Тепло становилось на душе, когда отец как-то по-особенному нежно обращался к ней: «Доченька».

В общении Максима и дяди Коли вроде бы никаких трений не возникало, но и лёгкости в их отношениях не появилось. Быть может, из-за того, что многие годы Максим провел в комсомольско-молодёжной среде, может быть, потому что детство его прошло в неполной семье – без отца, а, может, и по какой другой причине, но молодой человек так и не нашёл общего языка с тестем. Обычно за обеденным столом больше ворковала Полина, общих тем для разговора у мужчин не находилось. Однажды Максим спросил жену, надолго ли дядя Коля поселился у них. Полина даже обиделась на мужа, стала рассказывать, как папа ей помогает по дому, как много играет и гуляет с Павликом. Максиму пришлось оправдываться:

– Я ничего не имею против дяди Коли. Но ты разве не заметила, что мы реже стали общаться как супруги: ночью неудобно из-за скрипучего дивана, выходные проводим вчетвером. Ты теперь любишь только Павлика и своего отца.

– Максик, ну что ты говоришь? – растерялась Полина. – Я очень, очень люблю тебя! Прости, если стала недостаточно внимательна к тебе. У папы скоро закончится отпуск, и всё будет по-старому.

После этого Полинка стала чаще провоцировать Мак-

сима на интимные отношения. Вечерами, когда бабушка ещё гулял с внуком, а муж приходил с работы, они занимались любовью, как сама она говорила, «по-быстрому». Ночами они научились тихо сползать с дивана на пол и безудержно отдаваться друг другу на ковре.

Догадливый и тактичный бабушка, с первого своего гостевого дня раскидывавший раскладушку на кухне, стал плотнее прикрывать дверь, а вечерами старался подольше погулять с Павлушкой, благо, что у него появился приятный собеседник, сосед Петрович.

Повстречались они в лифте. Александр Петрович – ровесник Николая – жил этажом ниже. В свои пятьдесят с небольшим лет он уже был на пенсии. Полковник в отставке. Хотел было устроиться на гражданскую службу, но родственники уговорили его отдохнуть с годик, а тут внучка родилась. Живёт Петрович на одной площадке с семьёй сына. С удовольствием катает малышку в коляске. Вот так два молодых бабушки и познакомились – с младенцами на руках. Вместе ходили в магазин за продуктами, в молочную кухню за детским питанием, а ещё пристрастились встречаться за шахматной доской. Новый знакомец тоже обращался к Николаю по отчеству – Сергеич.

– Ну, я-то, Сергеич, язвенник с армейской практикой, потому и непьющий теперь, а ты по какой причине не уважаешь «зелёного змия»?

– Так у меня половину желудка вырезали. А когда из больницы выписывали, хирург, хороший такой мужик, провёл со мной беседу. Ты, говорит, Николай Сергеевич, разве вор? А я ему: как же можно? Воровство – грех. Ну, раз ты, говорит, это понимаешь, так и кончай пить, мол, своё ты уже выпил, а всё, что видишь из спиртного – это не твоё, для других предназначено. И знай, говорит, выпьешь – всё равно что украдёшь. Устыдил он меня. Я же вдовый. Врач-то и говорит мне, мол, ты один теперь у дочери и

внучек, не позорь их воровством. Подумал я хорошенько и решил: свою цистерну по молодости я уже опустошил, пусть этой дурью иные маются. Радости в жизни и другие есть. Внук вон у меня появился – это лучше всякого вина пьянит. Жаль Валюшка, жена моя, не дожила. Так я теперь и за неё и за себя – за двоих, в общем, радуюсь.

– Хороший ты мужик, Сергеич, думающий.

Как-то быстро возникло у них взаимопонимание, и каждодневное общение переросло в привязанность. Других знакомых в новом микрорайоне ни у одного, ни у другого не было. И когда пришло время Николаю уезжать из Москвы, провожать его вызвался только Петрович. Максим был на работе, а Полине дедушка запретил тащить внука через весь город. На Казанском вокзале мужчины выпили по кружке кваса, обнялись на платформе и пожелали друг другу скорой встречи.

* * *

Почти каждый год кто-нибудь из сибирских родственников гостил у Колесниковых в Москве. Павлик подрос, и однажды, накануне того, как мальчику пойти в школу, Полина повезла его на свою родину. Максим согласился отпустить их ненадолго, сам же поехать не пожелал. На мальчишку это путешествие произвело неизгладимое впечатление: ему безусловно нравилось всё, начиная со второй полки в плацкарте и до непривычной глазу ребёнка провинциальной жизни. Вместе с сыном Полина побывала и в Рабочем посёлке, посмотрела на пыльный двор, где прошло её детство. Четырёхквартирный камышитовый дом с удобствами на улице практически не изменился, лишь стал, кажется, пониже. Вот и родная дверь с облупившейся краской. Вдруг эта дверь приоткрылась, и на крылечко вывалилась пьяная женская рожа. Синяк под глазом, гнилые зубы, грязный халат, порванные чулки. Бедный Павлик, испугавшись местного чудища, спрятался за мамку.

– О! Явление Христа народу! Полинка, ты что ли?

Теперь и Полина узнала свою бывшую соседку.

– А батька твой здесь не живёт, у Ирки он, в городе.

– Я знаю, тётя Зина, – вспомнилось имя соседки.

– Слушай, красавица, не займёшь на опохмелку, а?

Полина вынула зелёную трёшку и отдала счастливо ослабившейся соседке.

– Вот спасибочки! При случае обязательно отдам! – тётка Зинаида сразу потеряла интерес к общению и быстренько скрылась за обшарпанной дверью.

«Как хорошо, что папа съехал отсюда, – подумалось Полине, – он бы здесь наверняка пропал».

Гостить у сестры москвичка долго не смогла. С трудом ей удавалось сдерживать нараставшее внутреннее раздражение. Огромные очереди в магазинах, а в них пустые прилавки. Постоянные разговоры о том, где бы что «достать». Грязь на улицах и в подъездах. Малогабаритная трёхкомнатная квартирка с тесной кухонькой. Папин топчан за ширмой в проходном зале. И даже их семейная гордость – дача – в действительности представляла собой небольшой огородишко с убогим дощатым домиком. Но все родственники выглядели вполне счастливыми. От голода никто не умирал, все были здоровы и довольны жизнью. Но когда дружное семейство провожало её и Павлика домой, Полина вдруг искренне расплакалась, осознав, что сюда она больше никогда не вернётся.

* * *

Время мчалось, как скоростной поезд. Года мелькали один за другим в жутких событиях девяностых годов. Павел незаметно вырос. Весь в отца – богатырь и красавец. Пришло время призыва в армию. Не было никаких сомнений – сын обязан отдать свой священный долг отчизне. Максим напутствовал Пашу словами: «Там, сын, тебя

ждёт суровая школа жизни, знаю, сам прошёл через это, но, поверь, это настоящая мужская работа. Будь уверен в себе. О нас не беспокойся».

С уходом Павлика в армию у Колесниковых началась иная жизнь. Супруги стали ближе, роднее друг другу. Чаше устраивали походы по театрам и концертам. Усталые после просмотра постановок и утомительной поездки на метро, они, наскоро поужинав, устраивались на диване перед телевизором и, выключив звук, как голубки, ворковали о своей новой жизни. В эти счастливые минуты Полина любила, запустив руку в пышную шевелюру мужа, поглаживать его голову, лежащую на её коленях. Причёска Максима до сих пор сохранила завидную пышность.

– А помнишь, как я ворчал в первый приезд твоего отца? – Максим взглянул в глаза Полине.

– Конечно, я сильно переживала из-за этого.

– Знаешь, а я тогда по-дурацки жалел о нашей общезжитской жизни.

– Не поняла.

– Ну, помнишь, как мы втайне от друзей, прихватив с собой покрывало и спрятав его в корзинку, уезжали в лес на электричке, якобы за грибами-ягодами.

Полина развеселилась, вспомнив интимные глупости молодых любовников:

– А сами, укрывшись под развесистыми кустами придорожных акаций, предавались безудержной любви.

– Да, романтика! Ух, как ты меня тогда заводила!

– Не поняла я вот этого «тогда». А сейчас что же? – и Полина, как будто обидевшись, сняла со своих колен голову Максима.

– А сейчас!.. У меня башку сносит от близости с тобой!

И они бесшабашно начинали кувыркаться, в борьбе освобождаясь от одежды и постепенно переходя к нежным ласкам.

* * *

Жизнь – штука жестокая и паскудная.

Полдень субботнего дня. Полина и Максим вечером планировали поход в театр, а сейчас только выбрались из постели. Макс как заботливый супруг направился в кухню приготовить кофе, а Поля – в ванную, принять душ. Они переговаривались на расстоянии. Вернее, непрерывно щебетала только супруга. Когда же она включила кран с горячей водой, то сквозь журчание струи вдруг услышала звон разбившейся посуды. Догадалась, что кофейной паре пришёл конец.

– Милый, не расстраивайся! – решила она успокоить мужа. – Я уже приглядела новый кофейный набор. Завтра вместе и прогуляемся в магазин.

Полина поправила перед зеркалом полиэтиленовую шапочку, чтобы не замочить причёску, и шагнула в ванную, включив душ.

Настроение у неё было чудесное. Накануне они получили письмо от Павлика. Он писал, что принял присягу. Рассказывал о сослуживцах. Судя по всему, всё у него складывалось хорошо.

– Я вот что подумала, дорогой, – Полина, закутавшись в банный халат, появилась на кухне.

Осколки разбитой пары всё ещё валялись на полу. Максим, вытянув руку вдоль стола и положив на неё голову, казалось, сидя дремал.

В разгорячённом после душа теле Полины вдруг всё похолодело.

– Максим, – тихо позвала она мужа, – тебе плохо?

Ещё не осознавая происходящего, Полина потрясла его за плечо. Максим не отозвался. И тут она догадалась, что он не дышит.

Всего, что происходило дальше, она не помнит.

Сосед Петрович говорит, что, взъерошенная, она при-

бежала к ним с криком: «Максиму плохо! Помогите!» Вызвали скорую. Врачи пытались реанимировать, но в бессилии лишь констатировали смерть. Тогда и прозвучало короткое, но такое беспощадное слово – «тромб».

Когда ничто, казалось, не предвещало невзгод и несчастий, пришла в семью Колесниковых страшная беда.

* * *

А жить надо дальше. Полина обещала сыну, вызванному телеграммой на похороны, что у неё всё будет в порядке. Он должен спокойно продолжать армейскую службу, свою мужскую работу, как просил отец, и не беспокоиться.

Когда Полина осталась одна в квартире, пустота и тишина так придавили её, что захотелось взвыть волчицей. Со стройки она уволилась, никого не желала видеть. Случайно подвернулась работа на дому по телефону. Это её очень устраивало, но тоска не проходила.

Может, прав Александр Петрович, и стоит завести дома собачку, она скрасит её одиночество. По объявлению пришла предложение. На удивление, хозяева щенка сами приехали убедиться, что место будущего проживания их питомца приличное. Их устраивало именно то, что Полину не интересуют выставки и конкурсы собак, в свою очередь для Поли было очень важно, что щенок уже приучен к домашней жизни. В общем, обговорили детали ежедневного ухода: чем кормить, когда выгуливать, как мыть. Все прививки уже были сделаны. Остался «маленький» нюанс – понравятся ли вновь обретаемые друзья друг другу.

Кутёнка звали Пальма. Без умиления смотреть на это существо было нельзя. Пушистый колобок с голубыми глазками. Когда Полина взяла его на руки, прижала к себе, то сразу ощутила что-то родное. Его густая шерсть ненароком напомнила ей шевелюру Максима. Она улыбнулась, и в ответ Пальмочка лизнула её в нос. Контакт состоялся.

Хозяйка щенка усердно пыталась объяснить, почему они передают (именно передают, а не продают) это чудо природы. У него, якобы, очень сильные отклонения от чёрного окраса и голубоглазость. По мнению же Полины, именно от небесных глаз Пальмы и нельзя было оторвать взгляда. А шерсть такого нежного цвета, как у плюшевого мишки в детстве.

Уходя, теперь уже бывшая хозяйка постоянно произносила:

– Запомните зенненхунд, бернский зенненхунд!

«Фамилия у них что ли такая? – думала Полина. – Зачем я её буду запоминать».

– Это очень дорогая порода. Один щенок – пятьсот долларов. Но так как вы не требуете паспорта, мы вам дарим Пальмочку. Хотя, знаете, на счастье дайте мне любую монетку.

* * *

Жизнь Полины приобрела новый смысл. Обязательные утренние прогулки. Купание щенка в ванной, а потом просушивание его феном. Игры и дрессировка. Беседы, во время которых Пальма внимательно вслушивалась во всё, что говорила Полина, при этом уморительно склоняя набок голову.

Летом приехал папа-пенсионер. С сестрой договорились, что он пока проживёт в Москве. Удивительно, как быстро отец подружился с Пальмой. Он по-прежнему жил на кухне, и Пальма преданно спала у его диванчика. Гулять-то они могли теперь чаще. И пока Николай с Петровичем на скамеечке играли в шахматы, Пальма послушно лежала по соседству. Случилось как-то, заболела, отнялась, посинела у дедушки нога, и увезла его скорая в больницу, с ним поехала и дочь. И пока Полина не вернулась, бедная Пальма пугала соседей жутким воем. С тех пор одну собаку надолго не оставляли.

Вернулся из армии Павлик, поступил в институт. Днём он пропадал на занятиях и в библиотеке, ночами – в общезитии у друзей.

Незаметно пролетели четыре года. Пальма превратилась в огромную псину килограммов на пятьдесят. Это такая швейцарская порода – бернский зенненхунд. Окружающие во время прогулок невольно проникались уважением к солидной собаке. Она никогда не отзывалась на лай мелких «мосек», снисходительно поглядывая в их сторону. Собачий взгляд суровел, если кто-то при ней повышал голос на хозяина, и, наоборот, в голубых глазах возникало подобие улыбки, если подходил приятный для дедушки собеседник. Петровича она принимала за своего, издали начинала вилять хвостом. Павел тоже был свой, но какой-то временный. Когда он появлялся в квартире, Полина начинала суетиться на кухне, ей нравилось кормить сына и расспрашивать его обо всём. Пальма тоже любила всех, кто был по нраву хозяйке. Так было до тех пор, пока Паша однажды не привёл домой невесту.

– Мама, дедушка, это Настя, – представил подругу Павлик.

– А почему ты меня не знакомишь ещё с одной дамой, – капризно возмутилась Настя, – ты так много о ней рассказывал.

Из кухни выглянула собачья морда.

– Ну, здравствуй, Муси-пуси! – неестественно писклявым голосом приветствовала собаку гостя.

Пальма демонстративно развернулась и скрылась на кухне. Контакт не состоялся.

– Не обращайтесь внимания, – попыталась сгладить ситуацию Полина. – У неё обед. Проходите в комнату.

– А вы не пользуетесь ароматизаторами и отдушками? – проходя в гостиную, стрекотала невестка. – У вас так пахнет псиной. И наверно, весь пылесос забит шерстью, да?

* * *

На свадьбу дедушка не пошёл, кому-то нужно было остаться с Пальмой. Так что из родственников со стороны жениха никого, кроме матери, не было. Несколько студенческих пар, остальные – человек пятьдесят – Настина сторона. Родни-то много, а вот жить молодожёнам негде. В тесноте да не в обиде – это только в старые времена было. Мелкие стычки невестки и свекрови начались с первого дня совместной жизни в однокомнатной квартире. Не желая расстраивать Павлика, мать во всем пыталась уступать Насте. Во всём, кроме того, что касалось собаки.

С дедушкой посоветовались и решили: ему надо пока уехать в Сибирь к Ирине. С его отъездом Полина почувствовала свою полную незащищённость. Теперь она перебралась на кухню и стала на ночь плотнее прикрывать кухонную дверь. Одна радость была у неё – Пальма, молчаливый и внимательный слушатель. Какое это блаженство – ворошить её мохнатую голову, лежащую на коленях, и рассказывать о своих проблемах!

Через год родился Тишка, Тихон Павлович. И Пальма, так и не познавшая материнства (её стерилизовали при первой течке), с удивительной нежностью относилась к младенцу, что неимоверно раздражало Настю. Но когда молодой семье удалось получить ипотеку и переехать на новую квартиру, Тишку привозили к бабушке Полине иногда на весь день. И вот тогда Пальма превращалась для малыша то в мягкий диван, то в склад для игрушек, а то и в лошадку, проявляя при этом поразительную терпимость и даже получая своё собачье удовольствие. Нередко они и засыпали в обнимку.

Невестка продолжала ворчать, но, несмотря на «собачью антисанитарию», с неизбежным постоянством приводила к свекрови маленького Тихона. Полине-то это было в радость. Особенно тешило её самолюбие то, что внука

приводили не к амбициозным сватам, а к ней.

На очередной прогулке к Полине подошёл Петрович, потрепал за ухом Пальму, пожал ручонку Тихону, сидящему в прогулочной коляске, и спросил:

– Ну, как дела у Сергеича?

– Да спасибо, хорошо, – пожалла плечами Полина.

– Да уж, какой там хорошо с одной-то ногой!

– Вы о чём, дядя Саша?

– Да про Сергеича я. Эти эскулапы... Им бы только резать. Нет, чтобы полечить, взяли мужику и оттяпали ногу «по самое не могу».

– Кому? Папе? – вырвалось из самого сердца Полины.

Если бы Петрович не поддержал её, она тут же и упала бы.

– Вот те на-а, дивчина! Так ты и не знала? Ну да, ну да. Это они тебя пожалели, не стали сообщать. А я-то с Сергеичем периодически перезваниваюсь. Вот, значит, проболтался.

Полина горько заплакала. Пальма, глядя на неё, заскулила. Малыш тоже стал кукситься губки.

– Ну-ну-ну! – стал успокаивать женщину Александр Петрович. – Ребёнка не пугай.

Они присели на скамейку. Полина через силу улыбнулась внуку. Пальма тоже лизнула малышу ручонку.

– Я, дядь Саша, правда, ничего не знала.

– Ну, ясно. Теперь, наверное, поедешь отца проведать?

– Конечно, конечно! Обязательно!..

* * *

Никуда Полина не поехала ни в этот раз, ни спустя пять лет, когда отец умер. Не смогла. Не с кем было оставить Пальму. И Тишку некуда деть – родители его всё время на работе. Плакала, закрывшись в ванной, когда позвонила сестра и сообщила печальную весть. В дверь постучалась Пальма. Надо было отпрашиваться в школу за Тихоном, он посещал нулевой класс.

Когда Колесниковы, бабушка с внуком, возвращались домой, на площадке первого этажа встретились с Петровичем. Только обнюхав его, Пальма завиляла хвостом.

– Что, уже плохо видит старушка? – Александр Петрович почесал собаке за ухом. – А раньше издали радовалась встрече.

– Да, дядя Саша, совсем плохо видит. И ещё букет старческих болезней.

– А сама-то, дочка, что такая печальная? – Петрович присел на корточки перед Пальмой.

– Папа умер, – шмыгнув носом, дрожащим голосом выдала из себя Полина. – А я опять поехать не могу.

Уловив слёзную интонацию из уст хозяйки, Пальма заскулила.

– Что, плохо тебе? – Петрович взглянул в тусклые собачьи глаза. – Вот такая она, сучья жизнь.

Бывший полковник поднялся с корточек и, опустив взор, ссутулившись, пошёл к выходу.

* * *

Вечером, после работы, Настя забрала Тишку, и Полина с Пальмой, оставшись вдвоём, расположились у дивана на ковре. Полина поправила Пальме длинные уши, поворошила шерсть на затылке, в ответ собака лишь грустно повела взглядом, не поднимая морды с лап. Когда-то голубые собачьи глаза мутно слезоточили.

– Тоскливо тебе? Ты на дядю Сашу не обижайся. Говорил он тебе, а имел-то в виду нас, людей.

Обе тяжело вздохнули.

А под утро Пальмы не стало.

ВСЁ ВОЗМОЖНО

Начало вечера 3 июня 2012 года

Нанятая сиделка, она же медсестра, закончив процедуру, отставила в сторону капельницу, обратилась к лежащему на диване пожилому хозяину квартиры:

– Дмитрий Николаевич, как вы себя чувствуете?

– Лучше, теперь гораздо лучше – бодрясь, ответил пациент патронажной службы.

– Будем считать, что гипертонический криз мы преодолели.

– Да вы и мёртвого поставите на ноги, – вроде как пошутил Дмитрий Николаевич.

– Там, на кухне, ожидает мужчина, говорит, что вы его знаете. Впустить или выпроводить?

– Ну, хоть кого-нибудь увижу кроме вас, дорогая Галина Ивановна, а то привыкну к единственной красоте в вашем лице и возненавижу всех окружающих, – продолжал то ли шутить, то ли ёрничать Дмитрий Николаевич.

Медсестра никак не отреагировала на этот спич. А говорливый клиент продолжал балагурить:

– Вы не представляете, милая Галина Ивановна, как приятно, что именно ваш лик будет последним перед тем, как я навсегда сомкну свои очи!

– Так что, не звать ожидающего?

– Да уж зовите! А вдруг это ангел за мной прилетел, а вы его в шею!

Медсестра, хихикнув, вышла.

Расположившись поудобней, Михалёв приготовился к встрече. В проёме двери возникла фигура немолодого человека, застыла на мгновение. Если бы медсестра замерила в этот момент артериальное давление своего клиента, впору было бы вызывать «скорую».

Перед Дмитрием Николаевичем стоял его отец, погибший шестьдесят шесть лет назад. Именно таким Михалёв его и помнил – крепкий, подтянутый, с острым наблюда-

тельным взглядом, светло-русый, сероглазый. Раскалённые мысли разрывали Михалёву черепную коробку: «Как такое может быть? Это что галлюцинации? Он же погиб в сорок шестом. Мне уже восемьдесят, а ему? Да ведь ему уже сто лет! Или я уже на том свете? Почему он молчит? Может «там» не разговаривают? Почему же, собственно, «там», если я уже умер, значит, «здесь». Интересно, а почему обстановка «здесь» такая же, как и у меня в квартире?»

Из-за плеча нежданного гостя выглянула медсестра:

– Дмитрий Николаевич, я на минутку в магазин выско-
чу. Хорошо?

– Да-да, пожалуйста! «О, если я говорю с сестричкой, то я ещё не «там». То есть, ещё не умер?» – поток глупостей бурлил в голове Михалёва.

Днём 31 мая 1954 года

Настроение у Дмитрия Николаевича Михалёва, учителя мужской школы, было заметно приподнятое, но радовался он явно не окончанию учебного года, вот и Ольга Ивановна, учительница географии, думала, что именно она была причиной его светящейся улыбки. Он пригласил её сегодня на девятнадцать ноль-ноль в ресторан. Может, Дима решится и сделает ей, наконец, предложение, он ведь сам так и сказал: «Возможно, сегодня произойдут большие перемены в моей жизни!»

Сколько лет они были знакомы? Уже почти пять. Из них четыре года учились в пединституте (она на географическом факультете, он – на филологическом) и ещё год вместе проработали в одной школе. Их отношения незаметно переросли из приятельских в дружеские, а затем и в более нежные. Совместное участие в комсомольской жизни, в организации школьных праздников неожиданно сблизило их. Всё чаще и с нескрываемым удовольствием

они задерживались после работы, готовясь к предстоящим мероприятиям, а потом подолгу гуляли. Ни у Дмитрия, ни у Ольги не было опыта в любовных отношениях, поэтому первый поцелуй, вызвавший необычайный трепет в их сердцах, случился только этой весной, и теперь они с нетерпением искали минуту уединения и предавались волнующему занятию – целовались. Прикосновения губами к щеке вызывали неосознанную дрожь и желание задохнуться от восторга удовольствия. Правда, от поцелуя в ушко Ольга почему-то вжимала голову в плечи и хихикала.

Дмитрий Николаевич, как студент-отличник и стипендиат, обладал правом выбора места распределения после института, и, не особо задумываясь, он назвал свою родную мужскую школу. Работа ему не была в тягость, всё получалось у него как-то само собой. Кроме уроков по литературе, он ещё организовал поэтический кружок. Особо сдружился молодой педагог с семиклассниками. Наладил с ними выпуск школьной газеты, именно не стенной газеты, а самой что ни на есть настоящей тиражной под названием «Привет». Ещё учась в институте, Михалёв увлёкся журналистикой, стал внештатным корреспондентом областной газеты. И благодаря приобретённым связям, Дмитрий Николаевич, устроил шефство местной типографии над родной школой. Ученическая газета пользовалась успехом и среди педагогов, и среди учащихся, и среди их родителей. Сами же ученики были и журналистами, и распространителями газеты. Некоторые статьи из «Привета» публиковались в «Пионерской правде». А репортажи и очерки самого Дмитрия Николаевича постоянно печатали в областной газете «Ленинское знамя». Вот именно с редакцией этой газеты и было связано сегодняшнее особо приподнятое настроение Дмитрия. Пожилая секретарша директора школы Петровна зашла в кабинет литературы и сообщила, что позвонили из «Ленинского знамени» и

попросили передать для учителя Михалёва, что главный редактор газеты Смирнов ждёт Дмитрия Николаевича у себя. Этому приглашения молодой педагог ждал с нетерпением и давно. От избытка чувств он неожиданно поцеловал в щёчку смутившуюся секретаршу, та зарделась – она уже забыла, чтобы кто-нибудь её целовал.

Как-то, после очередной удачной публикации Смирнов пригласил внештатного корреспондента к себе и спросил, а не желал бы Дмитрий поменять место работы и перейти в редакцию областной газеты. Тогда, а это было в конце зимы, Дмитрий растерялся и попросил дать ему возможность завершить в школе учебный год, чтобы до выпуска не бросать своих учеников. Смирнов удивился, мол, от таких предложений не отказываются, но согласился, похвалив молодого человека за совесть.

А вот сегодня Михалёв, зайдя в кабинет главного редактора, услышал категоричное:

– Пиши заявление о приёме на работу. С директором школы я всё согласовал. Задерживать он тебя не станет. С первого июня будешь принят к нам переводом, так что получай расчёт, прощайся с коллегами и с завтрашнего дня на работу в редакцию. Кстати, Дима, как идут дела по моему заданию?

Ещё тогда, при первом разговоре зимой, Смирнов поручил Дмитрию начать журналистское расследование по теме очень необычной для начинающего корреспондента. Начатая в 1953 году амнистия, привела к тому, что в стране быстро потребовалось найти миллион двести тысяч новых рабочих мест. Где их было взять? В общем, каждый из освобождённых устраивался, кто как мог. В их областном центре тоже появилось немало бывших зэков. Но, по правде говоря, вернувшаяся из лагерей и тюрем уголовная шухера и не собиралась начинать честную трудовую жизнь. К концу зимы 1954 года особо криминальными сделались

окраины города, где и без того процветало пьянство, а с появлением соскучившихся по свободе бывших заключённых дебоши, грабежи, пьяные мордобои и хулиганские разборки стали повседневным бытом рабочих окраин. Школа, в которой работал Михалёв находилась именно в таком районе. Потому редактор и предложил ему заняться социальным исследованием криминальной обстановки в среде его учеников и их родителей. Эта не та тема, которой хотелось бы заниматься Дмитрию в газете, но тогда отказаться от задания он не решился, а как старательный комсомолец привык выполнять поручения добросовестно и как бывший отличник – доводить дела до конца.

– Информации накопилось много, – похвалился Михалёв, – хотелось бы с вами обсудить, как построить статью на основе собранного материала, – Дмитрий слегка смутившись закончил фразу, как бы извиняясь, – вот только я с собой не захватил блокнот с записями.

– Спешить нам некуда, – успокоил его Смирнов. – Завтра я тебя послушаю. Статья эта будет взрывная, у меня тоже есть, чем с тобой поделиться. Мне тут друзья из прокуратуры подкинули немало сведений. Ну, а пока беги, забирай документы.

В школу Дмитрий Николаевич летел как на крыльях. Приветствовал встречных, как на празднике. Директор, Иван Пертрович Коротков, протянул ему навстречу левую руку, правую-то он потерял ещё в Гражданскую:

– Ну что ж! Я рад за Вас, Дмитрий Николаевич! Вижу, тесно Вам в школьных стенах. Оно и понятно. Мальчишек жаль, они к Вам привязались.

Дмитрий, смущаясь, ответил на рукопожатие:

– Да я тоже как-то без них и не представляю себя. Будем вместе продолжать выпускать нашу газету.

– Вот и хорошо! Вот и договорились. Заглядывайте к нам. Кстати, и я не долго задержусь здесь, – неожиданно

директор перевёл тему разговора на личное. – Поделюсь с тобой не для переноса в чужие уши. Грядёт очередная реформа. Женские и мужские школы расформируются, и уже с сентября все средние учебные заведения будут смешанными. А меня на пенсию.

– Так это ж здорово! – вырвалось у Дмитрия Николаевича, но когда он увидел удивлённое лицо директора, понял двусмысленность своей радости. – Ой! Нет, «здорово» в смысле, что девчонок и мальчишек объединяют под крышей одной школы.

Вот эта неожиданная новость и собственная радость от разговора с редактором, вот они-то и светились в улыбке Дмитрия, когда его увидела в школьном коридоре Ольга.

– Так что́, Дмитрий Николаевич, – изобразила она показную официальность, насколько это было возможно в присутствии учеников, – изменения в вашей личной жизни грядут?

– Ещё какие, Ольга Ивановна! – поддержал он её напускную строгость. – Сегодня вечером ожидается сообщение ТАСС по этому поводу.

– Буду с нетерпением ждать! – и она прошла мимо, расцветая в улыбке от собственных догадок. Вечер в её воображении должен был завершиться чем-то необыкновенным.

– Дмитрий Николаевич, Дмитрий Николаевич! – по коридору нёсся семиклассник Ваня Коротков, его самый активный участник по изданию школьной газеты. – Мои стихи опубликовали в журнале «Пионер».

Учитель и ученик обнялись и закружились на радость обступившей их детворе.

* * *

Дружба Дмитрия и Вани завязалась с первого дня их знакомства. Что-то необъяснимое было в том, как им было необходимо общение друг с другом. Учитель всячески

поддерживал в ученике стремление к поэзии, а Ваня всей душой воспринял идею создания школьной газеты и сразу стал надёжным помощником Дмитрия Николаевича. После выхода в свет первого номера «Привета», название газеты, кстати, предложил именно Ваня, учитель подарил своему юному товарищу необычный блокнот. Страницы в нём были разлинованы, а в нижнем левом углу красовался вензель – сплетение букв. И почему-то Ваня в них увидел буквы «В» и «Д», хотя Дмитрий Николаевич пояснил, что это сочетание букв «Л» и «З», то есть «Ленинское знамя». Ещё в 1952 году, к тридцатипятилетию революции, редактор газеты Смирнов заказал большой тираж блокнотов для своих сотрудников, и студенту-филологу Дмитрию Михалёву тоже вручили эту журналистскую принадлежность как внештатному корреспонденту. Дима хранил этот подарок, пользуясь самодельными записными книжками, вырезанными из ученических тетрадок. А когда он вручал блокнот Ване, вдруг представил себя Василием Жуковским, а ученика – Александром Пушкиным. Растроганный мальчишка обнял своего наставника, а учитель потрепал кучерявую голову паренька. С тех пор их отношения более напоминали дружеские, даже, можно сказать, братские, нежели ученически учительские. И если случались дни, когда они не виделись, это были муки мученические. Белобрысый учитель и чернявый ученик – внешне они, казалось, были абсолютно разные. Вот только глаза у обоих серые, и притягательная улыбка постоянно скрыта в уголках губ. Но объединяло их, конечно, не это. А что? Безотцовщина? Может быть. Ваня своего родителя помнил плохо, был ещё совсем мал, когда тот пропал. У Дмитрия отец был военным, но погиб уже после войны, в 46-ом. А мать он потерял ещё раньше, в 43-ем. У неё было белокровие. Зато у Вани мама была жива, и жили они с ней в земляном домишке.

Таких хибар было много в рабочем посёлке, который возник во время войны, когда вместе с эвакуированным заводом в их областной центр прибыло несколько эшелонов с семьями рабочих. Хотя самих рабочих было немного, только лишь их семьи. Обеспечить жильём всех сразу было просто невозможно. Вот и приспособились сами эвакуированные копать ямы, укреплять стенки, сооружать подобие крыши, накрывать её дёрном и переселяться под землю. Хоть и промерзали порой стены, но в таких землянках было намного теплее, чем в палатках. Пиломатериалом местная администрация более-менее снабжала. Говорили, что это временный выход из положения. Кто ж этого не понимал?! Но закончилась война, шёл уже пятьдесят четвёртый год, а землянки для многих так и оставались единственным приютом.

Рабочий посёлок – это неофициальное название стихийно возникшего городского района. Сколько друзей-одноклассников было у Дмитрия из этого посёлка! Но, приходя к ним в гости, он всегда чувствовал себя неловко. То ли из-за того, что постоянно ожидал упрёков в свой адрес, мол, вот интеллигенция живёт в благоустроенном доме с ванной и тёплым туалетом под крышей, то ли из-за какого-то особого образа жизни поселъчан. Ему казалось, что рабочинские ребята были покрепче, поразвитее остальных пацанов. Общались они более открыто, но всегда присутствовала в них некая тайна, как будто они знали нечто такое, что городским недоступно. А если честно, Димка школьником даже побаивался старшеклассников из Рабочего. Нередко он видел в их руках сверкающее лезвие «финки», иногда сверстники приглашали его в посадки пострелять из «пугачей» – самодельных пистолетов. Случалось ему принимать участие и в массовых драках, и в разборках один на один до первой крови. Нет, трусом Дмитрий никогда не был, хлюпиком тоже, за это и уважали его

одноклассники, но всё же, он всегда испытывал внутреннее волнение, наведываясь в Рабочий посёлок.

Это было в школьном детстве, но и теперь, уже как учитель посещая своих воспитанников, он по-прежнему ощущал некоторое неудобство. Так случилось и в тот раз, когда на весенних каникулах Дмитрий Николаевич заглянул в землянку Коротковых в Рабочем посёлке.

25 марта 1954 года

– Ой, какой молоденький и уже красивый, – громкое обращение из уст изрядно подвыпившей соседки относилось явно к нему.

– Да ты шо, Мань, он тобой побрезгует, мля, эт только я тебя так крепко люблю, мля, – подначивал разговорчивую бабу её беззубый хахаль, – а то ж, мля, интеллигенция.

Парочка, разогретая выпитым и весенним солнцем, сидела на завалинке домика, соседнего с Коротковыми.

– Эй, красавчик, побрезгуешь мной? – назойливо приставала к Дмитрию пьяная хозяйка.

Михалёв счёл за лучшее промолчать. Открыл калитку во двор своего ученика, оставалось сделать несколько шагов до двери, ведущей вниз, в землянку, и тут над его головой пролетела пустая бутылка.

– Эй, ты, белобрысый, чо молчишь, мля? Не уважаешь чо ли? К тебе дама обращается, мля! – шепелявый ухажер пытался обострить ситуацию.

– Ой, не могу, Куцый! – закатилась смехом польщённая баба. – Дама! Это я что ли? Дама! Ну, ты даёшь!

– А чо, мля! – заржал ухажер, обнимая свою зазнобу. – Ты для меня и дама, и леди, мля!

Довольные друг другом, они забыли уже о соседском госте и, не раскрывая объятий, спотыкаясь, скрылись в дверях своей избушки, перед этим несколько суетливо по-

топтавшись перед входной дверью – она у них, как положено, открывалась наружу.

А навстречу учителю из землянки уже выскочил Ваня:

– Дмитрий Николаевич, здравствуйте! Вы к нам? Проходите! Мама, к нам гости!

Ваня опять быстро заскочил в землянку и придержал дверь, она открывалась вовнутрь. Эта народная хитрость позволяла зимой спокойно выбираться из дома после снегопадов и буранов, а заваливало снегом порой с крыши. Тех же, у кого двери (по пожарной безопасности) открывались наружу, обычно откапывали соседи или сердобольные родственники, у кого были дома с высоким крыльцом.

Мать у Вани, женщина неопределённого возраста, была, казалось, малообщительна. Всегда в платочке, из-под которого выбивались такие же, как у Вани черные кудряшки. Не первый раз Дмитрий Николаевич встречался с ней и всегда ловил на себе очень внимательный, если не сказать пронизывающий, изучающий взгляд Надежды. Отчество своё она не назвала: «Просто Надежда», – представилась при первом знакомстве. Глаза у неё, в отличие от Ваниных, были тёмно-карими, они притягивали и завораживали. И, утопая в её зрачках, Дмитрий смущался. «Очи чёрные, очи жгучие», – вертелось на языке у молодого человека, когда он виделся с Надеждой. У него дома ещё с довоенных времён стоял патефон, и среди пластинок был романс, он так и назывался «Очи чёрные»:

Очи чёрные, очи страстные,
 Очи жгучие и прекрасные,
 Как люблю я вас, как боюсь я вас,
 Знать, увидел вас я в недобрый час.

В детстве он не мог объяснить самому себе, а у других спросить стеснялся, почему взрослый дядя про «очи чёр-

ные» пел: «Как люблю я вас, как боюсь я вас»? Ну, причём здесь «боюсь»? А вот теперь он точно знал – почему? И страх, и трепет одновременно испытывал он от взгляда Надежды. Отводя свои глаза в сторону, он вновь и вновь желал увидеть их. Греховные мысли не посещали его. Ведь ему она казалась не просто очень взрослой, а даже пожилой женщиной. Правда, глаза говорили об обратном: о молодости и неистраченности желаний.

– Проходите, Дмитрий Николаевич! – встретила его Надежда. – Чаю? У нас фруктовый. Очень вкусный.

– Спасибо. Я, собственно, заглянул Ваню проведать, он уже третий день не появляется в школе. Ну, я подумал, не заболел ли?

– Так каникулы же, – удивилась Надежда, – хотя он каждый день рвётся в школу сбежать, но у нас крыша прохудилась. Кто кроме него поправит? Вот сегодня закончили ремонт. Хотели почаёвничать. Присаживайтесь.

И вновь они, её «огневые глаза», опять прожигают насквозь. Несколько растерявшись, Дмитрий решил ретироваться:

– И-извините! Я... У меня дела... Спасибо, но я пойду. До свидания.

– Я провожу Дмитрия Николаевича, – вскинулся Ваня.

– А чай, сынок?

– Потом, мам, успею, – и мальчишка выскочил из дома вслед за учителем.

Из приоткрытого окна соседнего дома раздавались весёлые возгласы хозяйки. Ваня пояснил Дмитрию Николаевичу:

– Это дом Кокориных. К тётке Маше приехал дальний родственник. Из Сибири. Имя у него странное – Куцый, или это фамилия его. Сегодня ещё тихо. А вот когда его дружки появляются – это, я вам скажу, кино. В общем, никакие они не сибиряки, просто бывшие ээки, кутёж тут устраивают.

– Вот об этом у меня к тебе и разговор, – и Дмитрий Николаевич рассказал Ване о полученном задании в редакции областной газеты.

Михалёв понимал, что одному ему собирать информацию по интересующей теме будет непросто. Очень уж учитель не похож на жителя Рабочего посёлка. А если он ещё и вопросы начнёт задавать, то быстро к нему самому найдётся много вопросов. Вот потому-то он и предлагает писать статью о криминальности окраины совместно с Ваней. Коротков в свои четырнадцать лет был пареньком смышлённым и быстро перенимал от Дмитрия навыки сбора информации. Друг друга они понимали с полуслова.

– О, материала у нас будет с грузовик и маленькую тележку, – загорелся идеей Ваня. – Да эти, дружки Куцего, когда подвыпьют, начинают бахвалиться и такого понараскажут... Только проверять надо потом – врут или нет.

– Перепроверим, – обрадовался Дмитрий Николаевич, что Ваня загорелся идеей, – но об этом, о чём мы с тобой договорились, никому ни слова, даже маме.

– Понятное дело.

Вечером 31 мая 1954 года

Дмитрий с волнением собирался на свидание с Ольгой. Приготовил складной нож, чтобы нарезать сирени в школьном саду. Отгладил свежую рубашку, навёл стрелочки на брюках. Для него это было дело привычное. Отец приучил по-армейски следить за своей внешностью: отправив штаны через мокрую газетку, в чистоте содержать обувь, уметь готовить, а ещё многим столярным и слесарным премудростям. Когда во время войны мама заболела, а бабушка жила на два дома, Дима всё по хозяйству успевал сам: готовить еду, стирать, убирать в квартире. А потом, когда по очереди он похоронил маму и её родителей,

остался практически один. Отец появлялся дома редко, порой оставался на ночь на работе, в прокуратуре, уезжал в длительные командировки.

Неожиданный звонок в дверь заставил вздрогнуть Дмитрия Николаевича. «Кто бы это мог быть? Соседи?» Открыл дверь. На пороге стоял незнакомый парнишка, по внешности – цыган.

– Ты Михалёв? – спросил нежданный гость и в ответ на подтверждение протянул листок. – Это тебе.

Дмитрий не успел спросить, «от кого?», а шустрый пацанёнок уже шлёпал босыми ногами по лестнице вниз.

В комнате, развернув листок, Дима сразу узнал вензель «ЛЗ» в углу странички и почерк Вани: «Д.Н. У меня к вам срочное сообщение. Прийти сам не могу. Извините. Жду у нас. Ваня. 31.05.54г. 17ч.35м.»

Это была привитая уже привычка: пометить все записи точным временем написания. Дмитрий кинул взгляд на ходики, было без четверти шесть, стал размышлять: «Цыганёнок, конечно, прыткий, минут за десять добежал, а у меня уйдёт, пока собираюсь, минут двадцать пять, а то и тридцать. Узнаю, что там такое срочное, это ещё минут пятнадцать, и только-только успею к ресторану. Хорошо, что столик заранее заказал. Всё нормально. Откладывать на поздний вечер поход в Рабочий посёлок смысла не было, да и неизвестно, когда сегодня этот поздний вечер закончится». Автоматически он уже надевал парадный костюм и повязывал галстук. «Ну, вот опять ожидать усмешки и реплики в свой адрес по поводу внешнего вида от соседей Коротковых. Ладно, не возвращаться же потом домой, чтобы переодеться для ресторана».

Дорога к Ване была привычной и, шагая по знакомым улочкам, Дмитрий мечтательно придумывал фразы, как он расскажет Ольге о перемене жизни с завтрашнего дня, о переходе на другую работу. Он представлял, как она сна-

---

чала удивится и потом расстроится, от того что они реже будут видеться. А он вдруг неожиданно предложит ей переехать жить к нему и распуститься. Вот для этого момента хорошо бы иметь цветы. Вон, в одном из дворов, он заметил на грядке, видимо, большой любительницы ранних цветов, распустившиеся пионы. «Да, это не то, что сирень! На обратном пути надо будет поулыбаться хозяйке, чтобы срезала мне несколько штук, ну, или купить». В кармане аккуратно были сложены разнокупюрные деньги, он же получил сегодня приличную сумму: и отпускные, и зарплату. Уж на цветы он не поскупится. Его воображению представлялась счастливая улыбка Ольги. Какое чудесное лето ждёт их впереди! Он обязательно отпросится на недельку: отпуск-то у него остаётся не использованным – и они вместе, вдвоём, отправятся куда-нибудь на озера, у них в области столько красивых мест.

Ну, вот и землянка Коротковых. На фоне камышитовых многоквартирок, не так давно построенных в Рабочем, их домишко выглядел, конечно, убогонько. Но всё ведь идёт к лучшей жизни, придёт и к ним праздник, будет и у них новоселье.

Хорошо, что никого не было во дворе у их соседки. Правда, занавески на окнах её избы подрагивали, такое ощущение, что за ними кто-то стоял и наблюдал за Дмитрием. «Ну, да и бог с вами. Лишь бы не приставали с разговорами, а за погляд денег не берут». На удивление Ваня навстречу не вышел. Дверь была не плотно притворена. От стука по ней она сама приоткрылась.

– Здравствуйте! Извините, здесь не заперто! Можно войти? – машинально произнося дежурные фразы, Дмитрий сделал шаг внутрь помещения.

Дверь за ним затворилась, как будто сама собой. И сразу на него обрушился неожиданный удар по голове сзади. Ноги подкосились. Дальнейшее происходило как бы в за-

медленной съёмке. Он плавно и безвольно оседал. Кто-то закручивал ему беспомощные руки и затягивал их верёвкой. Голоса раздавались гулко, будто все разом оказались в пустой цистерне. Ни на мгновение Дмитрий не закрывал глаза, наблюдая, как всё перед ним плавно двигалось: и незнакомые люди, и мебель. Шея почему-то не слушалась, поэтому голову мотало из стороны в сторону, вот почему он видел попеременно то пол, то потолок, то стены. Его усадили на стул.

– Интеллигент, мля, а шустрый. Быстро прискакал. Молодец, мля! А бубен у тебя крепкий, я бы сразу в отключку ушёл.

По мусорным словцам и шепелявости Дмитрий догадался, что это был тот самый Куцый, хахаль соседки Марии. «Всё-таки он попал в меня той пустой бутылкой, запущенной два месяца назад». Если вернулась ирония, значит, сознание восстанавливалось, но не само по себе, а вместе с жуткой головной болью. Хотелось схватиться за затылок, однако руки были крепко связаны за спиной.

Шея, наконец, откликнулась на приказы мозга. Михалёв стал внимательно осматривать картину происходящего. Прямо перед ним сидел странной наружности мужик лет пятидесяти или постарше, он явно был здесь за главного. Чуть далее другой – помоложе, он-то и заговорил:

– Куцый, ты его обыскал?

– Щас, мля, пощупаем, – и Куцый стал шарить под мышками, по спине, за пазухой Дмитрия. – Во, мля, а учитель-то при бабках. У него хрустов до фига имеется.

Куцый вытащил из Диминого кармана приготовленные для ресторана деньги и, потеряв интерес к связанному, уселся на кровати, стал пересчитывать купюры. И тут Дмитрий увидел в углу, между кроватью и стенкой, Ваню и Надежду. Потрёпанные – Ване, видно, крепко досталось – связанные, они, прижавшись друг к другу, загнанно выглядывали из-за спинки кровати.

– Ты кто? – это незнакомый мужик, сидевший напротив, обратился к Дмитрию.

Что отвечать, Михалёв не знал, как и не понимал, что от него хотят и что, вообще, происходит.

– Ну-ну! Помолчи. Пока темы нет.

Куцый уже пересчитал деньги и, довольный результатом, подвёл итог:

– А фраерок-то, мля, фартовый нам попался. Кусок в кармане просто так имеет.

– А они не старые? Ты, Куцый, приглядиись, мужики, там нарисованные, не в кепке? – пошутил главный.

– Ты чо, Князь, никакой кепки нет, – испуганно стал рассматривать купюры Куцый. – Тут везде Ильич лысый.

– Лысый говоришь? Это хорошо.

– Да Князь прикалывается, – заговорил третий из бандитов (так их для себя уже определил Дмитрий). – Пока мы на нарах чалились, в стране бумажки-то поменяли, ты, Куцый, и не помнишь, наверно. Были до сорок седьмого на хрустах мужики нарисованы. На «пятерке» летун в шлемаке, на «трёшке» вертухай в каске, а на «рваном» землекоп в фуражке.

– Да не землекоп, а шахтёр, разницу сечёшь, Козырь? – поправил его Князь.

Козырь слегка задумался, как будто вспоминал лицо того рабочего, изображённого на рубле.

– Да не один ли хрен! Ну не блатной же, а этот, как его... строитель социализма. Ну, так вот, Куцый, слушай сюда, а потом мелкие рубли обезличили, то есть мужиков с кепками убрали, а остальное бабло, начиная с червонца, украсили «Лысым». И всё б ничего, так придумали ещё этого «Лысого» так замаскировать, чтобы видно его было только на просвет. Сечёшь, Куцый, они деньги краплёными сделали. У меня кореш был, легко мог нарисовать лубые «бабки», а вот как выпустили новые – плакал. «Как,

– говорит, – я эти ихние водные знаки изобразю, они ж невидимые».

– Водяные, – опять поправил его Князь.

– Чего «водяные»? – не понял Козырь.

– Знаки водяные, а не водные.

– Да и хрен с ними!

– Ну, ты ваще, мля! Профессор! Не только в картах шарить, но и в бабках, – восхитился лекцией Козыря Куцый.

– А чо с добычей-то делать будем? Поделим?

– Весь выхлоп в общак! – жёстко заключил Князь.

– Как скажешь, – и со вздохом Куцый положил деньги на стол. – Эх, родимые, щупал, ласкал я вас, а пойдёте вы на общее дело, мля.

Растворилась входная дверь.

– А-а, вот, и Кирилл-херувим прибыл, – встретил нового гостя неугомонный Куцый. – Весть, должно быть, принёс благую, мля!

– Ты бы, Куцый, хлебало себе прикрыл, – рыкнул на него Князь. – Не ровён час, кишки застудишь.

И Куцый счёл за благо умолкнуть, лишь жестом выразил своё согласие с Князем.

– Ну, что там? – обратился главный к вошедшему.

– Неисповедимы пути господни, вот и меня, грешного, привели они в чертоги неправедные, да сподобили указать на писания ябедные, – разразился мудрёной тирадой Кирилл.

Стало понятно, почему Куцый назвал его херувимом. Хотя, кроме своеобразного говора, он и внешностью напоминал ангелочка: небольшого роста, кудрявый и кругленький. Кирилл выложил перед Князем обрезанную тетрадку, то есть записную книжку Дмитрия Николаевича. «Откуда она у них? – мелькнула у Димы мысль. – Неужели они залезли в квартиру? Скорее всего, так и есть. Тогда дела наши плохи».

– Я что, должен разбираться, что там нацарапано? – Князь был недоволен. – Козырь полистай эту писанину.

– А я потому божьим промыслом и ведом был, что, найдя эти бумаги у сучьего отродья, уже поглядел да полистал их, – словесное плетение Кирилла удивляло. – Там вся история про труды наши тяжкие, с тех пор, как мы откинулись с долготерпимой кичи.

– Вон оно как? – оживился Князь. – Значит, говоришь, Кирюша, «сучье отродье»?

– Не иначе. Для себя он что ли рисовал маляву мудрёную? Сдать хотел он нас волкам позорным, а может, и сам он мусорок легавый.

– Точно, Киря, у него клифт упакован был целым куском хрустов, мля, – не удержался от догадки Куцый.

– Так это ж иудины сребреники, – поддержал его Кирилл.

Князь жестом заставил всех умолкнуть, взглянул на Козыря, изучавшего тетрадку, тот кивнул в ответ.

– Ну, вот, Красавчик, – обратился Князь к Дмитрию, – и тема для беседы образовалась. Молчанка теперь не проканает. Рассказывать надо.

В голове у Димы уже не гудело, только тупо ныл затылок, вызывая головокружение и тошноту. Он всё ещё не мог вникнуть, о чём ему говорить. Единственное, что для него было ясно, всё надо брать на себя.

– Давай этому писателю, мля, пальчики укоротим, может, он и заговорит, – предложил Куцый.

Князь явно терял терпение, он резко встал, указательным и средним пальцами, засунув их в ноздри Дмитрию, задрал ему голову назад:

– Вот видишь, мельтон штопанный, как братки жаждут добиться от тебя чистосердечного признания?

Князь выдержал паузу, вынул пальцы, вытер их о пиджак Димы и опять сел на своё место. Тёмные пятна ритмично стали появляться на костюме Дмитрия Николаевича.

ча, это капала кровь из носа. То ли от резкого движения шей, то ли от кровопускания в голове у него посветлело, но о чём говорить, он так и не мог для себя уяснить.

– Козырь, давай сюда пацана, – приказал Князь.

Ваню вытащили из-за кровати. Развязали рот. Вид у него был ужасный: разбитые в кровь губы припухли, один глаз заплыл, слёзы промыли дорожки по щекам до подбородка. «Записку для меня его написать заставили», – сделал вывод Дмитрий.

– Это кто? – спросил Князь бедного Ваню.

– Это мой учитель, Дмитрий Николаевич Михалёв.

Ваня не успел закончить фразу, как получил удар в живот от Козыря:

– Опять не в масть кладёшь!

В углу задёргалась и замычала Надежда. Дмитрий попытался вскочить со стула, две руки сзади прижали его к месту.

– Всё, что нужно я расскажу, – выкрикнул он. – Отпустите только Коротковых.

– Кого и когда отпускать, решу я, – голос Князя скрежетал, как металл. – Колись, или пацану крышка.

Скрюченного мальчишку Козырь держал за волосы.

– Я действительно Дмитрий Николаевич Михалёв, учитель школы, в которой учится Ваня.

Князь огляделся, взглянул в окно:

– Что-то мы засиделись, вот уже и стемнело. Засвети-ка, отец Кирилл, лампадки. Хочу взглянуть в глаза будущему жмурику.

И после того, как были зажжены все керосинки, одна под потолком, две настенные: у входа и над окном, Князь заговорил снова:

– Эту туфту про школу ты мне не гони. Всё бы так и было у вас, как вы лепите, да вот Куцый засомневался: «И что это учитель зачастил к Надюхе, бывшей барыге? Шмара она, конечно, клёвая. Да что же учителю своих баб не

хватает что ли?» Вот и заглянул Куцый к ней в хибару непрошенным гостем, пока хозяев-то не было. Правильно я говорю, Куцый?

– А то, мля!

– Во! – продолжал Князь. – Домушник он опытный. Сразу смикитил, что кроме наших же шмоток, которые мы ей перешивать подбрасываем, ничего нет. Тогда и пошарил он в пацановских книжках. А там красивый такой блокнотик и на нём букочки плетёные «В» и «Д». Но самое интересное – что в нём нацарапано! Куцый – парень смышлёный, репу почесал и сразу догадку включил. Там, где про вагоны и куш большой – это же про наш последний скачок. Шпанёнок-то, если и знал, зачем записывал? Не для себя же он памятку делал. Кто дал ему задание нас пасти? «В» – это понятно, что Ваня, а «Д» – кто? Ну, после пары оплеух, он нам всё выложил.

– Врут они, ничего я не сказал, а записку написал к вам, Дмитрий Николаевич, чтобы маму не били.

– Ты бы, выблядок, мамашку свою поменьше жалел-то. Она, шалава, небось, и не ведает из-под кого тебя понесла. Круговая она.

Надежда в углу заметалась, попыталась встать. Козырь жёстко ногой придавил её к месту.

– Не трожь, сука! – Ваня метнулся на Козыря, но, связанный, он только и смог, что ударить блатного головой, и, получив по затылку, упал рядом с матерью.

– А за «суку», курвёныш, я тебя ножичком распишу, ты у меня весь трефовым будешь, – Козырь запустил руку за голенище сапога.

– Сядь! – рывкнул на него Князь. – Успеешь!

У Димы всё клокотало внутри, но руки Куцего крепко давливали его в стул.

– Так что скажешь, «Д» – Дмитрий?

– Я всё объясню. К милиции мы не имеем никакого

отношения. Деньги у меня – это отпускные сегодня получил. Кроме как в школе, я уже много лет внештатно работаю в областной газете, и вензель, то есть буквы в блокноте, это не начало наших имён, а «Л» и «З», что означает «Ленинское знамя», название газеты. Мне дали задание написать статью о криминальной обстановке на окраинах города. Ваша банда, извините, команда не была целью наших поисков. Загляните в тетрадь, там и про пьяные дебоши родителей, и про мелкое воровство в детской среде, и про спекуляцию.

Князь взглянул на Козыря, тот утвердительно кивнул головой.

– Зря ты ввязался в это, Дмитрий, – Князь заговорил с другой интонацией. – Ну, с Надькой и её помётом мы разберёмся по-своему. А вот что с тобой делать? Даже если ты и не гонишь, и с ментовкой не связан, ты уже слишком много знаешь. Как там, отец Кирилл, говорится в священных книгах?

– Во многом знании много печали.

– Во! Понял? Много печали. Ты крещёный? – и в ответ на пожатие плечами Дмитрием сам и продолжил: – Все мы крещёные, кто явно, а кто тайно. Так что отпоёт тебя отец Кирилл, а там уж сам разбирайся, куда тебе – в ад или в рай. Ну, по правде говоря, даже в вашем суде нам давали последнее слово. Дадим и вам. Думаю, ты же уступишь место даме? Козырь подними её и форточку ей отвори.

Как только освободили рот Надежды, она обратилась к учителю:

– Не слушай их, Дмитрий, глумятся они над тобой. Не мокрушники они, хотя и стволы имеют, боятся просто засыпаться с последним делом. И ты, Ваня, не верь им ни слова. Был у тебя настоящий отец, помнишь, как он подкидывал тебя высоко и приговаривал: «Не бойся, Ваньша, ничего не бойся, стыдно бояться, будь смелым, летай высоко!»

На этих словах, Дмитрия как будто обожгло чем-то, так же говорил и его отец, только называл сына – Митьша.

– И никогда, слышите вы все, никогда я не была шлюхой! – не останавливалась Надежда. – А вот эти только прикидываются уголовной братвой. Сами они подстилки дешёвые, ходят под крышей других, кто покруче-то их будет.

Первым не выдержал обвинительной речи Козырь:

– Зря ты, Князь, разрешил ей кляп вынуть.

И тут вдруг во дворе, раздался резкий щелчок: не то стук доски плашмя, не то выстрел.

Бандиты всполошились. Князь кинул взгляд на Куцего:

– Ты на стрёме кого поставил?

– К-креста с Кабаном.

– Ну, так иди и поинтересуйся у них, что за шухер понтовый!

– Да на раз! – и Куцый, подойдя к двери, толкнул её плечом. – Заперто, падлой буду!

– Да куда тебе деваться, будешь ты падлой, кто спорит!

– Князь сохранял спокойствие. – Дверь на этой хазе внутрь открывается.

Куцый слегка дернул за ручку, дверь приоткрылась, он вздохнул, Кирилл перекрестился. Козырь облегчённо сел на кровать. Куцый приоткрыл дверь пошире и замер.

– Князь, тут свора легавых, – выдавил он, поднимая руки вверх, и полушёпотом добавил. – Не хочу опять на нарах париться.

Дальнейшее происходило оглушительно быстро. Куцый захлопнул дверь и успел закрыть её на задвижку. Раздались выстрелы снаружи. В дверь ломились.

– Масть не так легла! – подумал вслух Козырь.

– Гаси керосин! – приказал Князь.

Кирилл кинулся к одной настенной лампе, а Козырь к другой. Дмитрий волчком бросился под ноги Князю, который тянулся в этот момент к керосинке над ним. Бан-

дит уже крепко держался за лампу и, потеряв равновесие, оборвал её, пролив керосин на себя. От горящего фитиля Князь вспыхнул мгновенно. Мелькнуло в руках Козыря лезвие финки. Он было кинулся за Димкой, но путь ему закрыла Надежда. Всплеснулся женский крик. Дмитрий Николаевич заполз под кровать, увидел испуганное лицо Вани, его придавливало бездыханное тело матери. По комнате метался плавающий человек. Звон стекла и треск выбитой рамы говорили о том, что кто-то пытается выбраться в окно. Ворвавшийся в помещение свежий воздух сделал живой факел более ярким. Бедный Князь упал перед самым окном, языки огня от него уже облизывали стены.

* * *

В быстро наступившей темноте неукротимо злобствовало пламя, в его сполохах носились с ведрами жители близлежащих домов, но поливали они стены своих хибар, чтобы огонь не перекинулся на камышитовые постройки. Приехала пожарная бригада, стала поливать землянку. Обгоревшее перекрытие, видимо, не выдержало, и крыша с мокрым дёрном рухнула внутрь. Как-то в одно мгновение стало темно, пожар прекратился. И в наступившей тишине вдруг внятно послышались голоса из-под земли. Запалили факела, появились керосинки «летучие мыши». Голоса раздавались из вытяжной трубы погреба. У Коротковых был свой подвал, вход в него находился в землянке, а сам погребок расположен за пределами домика. Пожарные, быстро орудуя лопатами и топорами, взломали перекрытие погреба.

– Помогите! Пожалуйста! Быстрее! – Дмитрий Николаевич держал на руках обмякшее тело Надежды, рядом, держа мать за руку, стоял Ваня.

Пожарные в несколько рук помогли погорельцам выбраться из подземного плена.

– Есть врач? – кричал Дмитрий, – врача! Скорее!

Подбежали двое с носилками и мужчина в халате:

– Давайте в неотложку! Быстро!

Ваня попытался тоже забраться в медицинский автобус.

– Придержите мальчика! – попросил врач Дмитрия.

Дмитрий Николаевич крепко прижал Ваню к себе. Так, обнявшись, они и стояли поодаль от ямы, бывшей еще недавно жилищем и чуть не ставшей для них могилой.

Из неотложки вышел милиционер, машина тронулась. Офицер, подойдя, представился:

– Капитан Свиридов. А вы, как я понимаю, Михалёв Дмитрий Николаевич?

– Да, – подтвердил Дима и сразу спросил, – что с Надеждой?

– Врач сказал, что пульс не прощупывается. Большая потеря крови. Её повезли в морг.

– Нет! – Ваня вырвался из рук Дмитрия Николаевича и бросился вслед за машиной скорой помощи.

– Ваня, стой! – хотел броситься за ним учитель, но его остановил капитан:

– Вам следует проехать с нами, мы их догоним.

Догнать не удалось ни «скорую помощь», ни Ваню. Дмитрий Николаевич ехал в милицейском «газике», и чёрная тьма, высвечиваемая фарами машины, вместе с гулом двигателя, как патефонный шум заигранной пластинки, выводили в мозг мелодию романса «Очи чёрные»:

Ох, недаром вы глубины темней,
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное,
Сожжено на нём сердце бедное.

Утром 1 июня 1954 года

Процедура допроса, или, как объяснил следователь, беседы, затянулась на несколько часов. Вопросов было много. почти всех членов банды взяли на месте. За ними тянулся длинный шлейф крупных краж, разбойных нападений и грабежей. Органы следили за бандой уже давно. И сегодня должно было состояться её задержание.

Это чистая случайность, что Михалёв в момент захвата банды оказался у Коротковых. Сначала у скупщицы краденного, Марии Кокориной, тихо арестовали пьянствующих там пятерых грабителей. Тех же, кто был в доме Коротковых, вязали по одному, когда они, подкупченные, выползали из землянки. Схватили всех, кроме Князя. Главарь сгорел заживо перед самым окном землянки, тем самым он-то и преградил связанным жертвам путь из пожарища. А спаслись пленённые бедолаги благодаря обоюдной находчивости Дмитрия и Вани. Складной нож, спрятанный в специальном карманчике носков Михалёва, помог освободиться от верёвок. Носки эти, как, собственно, и нож, достались Димке по наследству от отца. Складень он накануне прихватил в надежде нарезать сирени, и вот отцовский подарок практически спас им жизнь. Освободившись от верёвочных пут, Ваня вспомнил о подвале. Крышка его была по-особому уплотнена, чтобы холод зимой не шёл в дом, а тепло не проникало в подвал. Это и спасло беглецов от активного проникновения дыма в подпол. А ещё спасло пленников подземелья то, что пол не успел как следует воспламениться, а крыша неожиданно обвалилась внутрь землянки. Слава богу, пожарные вовремя взломали перекрытие погреба.

Всё время пребывания в милиции Дмитрий Николаевич думал о несчастной Надежде Коротковой. Сердце сжималось от жалости. Ценой своей жизни она спасла сына. А

в мозгу всё крутилась пластинка: «Очи чёрные глубины темней, вижу траур в вас по душе моей!..»

Перед тем, как отпустить Дмитрия Николаевича домой, ему предложили сразу же проехать на опознание тел погибших – Козыря и Надежды.

Когда следователь Свиридов с Михалёвым и двумя понятыми прибыли в морг, им предъявили только останки бандита.

– Это ещё что за фокус! – возмутился капитан милиции. – И куда же дели тело женщины?

– Так это... того... этого..., – санитар подбирал слова для объяснения, – пока мы занимались шашлыком, то есть, простите, обгоревшим трупом, гля, а она зашевелилась и на бок перевернулась. Ну, мы того..., трухнули даже немало. Короче, в реанимации труп... тело... женщина...

– Так она жива? – Михалёв радостно кинулся к санитару. – А где реанимация?

Следователь его остановил:

– Не спеши, Дмитрий, к ней нас вряд ли сейчас пустят, а с врачом, конечно, переговорим, всё узнаем. Пошли со мной.

Дежурный врач реанимации обрадовал, что состояние Коротковой стабильно удовлетворительное. В связи со значительной потерей крови она пока очень слаба, но её организм активно борется. Она долго была в отключке из-за болевого шока, однако ножевым ранением основные органы жизнедеятельности не повреждены. Беспокоить больную пока нельзя, но уже завтра родственники могут её проведать. И только теперь, успокоенный благополучным исходом, он вспомнил про Ваню.

– Да не переживай, – успокоил его Свиридов, – иди ото спишь, появится он сам, куда ему деваться.

Но Ваня не появился ни в этот день, ни в следующий.. Мальчишка исчез.

Днём 2 июня 1990 года

Сегодня у Дмитрия и Надежды Михалёвых – «коралловый» день бракосочетания. Теперь модно стало сравнивать всякие юбилеи совместной жизни с международными традициями. Но, если честно, то какие кораллы у нас внутри континента? На Руси в старину, если жили супруги вместе так долго, называли такую свадьбу «льняной» или «полотняной». И это было больше похоже на правду. Жизнь как полотно, сотканное двумя людьми из тонких нитей-лет. И на этой, ни на что не похожей ткани жизни, были вышиты узоры-события прожитого.

Тридцать пять лет как Михалёвы душа в душу прожили вместе. Особо не афишируя это событие, свадьбы-то как таковой в их жизни и не было, они обычно отмечали этот день вдвоём за скромным домашним столом. Как и тогда в целинном Акмолинске, главным угощением в их семье была картошка в мундирах и селёдка под водочку. Правда, с годами Надежда достигла особого искусства в приготовлении этого немудрёного блюда.

Картошка, тщательно промытая, смазанная растительным маслом, запекалась в микроволновой печи «Электроника» (вещь дорогущая, но входившая в моду) и подавалась слегка разрезанной крест-накрест. В этот разрез ещё раскаленной картофелины закладывался ломтик солёного сливочного масла. Селёдка, освобождённая от косточек, украшалась кольцами репчатого лука, предварительно замаринованного в лимонном соке. «Столичная», вынутая из морозилки, моментально запотевала, и водочка тягуче текла в гранёные стопки. Сколько раз в их жизни повторялась эта процедура! Но всегда радостное воспоминание вызывало волнительную дрожь, и аппетитный ландшафт застолья – произвольное слюноотделение. Картошечка, лучок, водочка – всё слегка сластило. «Ой, горько! – шутя

кричали Дмитрий и Надежда, чокались, выпивали и целовались. Празднование обычно, как и положено в счастливой семье, заканчивалось постелью.

Сегодня Дмитрий Николаевич перед застольем был несколько напряжён, явно собирался с мыслями. «Готовит речь», – подумала Надежда, и вдруг Дмитрий, как бы между прочим, сообщил, что забыл передать жене привет.

– От кого? – поинтересовалась супруга.

– От Ираиды Генриховны Горенберг.

Надежда вздрогнула.

– Ты мне никогда о ней не рассказывала, – продолжил Дмитрий, делая вид, что не заметил замешательства супруги.

После длительной паузы, которую оба стойко выдержали, первой заговорила Надежда:

– Как ты узнал?

– Тебе ведь известно, что сейчас рассекречиваются многие архивы. Мне, как главному редактору областной газеты, не отказали заглянуть в личные дела моего отца, они есть в архивах и МВД, и КГБ. Просмотрел и папки с некоторыми документами и протоколами тех дел, которые вёл отец как следователя. Я сопоставил два разных дела 1938 года. В сентябре был арестован известный артист эстрады Геннадий Горин, это псевдоним Генриха Гербертовича Горенберга. Он переписывался со многими артистами, эмигрировавшими после революции. За это его обвинили в сотрудничестве с западными спецслужбами. Его осудили на десять лет без права переписки. Фактически это означало расстрел. Следом за ним по той же статье арестовали и его жену, а вот их дочь Ираида исчезла.

Чтобы унять дрожь в руках, Надежда в смятении принялась полотенцем активно сметать со стола отсутствующие крошки.

– И что же дальше? – проявила она нетерпение.

– В это же время отец вёл расследование, связанное

с воровской бандой, за которой тянулся шлейф не только грабежей, но и убийств. Всех сдала скупщица краденного, она сотрудничала с милицией. Это стало известно ворами, и вот один из уроков, оставшийся на свободе, решил посчитаться с предательницей. Случайно или специально милиция отреагировала с опозданием и взяла уголовного в момент, когда тот уже свершил своё мокрое дело. В общем, вся банда пошла по расстрельной статье, а вот барыжницу доставили в больницу с лёгкими порезами, зато в морг привезли изуродованный труп пропавшей Ираиды Горенберг. Оpozнание погибшей почему-то произведено не было. Тело как невостребованное вскоре захоронили.

Дмитрий Николаевич сделал паузу, налил себе и жене водки.

– Почему же ты тогда говоришь, что она передавала мне привет?

– А ты её знала?

Надежда промолчала.

– Самое интересное началось, когда я сопоставил в делах фотографии. Дочь артиста и скупщица краденного – это одно и то же лицо, хотя по датам рождения между ними по возрасту десятков лет разницы. Как такое могло случиться? В разных делах речь идёт о разных людях, а фото одной женщины. На обеих папках указана фамилия следователя Николая Струнина, моего отца. Это открытие привело меня в замешательство, пока я не нашёл объяснение в истории Народного комиссариата внутренних дел. Главное управление госбезопасности в марте 1938 года было по непонятной причине ликвидировано решением Политбюро, а в сентябре того же года опять восстановлено. И тогда же все архивы страны были переданы под начало НКВД. Отец осенью передал папку с уголовным делом в архивный отдел внутренних дел, а расследование по делу «шпиона» Горина легло в архив управления государствен-

ной безопасности. Видимо, эти две папки вместе никто никогда в руках не держал, иначе бы сразу стало ясно, что Ираида Горенберг после исчезновения воскресла как Надежда Короткова.

Дмитрий Николаевич залпом выпил налитую водку, закусив лучком, продолжил:

– Вот уж воистину, всё тайное когда-нибудь становится явным!

Надежда тоже выпила содержимое стопки, но закусывать не стала. Жёстко, как на чужого посмотрела на Дмитрия:

– Да, от рождения я была Ираидой. Хотя и забыла уже об этом, правильнее сказать, заставила себя не вспоминать этот факт из моей жизни. И что ты собираешься делать со своим открытием? Сейчас модно искать ошибки в прошлом, а для тебя, опытного журналиста, это просто неисчерпаемый кладёзь шумных разоблачений.

– Надя, о чём ты говоришь?! Ты знаешь мои принципы. Я против всякой жёлтой прессы. О том, что я рассказал, известно только мне и тебе. И всё! Разве я проявлял когда-нибудь излишний интерес к твоей личной жизни до нашей встречи? Меня лишь возмущает, что ты всю жизнь носила в себе этот груз, а я совершенно случайно сам догадался. Я жду от тебя хоть какое-то этому объяснение. Ты меня столько лет обманывала! Ты мне все эти годы не верила, не доверяла! Почему?

Надежда взглянула на мужа по-другому, как на любимого человека. В ней давно уже всё перегорело, боль притупилась, её всё устраивало, а ему это показалось изменой. «Дурачок! Как же я его люблю! Найду ли слова для оправдания своего молчания?» – она встала из-за стола, подошла к мужу, обняла его за голову, присела рядом:

– Прости, я не желала ни обидеть, ни ввести в заблуждение, ни тем более обманывать тебя. Когда ты начал этот разговор, мне, глупой, на миг показалось, что ты хо-

чешь уличить меня в чём-то постыдном. Прости! Я всё попытаюсь объяснить, но прежде хочу сказать, что люблю тебя, люблю нашу дочь, я благодарна судьбе, что эти долгие годы – господи, как быстро они пролетели – я провела рядом с тобой.

Она прижалась к милому сердцу человеку и начала свой рассказ:

– Ещё тогда, в пятьдесят четвёртом, когда ты забрал меня из больницы к себе и мы жили в твоей квартире, когда ты так заботливо ухаживал за мной, когда мы вместе вели безуспешные поиски Ванечки, ещё тогда я хотела раскрыться перед тобой, что живу под чужой фамилией. Но вдруг среди фотографий вашей семьи я узнала его, твоего отца. Всё время до того меня смутно терзали догадки. Ты очень похож на него, но фамилии у вас разные. Работник ОГПУ Николай Струнин был дружен с моими родителями, я часто видела его у нас. Спасти Гориных в то время было не в его силах. Всё, что у него получилось, так это помочь мне. Вот об этом я и не решалась рассказать. Я так привыкла к тебе, я так полюбила тебя, что боялась твоего осуждения и не хотела тебя терять. Меня мучили сомнения, права ли я, что живу не своей жизнью, с чужими документами. Но когда взамен исчезнувшего в пожаре паспорта мне выдали настоящий, уже с моей фотографией, когда мы решили связать наши жизни, когда мы вместе поехали на целину – я каждый раз откладывала разговор на потом. А потом родилась Анютка, и у нас у всех была одна фамилия – твоя. Мы так были счастливы. У тебя начался карьерный рост, и я с ужасом думала, что, открывшись, всё испорчу. Мне казалось, и так всё хорошо без той давно забытой правды. Ну, что бы изменилось, если бы ты узнал, что Николай Струнин, твой отец, спасая меня, дочь своего старинного друга, отдал мне паспорт умершей Надежды Коротковой. Мы действительно были с ней похожи

по фото на паспорте, она ведь там была ещё юной. А образ жизни, который мне пришлось вести, скромная одежда и вечно повязанный платок, нивелировали разницу в возрасте. Ворованного я никогда не брала и не спекулировала, да, перешивала соседям вещи, иногда и краденые. А как нам было прожить с Ваней? Пока был жив твой отец, он помогал нам, и землянку ту он нам подыскал, сказал «временно», но прожила я в ней почти 10 лет. А вот когда ты появился в моей жизни, я всячески стала молодиться, чтобы никто не осудил тебя, что женился на старухе. Жизнь уже прожита. Я ни о чём не жалею. Нет вру! Первое время, ещё до Анечки, я часто плакала в твоё отсутствие из-за того, что не было с нами Вани.

Дмитрий обнял свою любимую и запел из романса «Очи чёрные»:

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна, мне судьба моя,
Всё, что лучшего в жизни Бог мне дал,
В жертву отдал я огненным глазам.

Продолжение вечера 3 июня 2012 года

– Здравствуйте, Дмитрий Николаевич! – заговорил «живой отец» и почему-то на «вы». – А я, пока был на кухне, слушал ваш разговор с медсестрой и радовался: вы такой же ироничный, как всегда.

И человек, так похожий на отца, неожиданно превратился в Ваню Короткова, только сильно постаревшего.

– Ваня, ты? – Михалёв протянул навстречу вошедшему руки.

Они обнялись, один – полулёжа на диване, другой – стоя на коленях перед ним.

Ещё не ушедшая медсестра вновь заглянула в гостиную:

– Дмитрий Николаевич, у вас всё в порядке?

– Да я живее всех живых! Галина Николаевна, а это Ваня. Ваня Коротков!

Женщина с интересом взглянула на пожилого человека:

– Ну, тогда я просто Галя. Очень приятно! Ну, я пошла.

Но мужчины, уже забыв про неё, не отрываясь, всматривались друг в друга.

– Да, время! Ты весь белый и кудри распрямились, – Дмитрий Николаевич провёл рукой по седой голове Вани.

– Но главное, ты нашёлся. Жаль, Надежда не дождалась этого. В прошлом году, она ушла от нас.

– Как? Мама тогда не погибла?

– Это было просто чудо! Она боролась. И выжила. Восемьдесят девять лет отвёл ей господь. А вот ты куда пропал?

– Меня приютили цыгане. Какой смысл было мне возвращаться и куда? На пепелище?

– А почему не пришёл ко мне?

– Перед вами мне было очень стыдно, ведь это я вас так подставил, слава богу, всё обошлось, а вот что мама выжила – я не знал.

– Мы с ней долго искали тебя, милиция розыск объявила, но ты как в воду канул. Надежда очень переживала.

Ваня встал с колен, присел на диван рядом с Дмитрием Николаевичем:

– Цыгане тогда решили уйти в Прибалтику, потом в Крым. В общем, с табором я помотался по всей стране, пока нас не заставили осесть в одном месте. Освоился с кузнечным делом. Лошадь подковать, допустим, за милую душу. А вы помните цыганёнка, который записку вам принёс? Это Саша, вот его семья меня и взяла к себе, узнав, что мама погибла. Они все Кузнецовы, и я потом паспорт получил с их фамилией. Кудрявый и тёмноволосый, как мама, я сразу среди ромалэ стал своим. И зовут меня уже почти шестьдесят лет Николай Кузнецов.

– Вот тебе на! – удивился Дмитрий Николаевич.

– Да, я взял имя отца, а фамилию мамы решил просто забыть.

– Да уж! Удивил! Ах, как бы Надежда обрадовалась, что ты нашёлся, – Дмитрий Николаевич кивнул головой в сторону портрета.

Ваня оглянулся и замер. На стене он увидел фотографию красивой женщины, его матери. Он удивлённо взглянул на учителя.

– Вот так, Ваня! Ой, или Николай? – растерянно спросил Дмитрий Николаевич.

– Да зовите, как вам удобней. Для вас я, конечно, Ваня.

– Так вот, дорогой мой Ваня-Николай, с твоей мамой мы прожили душа в душу пятьдесят пять лет.

– А у вас в школе была симпатия, географичка, кажется, – вспомнил Ваня.

– Ты-то откуда знаешь?

– Да все знали. Вы с ней шуры-муры разводили, по углам целовались.

– Ну, целовались, да и только. Так что «шуры» были, а до «муры» не дошло. Когда твоя мама из больницы согласилась переехать ко мне, я про других женщин просто забыл. Ольга Ивановна, географичка, как ты говоришь, всё поняла. Простила она меня или нет – не знаю, но я тогда осознал, что люблю только одну Надю. Ах, Наденька, Надюша, Надежда! Она ведь всегда верила, что ты жив, даже, когда объявили тебя без вести пропавшим, поиски не прекращала. Последние годы ей очень помогала наша дочь – Анечка. Да, Ваня, у тебя есть сестрёнка Анютка. О! Это теперь такая дама, я тебе скажу! Она вышла замуж за дипломата, он американец. Объездила весь мир. Анна возглавляет какой-то там благотворительный фонд, владеет издательством. Мы с Надеждой бывали у неё. Как в сказке! Свой дом, бассейн, гольф-поле. Трое сыновей у неё. Да

у нас уже и правнуки есть, – хвалиться дочкой Дмитрий Николаевич мог бесконечно.

Ваня успел только вставить в поток речи старшего товарища короткий вопрос:

– А какая у неё фамилия?

– Замечательная – Моллиган.

– Так вот почему я здесь! Меня нашла моя сестра!

– Ай, да Анечка! Я же тебе говорю, она просто прелесть! Она так похожа на мать! – опять сел на своего конька Дмитрий Николаевич, но неожиданно сменил тему. – Слушай, пока нет моей сиделки, кстати, её тоже наняла Анна, принеси-ка из холодильника водочки и прихвати там что-нибудь закусить, за встречу-то по русскому обычаю, грех не выпить! А как у цыган по этому поводу?

– Да, так же, Дмитрий Николаевич! – рассмеялся Ваня и отправился на кухню.

А переговариваться они всё же не перестали.

– Ты сказал, что тебя нашла Анютка, как это случилось, Ваня? – чуть громче, чем обычно, чтобы было слышно в кухне, спросил Дмитрий.

– Это почти детективная история, – так же громко ответил Коля-Иван. – Где-то недели две назад к нам в глухомань, а живу я в небольшой вологодской деревушке, приезжает крутой «мерседес». Выходят двое упакованных, как денди, молодых людей – и к моему дому. Я грешным делом, подумал, что это «новые» русские с очередным наездом подкатили, – Ваня вошёл в гостиную, неся на подносе водку, рюмки и закуску, поставил всё на передвижной столик и пододвинул его к дивану. – Ну, что ж, Дмитрий Николаевич, давайте, за встречу! Вы не представляете, как я рад вас видеть! А вам это дело не противопоказано?

– Если во всём следовать советам врачей – противопоказано жить! Теперь у меня счёт жизни идёт уже не на годы, может, и не на месяцы. Какая тогда разница – сегодня

ня или завтра встречусь я с Надеждой? Давай-ка, дорогой Ваня, или уважаемый Николай. За удивительный подарок судьбы – за встречу!

Чокнулись, смачно выпили, закусили грибочками.

– Так что там с «новыми» русскими? – напомнил конец рассказа Дмитрий Николаевич.

– Да! Места у нас, я вам скажу, чудесные, вековые ели, озеро. И периодически пытаются нас из деревни незаконно выселить. Бывает, грозят. Два дома уже сгорели, якобы случайно. Ну, я и вышел с двустволкой навстречу этим двоим. Бедные пареньки, наверное, слегка освежили свои трусики. «Папаша, мы не знаем, за кого вы нас приняли, – стали оправдываться незнакомцы, – у нас благородная миссия, мы занимаемся поиском людей по заказу международного фонда «Эсперанса». У нас к вам несколько вопросов». Ну, я извинился, пригласил их в дом. Разговорились. Когда они спросили, не знаком ли мне Иван Николаевич Коротков, я сам чуть не подмок. Но прикинулся несведущим. Тогда они заходят с другого конца. Мол, в их московское представительство поступила заявка на поиск этого человека. Возможности Фонда безграничны, и они уже провели огромную работу по заданию непосредственного руководителя Фонда Ани Моллиган. Она разыскивает родственников в России. Ну, я тут успокоился. Никаких родных за рубежом у меня быть не может. И послал этих юнцов подальше. Но не тут-то было. Отступать они и не собирались. Говорят, что за помощь в розыске полагается гонорар, и называют сумму, которую мне и выговорить-то сложно. А всего лишь нужно взять мазки слюны у меня изо рта. Выкладывают на стол кучу денег и раскрывают чемоданчик с пробирками. Я в шоке только рот раскрыл, а они уже ваткой за щекой у меня шурудят. «Спасибо за помощь, с результатами анализа мы вас обязательно ознакомим». И укатили. Проходит неделя. Никого. А я из денег ни рубля не потратил, припрятал подальше и жду. В общем, к

концу второй недели приезжают те же парни.

– Вань у тебя рука не болит? – перебил его Дмитрий.

– Нет. А в чём дело?

– Так рюмки сухие стоят, а ты их смочить не можешь.

– Фу ты ну ты! Купился я на вашу шутку. Конечно, налью. Ну, давайте. Знаете за что? За маму.

– Молодец, Ваня! – у Дмитрия Ивановича выкатилась слеза из глаза, – Давай! Святая она женщина! За её светлую душу!

Не чокаясь, помянули самого близкого им человека.

– Ну, теперь давай дальше.

– А что дальше?! Привезли они с собой заключение экспертизы. Я читаю-перечитываю и глазам своим не верю. Мол, я, Николай Николаевич Кузнецов, по генетической идентификации личности являюсь родным братом Ани Моллиган. Кто она такая, с какого боку припёка? Ну, дальше – больше! Оказывается, эти господа вышли на меня по результатам дактилоскопического анализа. Ещё в пятьдесят четвёртом году отпечатки моих пальцев сняли со школьной чернильницы, которая осталась в классе. Эти отпечатки, сохранившиеся в деле о пропаже Вани Короткова, заложили в программу сверки с имеющимися в картотеке МВД. Я ведь по юности был небезгрешен, попадал в КПЗ и условный срок имел. Так они определили, что Иван Коротков и Николай Кузнецов – это одно лицо. Я-то это и без них знаю. Эти представители фонда меня стали успокаивать, мол, информация вся конфиденциальная и разглашению не подлежит. В общем, пригласили в свой офис, подписал я там кучу бумажек. Выдали мне еще кругленькую сумму и дали ваш адрес. А на руках у меня остался странный документ, показать который я вам не решаюсь.

– Да? И правильно! – поддержал робость Вани Дмитрий Николаевич. – Вот давай-ка для смелости примем, и ты решишься. Наливай!

Выдохнув, приняли третью.

– Давай, не робей! Режь правду-матку! Кого нам с тобой бояться? «А смерть придёт – помирать будем!» – запел неожиданно Дмитрий Николаевич.

– «А помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела!» – отпарировал ему Ваня.

– Согласен! Эх, Ваня, и что ты раньше-то не нашёлся. Вот такого родственника-друга мне всю жизнь и не хватало. Мы с Надеждой после того пожара, чтобы переменить обстановку, поехали на целину. Я работал корреспондентом. Потом вызвали меня в военкомат и призвали в армию. Красиво так призвали. Сразу назначили редактором новой многотиражки. В Казахстане, кроме целины, одновременно готовились распахивать и небо. Вот на строящийся космодром меня и призвали. Там поначалу были одни военные, полигон подчинялся Генштабу. Это уже после полёта Гагарина его называли Байконуром, как и город, который сперва именовали Заря, потом Ленинск, а теперь всемирно известный Байконур. В общем, к чему я это всё? Секретности было много. Приучили меня к «неразглашению». И дружить ни с кем нельзя было. Лучшие друзья – это родственники. А у меня они только женщины. И выпить толком не с кем, и излить душу некому. А вот уже год, кроме медсестры, вообще не с кем словом перекинуться. Инфаркт, инсульт, еще инфаркт. Дочь навевается редко. Далеко, да и некогда ей. А тут ты – подарок судьбы! Так что там у тебя с рукой? Не болит, говоришь?

– Нет, Дмитрий Николаевич, не болит! – рассмеялся младший товарищ.

И не успел Ваня наполнить стопки, как голос Галины Николаевны раздался из прихожей:

– Так, чую дух мужской солидарности! – она, не заходя в кухню, вместе с пакетами прошла сразу в зал.

– Галина Николаевна, представляешь, мы не виделись

почти шестьдесят лет. Это лучший друг моей юности – Николай Кузнецов.

Медсестра с нескрываемым любопытством взглянула на гостя:

– Да вы что? «А славянский шкаф у вас случайно не продаётся?» Надо же, как быстро развивается наука – клонирование в быту! Час назад человека с такой же внешностью звали Ваней Коротковым.

Мужчины переглянулись и рассмеялись.

– Так, ясно. Чтобы не затягивать научный эксперимент, я ликвидирую у вас катализатор смелости и глупости, – с этими словами Галина Николаевна взяла со стола бутылку водки и удалилась на кухню.

– Во! Анина школа! Строга и справедлива! А давай, Ваня, за мою доченьку, за твою обрётённую сестричку.

– А давайте!

И они, чокнувшись, махнули ещё по одной.

– Ну, так что ж там у тебя за бумажки страшные, о которых ты боишься даже говорить? – вернулся к прерванному Ваняному рассказу Дмитрий Николаевич.

– Да, вот и не знаю, как сказать. Может, я вам их отдам, а вы сами прочитаете?

– Давай.

– Всё читать не обязательно. Можно только заключительную часть.

– Хорошо, давай заключительную.

Ваня перевернул все, кроме последней, страницы и в таком виде передал бумаги учителю.

– «Вывод, – начал читать Дмитрий Николаевич. – Таким образом, из результатов анализа ДНК следует, что Н.Н.Кузнецов, Д.Н.Михалёв, Н.П.Михалёва, А.Д.Моллиган являются родственниками». Ну, и что тут страшного? Это и без анализов ясно.

– Вы не дочитали, – Ваня как-то заметно волновался.

– Хорошо, продолжим. «Н.Н.Кузнецов и А.Д.Молиган – родные брат и сестра по матери. Н.Н.Кузнецов и Д.Н.Михалёв – родные братья по отцу».

Дмитрий Николаевич стал про себя перечитывать эти строки ещё раз. Перечитал и, снова не поверив, включил, как говорится, глаз редактора: стал искать, в чём же тут ошибка или где опечатка.

– Там ошибки нет, Дмитрий Николаевич, я вот приготовил ещё одно заключение экспертизы, – и он подал другую папку бумаг.

Дмитрий, быстро просматривая общие фразы, озвучил главную:

– «Отцом Николая Николаевича Кузнецова и Дмитрия Николаевича Михалёва является Николай Иванович Струнин».

Дмитрий Николаевич откинулся на подушках, долго молчал.

– Может быть, это... медсестру позвать? – неуверенно предложил Ваня.

– Бесполезно, всё равно не нальёт!

– Ну, если дело за этим, то у меня всегда имеется запасной вариант, – и он достал из внутреннего кармана металлическую фляжку.

– Молодец! Наш человек!

Только успел Ваня убрать фляжку назад, в комнату вошла Галина Ивановна:

– Вот, молодцы, не выпили! А это я вам нормальной закуски приготовила, – и выставила на столик бутерброды с икрой, колбаску и печень трески.

– Познакомьтесь, дорогая Галина Ивановна, это в прошлом Иван Коротков, ныне Николай Кузнецов – мой родной брат.

Ваня утвердительно кивнул и пожал плечами. Сиделка внимательно посмотрела на обоих и сделала заключение:

– Так, всё ясно. По «последней», и всё! Надеюсь, в ближайшее время он не станет вашей сестрой?

Все трое дружно рассмеялись. Галина Николаевна вышла.

– Да, загадка века! – Дмитрий Николаевич взял в руки стопку водки. – Знаешь, Ваня, а я всегда любил тебя как брата, и мне всю жизнь тебя не хватало.

– Вы не поверите, но все эти годы я почему-то, подумав о матери, вспоминал и вас.

– А, может, хватит уже «выкаты».

– Да как-то непривычно, неудобно.

– Неудобно мужикам против ветра...

Ваня рассмеялся. Называть своего учителя на «ты» язык не поворачивался, но всё же так здорово, что у него вдруг появился родной брат, и в оправдание своему смущению он процитировал когда-то услышанные строки:

– «Своей не ведаем заране доли. Не мы – судьба распределяет наши роли».

– Красиво сказал. Молодец.

– Хорошие были учителя. А это не мои слова, слепого сирийского поэта Аль-Маарри в переводе Тарковского.

– А ты сам-то не потерял с годами талант сочинительства?

Ваня на мгновение задумался и заговорил стихами:

Так не судите вы меня за это строго,
Что вслед за табором и я ушёл с утра.
В пути учила петь меня дорога,
И сердце зажигалось от костра.

Глаза Дмитрия Николаевича сквозь слезинки умиления засветились гордостью за своего ученика:

– Да, судьба – вещь загадочная, порою разумом не постижимая, в ней всё возможно. Вот была тайна у нашего отца, было что скрывать и твоей матери, они этой тайне остались верны до конца. Ты ведь не знаешь, что под

именем Надежды Коротковой жила уголовница, а не твоя мать. Женщина под этим именем погибла, а твоя мама, по-настоящему Ираида, – дочь репрессированных артистов Гориных. Наш отец спас её от режима, выдав паспорт убитой Коротковой. Ираида и Николай, видимо, очень любили друг друга, только недолгим было их счастье. Я отца не осуждаю. Сейчас не осуждаю. Тогда бы, возможно, думал бы по-другому. Моя мать сильно болела, а отец – молодой, красивый. Ты помнишь, как он называл тебя?

– Помню.

– Как?

– Странно как-то – Ваньша.

– А меня – Митьша. Это наш дед, – сибирский казак, – так звал своих близких и, кстати, нашего отца он окликал Кольша. Говор был такой. Ласковый, добрый. А что? Саша, Маша, Миша, Глаша – нормально?

– Красиво.

– А что случилось с отцом?

– Во время войны он работал в СМЕРШе, а погиб в сорок шестом при ликвидации вооружённой банды налётчиков. Представляешь, ему было всего лишь тридцать четыре года. Насколько он младше нас теперешних! Как там, у поэта – «Я живу эту долгую-долгую жизнь за других...» Давай, брат Ваньша, за них, за тех, кто дал нам такую возможность – долго жить!

– Давай, Митьша, будем жить! И за них тоже!

**ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ
ИЗМЕНИТЬ СИТУАЦИЮ**

И ВСЕГО-ТО!

Головной офис фирмы, в которой работал Василий Иванович Кологривов, находился в Москве, а сам он жил в Ениске. По графику, как на вахту, вылетал в столицу, а оттуда на пару недель и в другие города, где фирма осуществляла свои проекты. За пятнадцать лет этот ритм жизни стал для него привычным, правда, в последнее время приходилось постоянно выслушивать от родителей претензии, что они, наверное, так и умрут, не дождавшись внуков из-за его постоянных командировок. Благодаря работе Василий Иванович обеспечил себя квартирой, машиной, а вот личную жизнь свою так и не устроил, в том смысле, что не женился. Как-то не доходили отношения с женщинами до брака. Что-то мешало ему увидеть в них спутницу на всю жизнь. Работа ли была тому виной? Вот и сегодня после возвращения из Краснодара ему неожиданно позвонил шеф:

– Василий Иванович, тебе уже заказан билет в Москву. Дело безотлагательное с шестью нулями. Утром жду у себя в кабинете.

– Раз надо, значит, буду!

А что ещё он мог ответить? Впрочем, нет худа без добра! Наконец, привезу отцу обещанные документы по родословной Кологривовых. Надо только не забыть назначить встречу с московским коллекционером Браунбергом.

И вдруг Василий Иванович ощутил тревожное волнение в груди. Это чувство было ему давно знакомо. Оно всегда возникало в момент напряжённой ситуации. Впервые он пережил это ощущение в школе, вернее, после выпускного бала, когда остался с девушкой наедине. Теперь-то он знал – произойдёт нечто необычное, потому, наверно, и следовал давно выработанной стратегии: «Если нельзя изменить ситуацию, нужно поменять к ней отношение». И всего-то!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

В зале ожидания, несмотря на раннее утро, было необычно много пассажиров. Оказывается, рейсы самолетов один за другим задерживали из-за тумана. Василий Иванович, найдя свободное место у стены и приютившись у полуколонны, стал наблюдать за людьми, вынужденными ожидать своего рейса. Кто-то торопливо старался позвонить до Москвы. Там ведь, по сравнению с Енском, ночь ещё только начиналась. Кто-то по телефону жаловался на неурядицы судьбы, почему, мол, именно сегодня с утра образовался этот дурацкий туман, вчера ведь был такой тёплый и солнечный вечер. Молодая мамочка пыталась успокоить своего энергичного сыночка лет пяти-шести. Она усаживала его рядом с собой, а он через минуту, раскинув руки, опять носился по залу меж пассажиров, изображая высший пилотаж. Бывало, что и прикасался к кому-нибудь рукой-крылом, а то и просто врзался в зазевавшихся. Иные с готовностью отклонялись от столкновения, мужчины, не успевшие увернуться, непроизвольно прикрывали ладонью известное место, самые раздражённые хватали мальчугана за руку и отводили к матери. А та с извинениями пристраивала сына рядом и негромко пыталась пристыдить парнишку, мол, он не жалеет её и младшую свою сестрёнку, мирно посапывающую в переносной колыбели.

Взволнованная толпа пассажиров на некоторое время замерла, вслушиваясь в голос диктора-информатора, объявляющего, что вылет московского рейса задерживается на шесть часов, а затем, возмущенная, вновь загудела и зашевелилась. Василий Иванович отреагировал спокойно: «Если нельзя изменить ситуацию – нужно поменять своё отношение к ней. Значит, буду в Москве не утром, а к обеду».

Уже дома, когда Василий Иванович прилёт на диван, вдруг вспомнился ему мальчуган в аэропорту: «Да, в дет-

стве все мечтают летать!» – подумал он и мирно заснул.

И увидел Кологривов сон из раннего детства.

Жили они тогда на рабочей окраине в частном домишке. Улочки были в основном неширокие. Возле каждого строения, а они просто прижимались друг к другу, торчали деревянные столбы с натянутыми проводами. Взлетал обычно Васятка на рассвете, когда все ещё крепко спали. Слегка разбегаясь, он зависал в воздухе и парил. Это было удивительное чувство. Летал он не быстро и каким-то внутренним напряжением контролировал высоту и скорость передвижения. Забавно было преодолевать низкие и высокие заборы. Самое сложное было – не зацепиться за электропровода. Весь наполненный восторгом, он сожалел лишь о том, что никто не видит этого чудесного парения.

ИЗВИНИТЕ, НИЧЕМ ПОМОЧЬ НЕ МОЖЕМ

Сон Кологривова прервал телефонный звонок.

– Да, я вас слушаю.

– Такси заказывали? – не дожидаясь ответа, равнодушный голос в трубке продолжил. – В центре города пробки, и наши водители не могут вовремя добраться по вашему адресу. Будете ожидать в течение часа?

Василий Иванович мгновенно осознал катастрофичность положения, быстро собравшись, выскочил во двор многоэтажки. Перед крыльцом стоял «мерседес» с соседом за рулем.

– Петруша, – кинулся к нему Василий Иванович, – ты или губитель, или спаситель моей души!

– А ещё варианты есть? – попытался снять с себя столь серьёзную ответственность сосед.

– Нет! – Василий Иванович уже садился рядом с водителем. – Такси задерживается. И через час самолёт улетит без меня!

– Ну что ж! По объездной, думаю, успеем. Попрошу пристегнуть ремни. Штраф за превышение скорости платишь ты.

Встречу в Москве, назначенную первоначально на утро, перенесли на после обеда. Преодолевая по лабиринтам терминалов Шереметьева расстояние до электрички, Василий Иванович был спокоен. Волнение посетило его, когда поезд, прощально просигналив, двинулся от платформы в город без него.

«Так, спокойствие, – подумал Василий Иванович. – Если нельзя изменить обстоятельства, нужно поменять к ним отношение».

Он подошёл к расписанию. Электрички идут через каждые 20-30 минут, но следующий экспресс появится только через час. Раз в сутки имеется часовой перерыв и выпал он именно на то время, когда подоспел Кологривов. «Это что же – опять звонить в компанию? Нет! Нужно срочно нанимать такси. Вот только наличных с собой – гроши».

Банковский автомат, приняв карточку, заморгал, затрещал и умер, то есть все огоньки дружно потухли.

«Нет! Этого просто не должно было случиться. Самолет... Электричка... Теперь банкомат».

Василий Иванович почувствовал, что выдержка покидает его, следствием чего стал громкий шлепок ладонью по холодной боковине банковского терминала.

«Так, стоп! Нельзя терять самообладания, – Кологривов отступил на несколько шагов назад, оглянулся, ни одного лица, заинтересованного в его проблеме, он не обнаружил. – Куда жаловаться? Ясно одно, отходить далеко нельзя».

Это уже не просто изменение обстоятельств, это безысходность.

– Миленький, отдай карточку!

Василий Иванович осознал, что это был его голос: то-ненький, дрожащий, слезливый. Это что, так изменилось

отношение к ситуации? Ну, если честно, он сейчас бы и на колени перед этой чёртовой машинкой встал, лишь бы вернуть кредитку.

– Извините! Что-то случилось? – появился полицейский. Кологривов объяснил ситуацию.

– Здесь вот, на табличке, указаны телефоны банка, – и сержант ткнул

пальцем в приклёпанную металлическую накладку.

«Господи, как я сам не догадался!» – пристыжено подумал Василий Иванович.

После пятого гудка в трубке прозвучал голос автоответчика с предложением перезвонить позже или изложить свой вопрос после звукового сигнала. Кологривов сердито, но спокойно разъяснил ситуацию. Улыбнувшись, растерянно пожал плечами на молчаливый вопрос сотрудника полиции.

– Извините! Больше ничем помочь не можем! – сержант козырнул и удалился.

«Да! Денёк не задался!» – сделал вывод Кологривов.

Внезапно банкомат подмигнул, засветился, и из картоприёмника выскочила кредитка. Давно Василий Иванович не испытывал такого искреннего прилива радости. Он взглянул на часы: через четверть часа должна подойти электричка.

НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТ

Компания, на которую работал Кологривов, осуществляла внедрение компьютерных программ, обучение персонала и поддержку нововведения в течение некоторого времени.

Секретарша генерального директора сразу пригласила его в кабинет. Анатолий Давидович Глинский – генеральный – был не один, он приветствовал Василия Ивановича, выйдя из-за стола:

– Присаживайся! Представлять, думаю, нет особых

причин. Вы и так знакомы.

Сидящий напротив протянул руку:

– Здравствуйте, Василий Иванович!

Это был руководитель одной из компаний, с которой, ещё будучи студентом, сотрудничал Кологривов.

– Здравствуйте, Яков Семёнович!

– Ну, вот и хорошо! – продолжил генеральный. – Яков Семёнович мой старинный товарищ, пришел со своей бедой. Надо помочь.

И собеседники ввели Кологривова в курс дела.

Беда заглянула к Якову Семёновичу Циммерману в кошелек. Через его компанию прошли такие обороты, что было необходимо уплатить налог на сумму со многими нулями. «Ого!» – беззвучно удивился Василий Иванович.

– О! – вырвалось из уст расстроенного Циммермана. – Если бы это было и в правду так! Только мои финансовые возможности куда как более скромные.

– А чем я-то могу помочь в этой ситуации? – Василий Иванович с удивлением обратился не к Якову Семёновичу, а к своему шефу.

Глинский взглянул на удрученного бедой друга, перевёл взгляд на Кологривова, пожал плечами, развёл руками и протянул их в сторону Якова Семёновича:

– Ты изложи свои идеи, а стоны тут не помогут.

– Да, да, конечно, – Циммерман взял себя в руки. – Василий Иванович, помните, вы внутри «один-эс-бухгалтерии» сделали тайный учёт?

Действительно, ещё в середине девяностых, когда только внедрялись компьютерные технологии в бухгалтериях и в складском учёте, профессор Глинский рекомендовал своего продвинутого студента Василия Кологривова одному бизнесмену. Василий Иванович, тогда ещё недипломированный специалист, получил за работу из рук, Циммермана первый солидный гонорар.

В чём состоит секрет бизнеса? Купи подешевле – продай подороже. А ещё – в умении укрываться от налогов. Всё, что не уплатишь в налог, положишь себе в карман вместе с неучтённым доходом. Одна из схем, которую придумал Яков Семёнович Циммерман, состояла в сокрытии реального оборота. Просьба, которую изложил бизнесмен молодому программисту, была проста: для налоговых проверок должна открываться одна система учёта и отчётности, а для внутреннего контроля – другая. Чтобы попасть в неё, нужно было одновременно нажать сложную комбинацию клавиш на компьютере, а затем набрать пароль доступа. Об этом знали только трое: программист, главный бухгалтер и глава фирмы.

Много лет схема не давала сбой и помогала Якову Семёновичу скрывать реальные доходы, а значит, и занижать выплату налогов. И вдруг...

– Яков Семенович, вы же не думаете, что я как-то причастен к сбою программы?

– Нет-нет, что вы, Василий Иванович! – воскликнул Циммерман. – Что вы?! Наоборот. Я вам очень признателен. Я прошу вас подумать, как могло произойти проникновение в программу. Три года назад Анна Степановна, наш главный бухгалтер, ушла на пенсию.

Василий Иванович помнил и главбуха, и её сыночка, который, ожидая, когда его мама закончит работу, играл на свободном компьютере.

– А кто сейчас у вас за главного бухгалтера? – поинтересовался Кологривов.

– Моя жена, – поняв ход мыслей собеседника, ответил Циммерман. – Больше никому я не мог доверить эту информацию.

– Её вы не подозреваете?

– Нет! Ей я верю, как себе! Дорогой мой Василий Иванович, – тон разговора стал более доверительным, – поду-

майте и помогите мне разобраться, как могло произойти проникновение в нашу тайную бухгалтерию. Я вас просто умоляю. Говорить об этом ни с кем не могу. Не в полицию же обращаться.

Василий Иванович посмотрел на своего шефа. Накануне они вместе обсуждали новый проект, и, казалось, именно для этого он прилетел из Енска.

– С Анатолием Давидовичем мы всё обговорили, – Циммерман взглянул на Глинского, тот согласно кивнул. – Начальство отпускает вас на время, я оплачиваю все расходы. Если мы проясним ситуацию, гонорар обеспечу, вы меня знаете.

Расставаясь, договорились о встрече на завтра в офисе Циммермана.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В столице Кологривов снимал жильё поближе к работе. Подходя к дому, где он обычно останавливался, Василий Иванович увидел хозяйку квартиры, но окликать её не стал – не солидно. И вдруг, оказавшись перед дверью подъезда, за которой скрылась Нина Ефимовна, так звали хозяйку, вспомнил: когда по телефону договаривался с ней о встрече для продления договора аренды, она предупредила, что прихватит с собой новые чипы от домофона, их перепрограммировали.

«Придётся ожидать: авось кто-нибудь из соседей будет выходить, или надеяться, что Нина Ефимовна сразу поднимется в квартиру, и тогда вызову её по домофону», – стоя у закрытой двери, размышлял Василий Иванович.

Ожидание затягивалось. «Ладно, – усмехнулся про себя Кологривов, – это же не на шесть часов задержки рейса и не кредитка в терминале». Наконец, после третьей попытки домофон голосом хозяйки ответил:

– Открываю!

Лифт сначала подозрительно заскрежетал, поднимаясь вверх, а потом, где-то между седьмым и восьмым этажами, и вовсе остановился. Диспетчер на экстренный вызов не ответил. «И что делать?» – Кологривов, в который уже раз за сегодня, привычно подумал про обстоятельства и сделал телефонный звонок домашней хозяйке. Нина Ефимовна пообещала помочь.

Отгоняя жуткие мысли, что трос перетёрся, тормоза не выдержат и падение в лифте будет его последним полётом, Василий Иванович решил думать о чём-нибудь приятном. В темноте вспомнилось, что, когда он летал в детских снах, было странно светло: безоблачно, но теней не было. «Нет, лучше о полётах думать не буду».

– Живой, полонянин?! – это окликнул Василия Ивановича слесарь-лифтёр. – Сейчас мы тебя освободим!

ЕЩЁ ОДИН НЕОЖИДААННЫЙ ОБОРОТ

– Ну, и слава богу! – встретила Нина Ефимовна несчастного квартиросъёмщика. – Я ведь сразу позвонила слесарю.

Подписав договор и рассчитавшись за проживание, Василий Иванович распрощался с хозяйкой и отправился в ванную. После душа, укутавшись в халат, с чашечкой ароматного кофе расположился у телевизора, но включить его не успел: встревоженно запел звонок над входной дверью.

– Здравствуйте, вы Кологривов Василий Иванович? – на пороге стоял, можно сказать, пожилой человек, но его очень молодила буйная шевелюра.

– Да. Чем обязан?

– Я Браунберг Михаил Моисееич, коллекционер, мы с вами договаривались о встрече, – гость внимательно вглядывался в удивлённое лицо собеседника. – Ну, мы с вами

списывались по электронной почте по поводу геральдики, и вы по телефону сами назначили мне встречу.

– Ах, да! Извините, бога ради! Сегодня такой суматошный день! Проходите, пожалуйста.

Василий Иванович вспомнил, что этот Михаил Моисеевич нашел его в социальных сетях Интернета. Сам он москвич. Собирателем дворянских гербов. Давно интересуется историей фамилии Кологривовых. И так как Василий Иванович периодически бывает в столице, они и договорились о встрече. Адрес Браунбергу и время указал сам Кологривов, но в сегодняшней суете просто забыл об этом.

Гость сразу по-хозяйски расположился у журнального столика, из его портфеля была бережно вынута внушительная картонная папка с тесёмками:

– Вот здесь вся история вашего дворянского рода, – Михаил Моисеевич театрально положил ладонь поверх папки, глаза его излучали радость и умиление.

Василий Иванович, не разделяя торжественность момента, молча выжидал.

– Молодой человек, вы просто не представляете себе, как вам повезло, что мы встретились! Многие тратят годы, чтобы найти хоть какую-нибудь информацию о своих благородных предках. А вот о ваших древних родственниках всё здесь, – Михаил Моисеевич постучал по бумагам.

– Я согласился на эту встречу из любопытства. Отец мне рассказывал о нашем дворянском происхождении, и мне захотелось узнать некоторые подробности из истории рода Кологривовых, – Василий Иванович попытался объяснить будничность ситуации, не разделяя восторженности гостя.

– Эх, молодость-молодость! Только с возрастом понимаешь свою причастность к великому прошлому. Милый мой, к вам обязательно придёт осознание себя, как необходимого звена между прошлым и будущим. Нуж-

но ведь что-то передать грядущему поколению, а это не только квартира и машина. Это нечто большее. Наши предки всё уже придумали, а мы, к сожалению, это потеряли и забыли.

Браунберг говорил всё это и как бы доверительно, и как будто для большой аудитории.

– А знаете ли вы, уважаемый господин Кологривов, что ваш дворянский род одного корня с пушкинским, а ещё с князьями Потёмкиными, с графом Румянцевым?

Василий Иванович постарался тактично вернуть разговор в деловое русло:

Меня интересуют только документы, свидетельствующие о происхождении рода Кологривовых, всё остальное: около, рядом и вокруг – мне не нужно.

– Конечно, конечно! Вот здесь, – гость вновь торжественно положил свою ладонь поверх папки, – подтверждение всех ваших потомственных прав на дворянство и на родовой герб Кологривовых.

Василий Иванович потянулся к пиджаку, висевшему на стуле, вынул бумажник.

Вы можете претендовать не только на дворянский титул, но даже и на княжеский, – продолжал Михаил Моисеевич. – Правда, это более сложная процедура и имеет серьёзную цену, но документы для этого все в порядке!

– В мои планы не входит восстановление дворянства, и уж тем более у меня нет никакого желания становиться князем, – Василий Иванович не сдержал усмешку, – мне как-то не досуг.

– Поверьте моему опыту, молодой человек, так поначалу все говорят...

– Михаил Моисеевич, речь идёт только о цене документов. И всё!

– Сразу видно делового человека. И это меня радует. Труды мои не напрасны. Я всегда нахожу именно тех наследни-

ков, в ком живы лучшие качества российского дворянства...

– Сколько? – перебил его Василий Иванович.

– Я именно так и представлял себе наследника Кологривовых: высокий лоб, благородная осанка, сероглазый взгляд и деловая хватка...

– Сколько? – в очередной раз прервал его Василий Иванович.

– Двадцать.

И в ответ на вскинутые брови хозяина Браунберг разразился скороговоркой:

– Уверяю вас, это не дорого. За бесценные документы, поднятые из архивов не только России, но и всей Европы...

Во время этой тирады Василий Иванович молча положил рядом с папками три пятитысячные купюры.

– Вы умеете договариваться. И я соглашусь, уступая вашему такту и упорству, – Михаил Моисеевич взял деньги и, как бы прощаясь, нежно помахал купюрами в сторону оставляемой папки.

Кологривов уже стоял в дверях комнаты, всем своим видом приглашая гостя к выходу.

– Если у вас, уважаемый Василий Иванович, возникнут вопросы, смело обращайтесь, все мои контакты в папочке есть, – Браунберг, не умолкая, двигался к выходу. – А насчет законного утверждения дворянства и княжеского титула вы подумайте. Многие, очень многие уже восстановили историческую справедливость. А расценочки на это дело там, в папочке, тоже имеются.

Уже стоя на лестничной площадке, довольный, по-видимому, сделкой, Михаил Моисеевич продолжал почти-тельно раскланиваться.

– Спасибо, я подумаю, – вежливо поблагодарил Василий Иванович. – Всего вам хорошего!

Михаил Моисеевич исчез за сдвинувшимися дверцами лифта.

– Уф! – удовлетворённо вздохнул Кологривов и направился к бару. – Хочу коньяка!

Вновь свободно расположившись на диване, Василий Иванович взял в руки «пятнадцатитысячную» папку. Первая страница. Калькуляция цен и услуг.

– Однако! – вырвалось из уст претендента на дворянство.

Рука потянулась к бокалу с коньяком. Отпив глоток, Кологривов еще раз окинул взглядом столбик цен – от тысячи до ста тысяч долларов. Следующий листок с контактами Браунберга. Третий – герб дворянского рода Кологривовых. На красивой цветной картинке стальной рыцарский шлем, увенчанный короной и страусиными перьями, под шлемом щит, разделённый на несколько полей, раскрашенных в разные цвета: красный, синий, жёлтый, зелёный, белый. Внутри щитов различные символы: шар с крестом – это, видимо, держава; рука с саблей; чёрный орёл с поднятыми крыльями; полумесяц с шестигранной звездой; какая-то птица со змеей в лапах. «Что это всё означает? А!.. Пусть отец разбирается», – сделал для себя вывод Василий Иванович.

ЗНАКОМСТВО

Утром следующего дня в назначенный час Василий Иванович сидел в кабинете Якова Семёновича. Судя по офису, фирма Циммермана процветала. Не зря он в своё время решил перебраться в столицу. Теперь в Ениске у него действовал сибирский филиал, а в Москве он оброс связями, солидными поставщиками и постоянными клиентами. Бизнес у него был парфюмерный. Причём изначально он делал ставку не на магазинный вариант реализации, а на оптовый.

Василий Иванович внимательно выслушал главу фирмы о сложившейся ситуации. Яков Семёнович решил, что

Кологривова на время расследования следует назначить заместителем директора по экономике, чтобы иметь возможность во всё без подозрений вникать.

– Я программист, – возразил на это Василий Иванович, – и по договору с фирмой Глинского буду устанавливать у вас программу по международному стандарту финансового учёта, таковы требования современного рынка. Это ни у кого не вызовет подозрения, а я спокойно буду иметь доступ ко всем компьютерам.

– Согласен, Василий Иванович. Главное, конечно, найти причину утечки информации и заделать дыру в нашем бюджете.

– Причину, я думаю, мы обнаружим, а вот заделывать дыры, – Кологривов сразу решил снять с себя ненужную ответственность, – этого я не умею.

– Да-да, это уже будут мои проблемы. Вы мне только укажите на гадюку, а уж я устрою серпентарий.

– Насколько я помню, вы противник того, чтобы рабочие компьютеры были связаны с интернетом. Значит, утечка извне исключена?

– Абсолютно, – согласился Циммерман.

– Будем искать взломщика внутри коллектива.

– Я уже распорядился пригласить всю бухгалтерию ко мне.

– Прежде, чем вы меня представите коллективу, я бы хотел иметь некоторое представление о людях.

– В бухгалтерии работают шесть человек. Мою супругу исключим, останутся пятеро. Из них один мужчина, вернее, молодой парень. Станислав Браницкий. Работает недавно. Ещё не прошёл испытательный срок. Такой рафинированный интеллигент, предупредительный, скромный, но медлительный и нерасторопный. Вечно не успевает вовремя, постоянно остаётся доделывать работу вечерами. Но сверхурочные оплачивать не просит, меня это устраивает. Женщины зовут его Стасиком.

– Этот Браницкий, он москвич?

– Коренной. А вот Татьяна Смирнова – экономист – из наших, из Енска. Приехала покорять Москву. И я нисколько не пожалел, что взял её на работу. Всё схватывает на лету, расторопная девица. Первая помощница Светлане Фёдоровне, моей жене. Ещё две бухгалтерши – Мария Ивановна и Вера Ивановна. Первая на материалах сидит, вторая – на зарплате, лишних вопросов не задают, ждут пенсионного возраста. Ну, и кассир – Людмила Михайловна Пашутина, в обиходе – Люська. Это, я вам скажу, еще та оторва. Палец в рот не клади! Любит выпить и погулять, но дело своё знает. В кассовом учёте у неё порядок. В общем, у меня тут сплошной «шерше ля фам».

– Ясно. В женской психологии я не спец, но о проникшем в вашу тайную бухгалтерию человеке компьютеры расскажут сами.

Циммерман нажал кнопку громкой связи с приёмной и приказал секретарше:

– Дина, приглашай.

Знакомство прошло достаточно формально. Две Ивановны, они выглядели намного старше остальных, были безучастны к внедряемым начальством новшествам. Станислав, ссутулившийся молодой человек в мятом пиджаке, всё время сидел, потупив взор. Лишь Смирнова не спускала с нового сотрудника глаз, и кассир Пашутина не преминула спросить:

– А программист холостой или как?

Яков Семёнович перевёл взгляд на Кологривова, как бы намекая, мол, я вас предупреждал. Но Василий Иванович не растерялся:

– В командировке все временно не женаты, но на работе дела занимают всё моё свободное время.

– Ин-те-ре-сно! – пропела Людмила Михайловна. – Я что-то заволновалась даже, нёбушки-воробушки!

– Ну, всё! – оборвал её Циммерман. – Волнения оставьте при себе. И вот что! Когда Василий Иванович будет устанавливать программы на ваших компьютерах, прошу не стоять у него над душой, а поискать занятия другого рода. Светлана Федоровна, проконтролируйте!

«Молодец Яков Семёныч, – оценил распоряжение директора Кологривов, – это очень важно, чтобы никто не видел, что я буду не сколько устанавливать программу, столько проверять компьютеры на шивость».

Жизнь в бухгалтерии шла своим чередом. К столу Стасика подходили люди не из бухгалтерии, они что-то обсуждали с ним, сверяли какие-то бумаги и опять уходили, это, видимо, и были кладовщики.

Назойливая кассирша периодически предлагала испить чайку. Спасибо Светлане Фёдоровне, она с ледяной интонацией отправляла Люську в кассу. Работа, как в любой конторе, текла спокойно, размеренно, безмятежно. Некоторый дискомфорт испытывал Василий Иванович лишь от постоянного взгляда бухгалтерши Смирновой, которая не сводила с него глаз. Это он чувствовал даже спиной.

НОВОЕ – ЭТО ВРЕМЕННО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

К концу рабочего дня Кологривов успел проверить только половину компьютеров. Уже на выходе из офиса Василия Ивановича догнала Татьяна Смирнова.

– Ты, правда, меня не узнал?

– Простите, не понял! – удивился Кологривов.

– Это же я, Струнина, Татьяна Струнина. Ну? Енск, школа №60, одиннадцатый «Б».

Василия Ивановича бросило в жар, щёки зарделись, уши запылали. Чем дольше он вглядывался в лицо бухгалтерши Смирновой, тем явственнее сквозь макияж просту-

пали черты Танюшки Струниной. Ну, точно, это она – и что-то в груди взволнованно затрепетало:

– Таня!

– Вася!

И они обнялись, захлебнувшись восторгом узнавания.

– Ну, ты, Танюха, даёшь! – это прокомментировала их встречу подоспевшая кассирша Людмила. – Пока я опечатывала кассу, она уже, нёбушки-воробышки, на шею красавчику бросилась. Мне что, облом? Вы бы уж хоть не кричали так с придыханием: «Таня, Вася!» Окружающим-то завидно!

– Представляешь, Люся, он меня не узнал! Совсем не узнал! А мы за одной партой сидели!

– Я, между прочим, Танюха, тебя тоже не узнаю! Тебе бы лимончику куснуть, личико чуть-чуть сморщить, а то светишься, как ёлка новогодняя, не воспламенись!

– Ладно тебе, – осадила подругу Татьяна, – раскудахта-лась, как старая клуша.

Людмила сразу не сообразила, что ответить на это сравнение, а Татьяна, подхватив Василия под руку, выпорхнула с ним из офиса. И, прижавшись друг к другу, как тогда, в школьной юности, они молча пошли навстречу незнакомым прохожим, осуждающе или завистливо уступающим им дорогу.

– Где-нибудь присядем? – предложил Кологривов.

– Я очень надеялась, что ты это предложишь!

Расположились в полузакрытой кабинке уютного кафе и, пока делали заказ, непрестанно улыбались, встретившись взглядом:

– Рассказывай, как живёшь? Как семья? – первой спросила Татьяна.

– Да что рассказывать? Окончил университет. Работать начал ещё на последнем курсе. Потом как-то всё закрутилось, мотаюсь по всей стране. А семья всё та же – папа и

мама. Живём в Ениске. Родители построили себе коттедж, а я купил квартиру в центре. А ты как?

– Я? Слушай, это что же получается? Двадцать лет прошло после школы. Как быстро! Училась на экономическом. Вышла замуж за офицера. Десять лет жизни по гарнизонам и казённым квартирам. Развелись. Вернулась в Енск. Работы не нашла. Перебралась в Москву. Счастливый случай, и вот я в фирме Циммермана. Мне нравится.

* * *

На следующий день Василий Иванович проснулся в объятиях Татьяны Струниной-Смирновой. Им было хорошо вместе, как и тогда, в первый раз, после школьного выпускного.

ВОТ ТЕБЕ НА!

С утра Василий Иванович принялся анализировать компьютер в кассе. Людмиле Михайловне занять себя было нечем, но помня просьбу главбуха не стоять над душой программиста, она за перегородкой принялась бренчать посудой, приготавливая чай и напевая из «Юноны и Авось»:

Заслонивши тебя от простуды,

Я подумую: «Боже всевышний!

Я тебя никогда не забуду.

Я тебя никогда не увижу».

«Вот ехидина! – усмехнулся Василий Иванович. – Правильно охарактеризовал её Циммерман».

А Люська уже перешла к Джо Дассену:

Где же ты?

И где искать твои следы?

Как тебя зовут – никто не может мне подсказать.

Лишь во сне

Порой приходишь ты ко мне,

Чтоб уйти под утро опять...

«А красиво ведь поёт», – не мог не оценить Кологривов талант кассирши. А та, как будто услышав похвалу, старалась вовсю и затянула теперь из «Виагры»:

Направляй меня своею рукой,
Заслони собою от полнолуния,
Я готова быть ведомой тобой,
Чем выше любовь, тем ниже поцелуи...

Когда Людмила стала повторять этот припев, Василий Иванович не смог более сдерживать в себе приступы смеха. Певица выглянула из-за перегородки:

– А не желаете ароматного чайку отведать с конфетками?

– С удовольствием! – согласился Кологривов, утром-то они с Татьяной так торопились, что и не позавтракали, а компьютер кассирши Люси был пуст, как обглоданный куст, ничего, кроме программы кассового учёта, интересного в нём не было.

Кроме конфеток в кассе водились колбасные и сырные нарезки, яблочки, апельсины и лимоны.

– Может быть, по рюмочке коньяку? – предложила Людмила Михайловна.

– Вроде как по Довлатову получается: «хорошо пить с утра, выпил – и весь день свободен!» – процитировал Кологривов.

– Да мы по маленькой, – настаивала кассирша.

– Спасибо, Людмила Михайловна, не стоит. Не хочу портить отношений с Яковом Семёновичем. Давайте просто чайку?

– Хорошо! Просто чайку, а то ещё Смирнова заревнует!

– Я всё слышу, Люся! – неожиданно вошла Татьяна.

– Ну, ты даёшь, подруга, под дверью, что ли, стояла?

– Больно надо! Я предупредить, что меня сегодня уже не будет, иду с отчётом в статистику, у них там какие-то нестыковки. Василий Иванович, я свой компьютер не выключала, можете на нём работать.

– Танюх, ты чо? – искренне удивилась Люся. – А без тебя этого понять нельзя было бы? Ну, ты прям, как Каренина, на рельсы кидаешься!

– Ладно, согласна, специально заглянула перед уходом. Как тут у вас?

– Опа! – продолжала цеплять подругу Людмила. – Видно, не намерена умирать Каренина!

– Сама ты...

Василий Иванович решил прервать эту словесную пикировку:

– Девчата, давайте жить дружно! Я пошёл работать, а вы тут пошепчитесь без меня, – и вышел прочь.

– Ну ты даёшь, Тань! – Людмила выглядела растерянной. – Глаза горят. Бить меня, что ли, собралась?

– Ой, не знаю Люсь, что со мной! Вот увидела его вчера и поняла, что всю жизнь только его одного и любила.

– Ну и люби себе на здоровье. Только не ревнуй так. И себе жизнь отравишь, и его только отпугнёшь, а ещё и подругу покалечишь. Садись-ка, чайку попей! А может, по пиярику коньячка? Твой-то Вася отказался. Молодец! А мы не молодцы, мы – молодухи! Нам можно! Давай! За любовь!

ВОТ ЭТО ФОКУС!

Из оставшихся для проверки компьютеров нужно было обследовать те, за которыми работали Светлана Фёдоровна и Татьяна. Вот эти два последних и дали положительный результат. Василий Иванович был в растерянности. Что коми главного бухгалтера подвергался атаке, это было понятно сразу. Взломщик использовал программку по анализу работы клавиш. По частотности нажатия их, повторяемости конфигураций был вычислен секретный код. А вот входили в сервер, вносили данные, производили распечатки только с компьютера Смирновой.

Сразу докладывать Циммерману Кологривов был не готов. Нужно было всё хорошо обдумать. Если бы не вчерашняя встреча с Танюшкой, сегодня он был бы уже свободен. Рассказал бы, как есть, типа, поставленную задачу решил, схема проникновения в секретную бухгалтерию ясна. «А теперь? Неужели Татьяна включилась в какую-то финансовую игру? Или её чем-нибудь шантажировали, допустим, недоброжелатели Якова Семёновича. А я сдам её на растерзание разъярённому бизнесмену?» Он вспомнил угрозу Циммермана про серпентарий. «Эх, Таня, Танечка, Танюшка! Не худышка, не толстушка! Стройная красавица! Васе очень нравится!» – вспомнилась ему вдруг прибаутка, которую он сам же и сочинил в выпускном классе. И вновь тревожное волнение в груди напомнило: «Так! Если нельзя изменить обстоятельства, нужно изменить к ним отношение!»

Гудок сотового вернул его из размышлений-воспоминаний в реальность.

– Василий Кологривов слушает!

– Вася, я дура, я так виновата перед тобой!

– Тань, ты о чём?

– Мне нужно много-много о чём тебе сказать!

– По телефону?

– Нет! Я на Воробьёвых горах, заказала столик в ресторане. (Пауза.) Вася?

– Да, я понял. Какой ресторан? Хорошо. Буду.

Рабочий день закончился. Василий Иванович заглянул в кабинет Циммермана.

– Яков Семёнович, сегодня мне сказать пока нечего, но завтра, я думаю, всё прояснится.

– Очень хорошо! Я только на вас и надеялся! Ну, что ж, до завтра.

– До свидания!

* * *

Ресторан был практически пуст. Но Татьяна, предупреждённая, что в большом зале намечается встреча выпускников МГУ, предпочла занять столик в соседнем зале у камина. Впрочем, помещения были разделены между собой достаточно условно, широкими арками с массивными колоннами в стиле средневековых замков. Приглушённо звучала музыка. Василий Иванович, по наивности, вначале решил, что Татьяна собирается покаяться ему в преступном сговоре с некими аферистами. Но поразмыслив, что она и не может даже предполагать о её разоблачении, понял, почему Танюшка так горячо обсуждает утренний инцидент в кассе, чувствует себя виноватой и умоляет забыть об этом позорном её проступке.

«Странные они всё-таки, эти женщины. Обращают внимание на ерунду и переживают из-за всякой всячины. Трудно ей объяснить, что я за день ни разу даже не вспомнил об этих глупостях. Сказать ей так? Обидится. А если поведать о том, что я обнаружил в её компьютере? Наверно, наступит конец света!»

Они закусили, а перед горячим решили прогуляться по веранде ресторана. С высоты Воробьёвых гор открывалась панорама Москвы. Однако им было, кажется, не до того. Татьяна, не переставая, твердила, как она переживает за глупую свою выходку и очень боится возможной размолвки. Василий Иванович не мог никак придумать, какую позицию занять ему в этих обстоятельствах. «Если нельзя изменить ситуацию...»

– Васятка, ты меня как будто и не слушаешь.

– Ну что ты такое говоришь?!

– Ты меня простишь? Я не хочу, чтобы между нами пробежали чёрные кошки.

«Да уж! Миллионы, которые нелегально проскочили через циммермановскую бухгалтерию – это жуткие чёр-

ные кошки в страшной тёмной комнате», – так подумал Кологривов, а в действительности мило улыбнулся Татьяне. Он взял в руку её ладонь:

– Это ты меня прости, если, совсем того не желая, принёс тебе столько душевных переживаний!

Он прижался губами к её руке, и вдруг почувствовал, что не желает выпускать её. И ещё понял, что не хочет отдавать на растерзание теневому бизнесу свою любимую Танечку. Разве ему с ней плохо? Василий Иванович ощутил томное волнение в груди. Значит, что-то должно было произойти. «Если нельзя изменить ситуацию...»

В соседнем зале раздался громкий всплеск хохота. Многие из выпускников уже собрались и шумно встречали каждого вошедшего.

– Смотри, Тань, как людям от встречи хорошо! Молодые! Радуются! А мы?

– И мы радуемся, а давай выпьем за нас, за нашу чудесную встречу!

– Давай!

И они, направляясь к своему столику у камина, по пути успели ещё стать свидетелями диалога двух, видимо, однокурсниц:

– А Пташицкий-то будет?

– Конечно, будет. Это, кстати, он и оплачивает наш банкет!

– Ну, он, как всегда, на высоте!

Василий и Татьяна, расположившись за широкой колонной, подняли бокалы с вином, но их звон перекрыл новый взрыв смеха и восторга, встречали, видимо, того самого Пташицкого. Когда все в соседнем зале расселись, начались тосты за выпуск, за преподавателей, за студенческую юность.

– А давай и мы с тобой за нашу школьную юность выпьем! – предложила Татьяна.

– Давай! – поддержал Василий. – И за то, что спустя столько лет эта юность нас вновь объединила!

Смирнова и Кологривов сдвинули бокалы, а за столом выпускников громко объявили:

– А сейчас Станя Пташицкий предлагает, как всегда, оригинальный тост с фокусом.

– Этот тост про то, как можно из ничего сделать нечто, – заговорил, наверное, тот самый Пташицкий. – Вот у меня в руках простой пакетик с чаем. Внимательно следите за моими руками и слушайте незатейливую историю.

Наступила тишина. Закусывая, молчали за колонной и Василий Иванович со спутницей. Бодрый голос рассказчика, переливаясь интонациями, звучал завораживающе.

Он поведал фантастическую историю покорения Марса нашими космонавтами, которые с похмелья забыли двигатель для возвращения на Землю. Пошли на соседний марсодром просить помощи у американцев, а те помочь не желали, но предложили купить у них запасной двигатель, а наши-то все деньги пропили. В общем, взяли бесплатно какой-то пустой бак, сели и начали обратный отсчёт. Всё застолье следом за рассказчиком кричало: пять-четыре-три-два-один-старт! На визг и восторженные возгласы выглянул из-за колонны в соседний зал и Василий Иванович.

Увиденное привело его в неопишное изумление. Потому-то он неожиданно-восторженно обратился к любимой:

– Татьяна, согласна ли ты быть моей женой?

– Да, – не задумываясь, ответила Таня.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Заночевали на этот раз в съёмной квартире Кологривова: она была всего в двух остановках метро от Воробьёвых гор.

Приехав в фирму Циммермана чуть раньше других, Василий Иванович ещё раз проверил компьютер ничего не подозревающей Смирновой и после этого направился в кабинет Якова Семёновича. Через некоторое время дирек-

тор запросил личные дела всех сотрудников бухгалтерии. Секретарша заносила их с какой-то странной тревогой и уж совсем не смогла спрятать удивления, когда Циммерман со своего стола переложил папки поближе к Кологринову, а тот из шести первым взял в руки личное дело Браницкого и обратился к директору:

– А ещё попрошу Вас, Яков Семёнович, пригласите Светлану Фёдоровну.

– Хорошо, – согласился Циммерман и взял трубку телефона.

* * *

Когда из бухгалтерии после звонка по внутренней линии вышла Светлана Фёдоровна, а следом после другого звонка по сотовому удалился Стасик, кассирша Люся не утерпела и прокомментировала:

– Нёбушки-воробушки, вот и осиротела наша канцелярия, остались только бабушки да молудушки.

Бабушки – это Вера Ивановна и Мария Ивановна. Привыкшие к болтливости Людмилы, они никак не отреагировали на её шутку.

– Пойдём, Танюха, выпьем у меня... чайку, языки почешем и косточки кой-кому помоем. Ивановны, для всех мы в туалете. Маякните, если что.

* * *

А в приёмной в это же время секретарша Дина, округлив глаза, громким шёпотом убеждала ссутулившегося Стасика:

– Уходить тебе надо. Они роются в твоём личном деле.

– Да что ты так разволновалась, ничего у них на меня нет.

– Этот Кологривов не тот, за кого себя выдаёт. – Ну и что, не боюсь я их.

По селектору раздался голос Циммермана:

– Дина, пригласи ко мне Станислава Браницкого.

– Хорошо, Яков Семёнович, – послушно ответила секретарша и, отключив громкую связь, вновь зашептала Стасику, – беги, я буду долго тебя искать, ты успеешь скрыться.

– Успокойся, Дина, всё будет хорошо! – в голосе Браницкого звучали твёрдость и уверенность.

Он распрямил плечи, вздохнул полной грудью и, опять опустив голову, сгорбившись, открыл дверь в кабинет директора.

– Присаживайтесь, Станислав, – пригласил вошедшего директор.

Когда Браницкий сел на указанный ему стул, Циммерман долго в упор разглядывал Стасика, который то поднимал глаза, то опускал, то суетливо из-под бровей посматривал в сторону главбуха и программиста. Пауза затянулась.

– Чаю не желаете? – от неожиданного вопроса Кологривова Браницкий вздрогнул и отрицательно покачал головой.

– И правильно, – поддержал его Василий Иванович, – ведь это же, – он взял в руки чайный пакетик, – всего лишь доказательство того, как из ничего можно легко сделать нечто. Надо всего лишь заглянуть внутрь, освободиться от ненужного и насладиться полётом.

Говоря всё это, Кологривов разогнул металлическую скобочку, скрепляющую нитку и края чайного пакетика, высыпал содержимое в блюдечко, распрямил прямоугольный пакетик так, что получилось подобие трубочки, установил её вертикально на стол, поджёг сверху и через несколько мгновений трубочка, сгорая, стала быстро подниматься к потолку.

– Красиво, и никто ни о чём не догадается, и никаких следов, – сделал

заключение Василий Иванович.

Супруги Циммерманы смотрели на происходящее завороженно.

– Но следы, Станислав Александрович, всегда остаются.

Кологривов поймал рукой медленно спускающиеся сверху остатки сгоревшего пакетика и, растерев их, показал Браницкому испачканную пеплом ладонь.

– Вы кто? – удивлённо спросил Стасик.

– Я тот, кого вы не предусмотрели в своей махинации.

– Какой махинации? – Стасик сделал испуганное лицо.
– Я ничего не знаю.

– Зато мы очень многое знаем о вас, Станислав Пташицкий.

У Браницкого приподнялись брови, и в это время дверь резко отворилась и в кабинет ворвалась секретарша:

– Яков Семёнович, он ни в чём не виноват, это я... я давала ему печать фирмы... сама...

После такого неожиданного вмешательства в кабинете наступила тишина. Дина прерывисто дышала полной грудью, все смотрели на неё.

– Это очень интересно! – нарушил тишину Василий Иванович. – Это очень многое проясняет. Вы же сокурсница Станислава по университету? Продолжайте, пожалуйста, Дина.

– А-а, а это всё... Браницкий не виноват...

– Ну, что ж, Яков Семёнович, – Кологривов вышел из-за стола и обратился теперь только к Циммерману. – Как вы и предполагали, «шерше ля фам». Вот теперь я готов раскрыть вам все карты и объяснить, как этот молодой человек, выдавая себя совсем не за того, кто он есть на самом деле, сделал из вашего бизнеса шикарную кормушку для личного обогащения.

– Да уж, Василий Иванович, я жду.

– А вы, Станислав Александрович, может быть, сами всё нам расскажете?

Стасик пожал плечами:

– Мне нечего вам рассказывать, я по-прежнему не понимаю, что от меня хотят.

– Хорошо! Расскажу я. Вы меня поправите или укажете на неточности. А Дина нам нужна, Яков Семёнович? – Кологривов напомнил о присутствии секретарши в кабинете.

– Дина? – удивился Циммерман. – Какая Дина? А!.. Дина? Нам сейчас нужна Дина? – в свою очередь переспросил он.

– Нет, пока не нужна, – Василий Иванович понял, что директор сильно волнуется.

– Хорошо! Дина, иди работай, – строго приказал ей Яков Семёнович.

– Итак, – продолжил Кологривов, когда удивлённая и разочарованная секретарша вышла, – проверяя работу компьютеров, я обнаружил, что некто в этой конторе действует достаточно беспардонно и даже не пытается скрывать своего нахальства. В компьютере главного бухгалтера даже не соизволил стереть программу, с помощью которой взломал коды и шифры. Правда, он подстраховался тем, что в дальнейшем входил в сервер не с вашего компьютера, Светлана Фёдоровна, и не со своего, а выбрал в жертву почему-то бухгалтера Смирнову. Вот именно с её компьютера и вносились данные в складской учёт, а затем производились распечатки накладных и счетов, а, как нас уверила секретарша Дина, она своей рукой выдавала печать для узаконивания документов.

Василий Иванович сделал паузу. Затем обратился к Браницкому:

– Пока всё верно?

Стасик пожал плечами, а Кологривов продолжил:

– И кто же этот тайный хакер? Вчера он просто нагло опять внедрился в тайную программу и подготовил новые документы, и опять с компьютера Смирновой. Учитывая, что Татьяны практически весь день не было на работе, она

занималась статистическими отчётами, а проникновение происходило после шести часов, то легко сделать вывод.

Василий Иванович сделал паузу, осмотрел присутствующих. Браницкий сидел, по-прежнему опустив голову. У Циммермана от напряжения появилась на лбу испарина. Василий Иванович перевел взгляд на его жену:

– Светлана Фёдоровна, кто вчера ушел с работы позже всех?

– Ста-сик, – растерянно протянула Циммерманша.

Браницкий распрямил плечи, но голову не поднял, поёрзав на стуле, уселся поувереннее.

– А теперь я объясню вам, Яков Семёныч, почему это делал Стасик и, вообще, откуда он узнал о тайной бухгалтерии в вашей конторе.

– Да уж, Василий Иванович, объясните, пожалуйста! – зло глядя на Браницкого, попросил Циммерман.

– Станислав Александрович не всегда был Браницким, не правда ли, Стасик?

Тот не пожелал встречаться взглядом с обвинителем.

– Если посмотреть в диплом Стасика, то можно увидеть, что получал его некто Станислав Пташицкий. Но оказывается, это всё тот же Стасик. Он честно приложил к диплому копию документа о смене фамилии. Ну, кому это интересно? Главное, диплом настоящий. Пташицкий успешно окончил МГУ, что могут подтвердить и все его однокурсники вместе с Диной. Не правда ли, Станя?

У Браницкого заиграли желваки на скулах.

– И всё же самое интересное впереди! – Кологривов наслаждался разоблачением.

Его вдохновляло то, что к циммерманской тайной бухгалтерии Смирнова не имела никакого отношения. Всё остальное складывалось, как в пасьянсе.

– Это обычная ситуация, что в личном деле на производстве никто не заглядывает в данные о родителях работ-

ника, если он не чей-то протеже. А зря! Меня бы тоже не заинтересовала тайна семьи Пташицких, но любопытно, что матерью Стасика была небезызвестная нам с вами, Яков Семёнович, Анна Степановна Свиридова. Да-да, это бывшая у вас много лет главным бухгалтером та самая Свиридова. Вот и всё! Опять «шерше ля фам!»

– Не может быть! – услышанное просто поразило Циммермана. – Почему? За что? Станислав, твоя мать Свиридова?

Браницкий, опустив голову, молча кивнул.

– Нет, здесь, что-то не так! – пылал негодованием директор. – Анна Степановна – честнейший человек! Но... я никогда не знал, что у неё два сына. Вот тебе на! Я сейчас позвоню ей, и мы всё выясним!

Он взялся за трубку телефона.

– Не надо! – вскрикнул Браницкий. – Не надо ей звонить! Она не в курсе! Она ни о чём не знает! Я же никуда не убегаю! Я всё объясню! Только не надо, пожалуйста, не надо звонить маме! Я вас прошу!

И это был не тихий голосок Стасика, а мощный, требовательный, железный баритон Станислава. Он поднялся, выпрямился, стал как будто выше ростом, и пиджак сидел на нём ладно.

– Я думаю, Яков Семёнович, – обратился он к директору, – у нас есть с вами, о чём поговорить.

РАЗВЯЗКА ПУТАНОЙ ИСТОРИИ

– Ближайший проект через полмесяца, поэтому даю тебе, Василий Иванович, пару недель отпуска, – Глинский был уже в курсе событий. – Циммерман сказал, что ты отказался от гонорара?

– Да, Анатолий Давидович. Это тот случай, когда не в деньгах счастье. Правда, я попросил его об одной услуге.

– Какой?

– Может, и вы походатайствуете?

– Ну, говори!

– Я просил его без отработки уволить одну сотрудницу.

– Смирнову?

– Я вижу, вы всё знаете.

– Конечно! С Яшей, ну, с Яковым Семёновичем, мы дружим со студенческой скамьи. И тайн у нас друг от друга нет. Поэтому спасибо тебе, что не отказался и помог моему товарищу. Это всё равно, что мне. Подругу твою он отпускает. Забираешь её в Енск?

– Да.

– Ну и с добром! Зайди в кассу, получи премию.

– Какую? За что?

– Ну и работнички у меня. Им премию дают, они ей не рады. Ты думаешь, Циммерман от меня отвяжется? Он учредил именную премию и перечислил на твоё имя круглую сумму. Иди, стипендиат, распишись.

* * *

Сидя в аэропорту, Татьяна и Василий наслаждались общением. Болтали обо всём и обо всех, выпрашивая друг у друга всякие мелочи.

– Ты не переживай, Танюша, мама у меня, если помнишь, дама строгая, но жить мы будем отдельно. Слушай, там, на съёмной квартире, папка была такая картонная с тесёмками, мы её не забыли?

– Не забыли. Я на неё сразу обратила внимание. Все листочки были рассыпаны по столу. Ты уж прости, я их, собирая, пока ты принимал ванну, успела почитать.

– Не переживай, всё нормально. Это я для отца, в общем-то, подготовил, но и самому было интересно. Там история наших далёких предков. А хочешь, расскажу тебе историю про твоих знакомых.

– Хочу.

– Ты же помнишь, у Циммермана была несколько лет назад главным бухгалтером Анна Степановна Свиридова?

– Да. Когда меня взяли на работу, в тот год она ушла на пенсию.

– А в девяностых годах и я работал под её началом, только в Ениске. Так вот, оказывается, ещё в студенческие годы полюбила она одного молодого человека. Это было страстное увлечение и взаимные чувства. Ну, в общем, на последнем курсе Анна Сергеевна забеременела, но о том, что ждёт ребёнка, своим не сказала. А родители молодого человека поступили подло. Жениться сыну запретили, его, якобы, ждала блестящая карьера, и пару ему должна была составить другая женщина. Они тогда работали в высших партийных эшелонах. Бедную Анютку запугали, что из института её попрут, да и родственников со свету сживут, если будет иметь претензии на брак. Короче, на условиях, что Анна откажется от ребёнка, ей позволят окончить вуз и по свободному распределению отправят в Ениск. Аня очень боялась родственников своего молодого человека и в угрозы их поверила. Тревожась за здоровье бабушки, не желая расстраивать маму, Анна в роддоме написала заявление об отказе от ребёнка. Уехала в Ениск и спустя несколько лет вышла замуж за инженера, он работал на закрытом военном заводе. Родился сын Сашенька, и первенец-то у неё тоже был мальчиком, это единственное, что она знала об отказном ребёнке. Мужа кратковременно командировали в Афганистан, а вернулся он в цинковом гробу. Потом умерла бабушка. Мама неожиданно заболела и скоропостижно скончалась. А тут ещё приказала долго жить и советская власть. И осталась молодая вдова с ребёнком на руках и без работы. Если бы не встреча с Циммерманом, неизвестно, как бы сложилась её судьба

– Ну надо же! – глаза у Татьяны наполнились удивле-

нием и слезами. – Никогда бы не подумала, что ей выпало столько испытаний в жизни.

– Да! Но тебе интересно ли узнать о судьбе единоутробного братика Саши Свиридова?

– Конечно! Ты так заинтриговал.

– Родители того нерадивого молодого человека принадлежали не только к партийной элите, сегодня бы их называли олигархами. Надо отдать им должное, отказного ребёнка Анны Сергеевны они забрали к себе в семью, дали свою фамилию. А она была у них с длинной родословной и с польскими корнями. Древние традиции обязывали хранить кровные связи и беречь богом данное потомство. Так появился продолжатель рода Пташицких – Станислав. Мальчик рос смышлёным, с удивительными талантами. Ему одинаково легко давались и точные науки, и гуманитарные. Более того, он был везде душой компании, общительный, щедрый, доброжелательный. А ещё обладал даром перевоплощения. Ни один капустник в студенческие годы не проходил без его участия. Но дамоклов меч, зависший над Пташицкими, оказался и карающим. Сначала похоронили отца Станислава. Он так и не смог простить родителям разлучения с Анной. Хотя постепенно сжился с предоставленной ему свободой. Загулял, попробовал наркотики, они его и сгубили. Пташицкие старшие в постсоветскую эпоху занимались скупкой недвижимости, приобретали её нескромно много. Откуда у них было столько денег? Загадка! Но когда им подстроили автокатастрофу, оказалось, всё, что они приобрели, записано на подставных лиц. Это было очень громкое дело. Преступление так и не раскрыли. Станислав к этому времени окончил МГУ. И чтобы не отвечать постоянно на вопрос: «А вы не из тех Пташицких?» – решил сменить фамилию. Бабушка Стаса, а вернее, прабабушка, в

основном и занималась воспитанием внука, не доверяя мальчика ни наркоману отцу, ни его родителям, занятым партийцам. Вот её-то фамилию и взял себе Станислав, и стал он Браницким.

– Как? Это наш Стасик? Он сын Анны Степановны? Этот замухрышка?

– Да, да и да!

– Откуда ты всё это знаешь?

– Из первых уст. От самого Станислава. Не догадываешься, зачем он появился в вашей фирме?

– ?!

– Чтобы ограбить Циммермана.

– Кто? Стасик?

– И он достаточно преуспел. Ну, по крайней мере, за счёт конторы Якова Семёновича на махинациях, липовых продажах он заработал приличную сумму. А фирму, если счета попадут в налоговую, обложат таким штрафом, что зачирикают нёбушки-воробушки.

– Не говори так!

– Почему?

– Ну... Эту присказку Люся, когда выпьет, произносит без буквы «н». Василий Иванович на секунду задумался, прищурился, видимо, произнёс фразу в оригинале и, рассмеявшись, пообещал:

– Всё! Выбросил её из своего лексикона!

– Ты такой славный! Я тебя так люблю!

– Как «так»?

– Ну, очень-очень сильно! Я все эти годы после школы почему-то тайно надеялась, что мы с тобой обязательно встретимся. Правду говорят, что первая любовь не забывается. Слушай, – Татьяну посетила неожиданная догадка, – я-то уволилась из фирмы Циммермана, а ты ведь не закончил установку программы нового налогового учёта. Значит, вернёшься к нему? А там – Люська!

– Успокойся! К Циммерману я не вернусь! Все дела мы с ним закрыли! Никакой программы я ему не устанавливал. Это была хитрая уловка, благодаря которой мы и вычислили Браницкого.

– А я ведь так ничего и не поняла. Ну что этот плюгавенький Стасик сотворил, и как он сумел выкачать из такого скупердяя, как Яков Семёнович, деньги?

– О! Станя, Стасик, Станислав, Браницкий, Пташицкий! Многоликий и непредсказуемый. Когда я увидел его в ресторане, ну, там, где мы были вместе с тобой – на Воробьёвых Горах, я тоже был в недоумении. Помнишь, сокурсницы на вечере встречи выпускников ждали всемогущего Пташицкого, который за всех оплатил банкет? Так это и был наш Стасик.

– Неужели?

– Кстати, бабочка и фрак ему более к лицу, чем мятый пиджак и стиранный галстук, в которых он появлялся перед вами в бухгалтерии.

Татьяна никак не могла представить себе сутулого Стасика с бабочкой:

– Он что, так умело притворялся?

– Да, он оказался мастером перевоплощения.

– И как же он сумел выудить из фирмы денежки, а мы этого и не заметили?

– Прабабушка Станислава перед самой смертью покаялась и рассказала, что мать его не умерла при родах, как ему с детства объясняли, а живёт где-то в далёком Ениске. Долгие поиски привели молодого человека опять в Москву, куда не так давно перебралась и Свиридова с фирмой Циммермана. Встреча разминувшихся в жизни сына и матери была трогательной, наполненной словами раскаяния и слезами очищения.

– Да, такая история достойна быть описанной каким-нибудь романистом.

– Братья Браницкий и Свиридов за короткое время провели по документам такое количество товара, что самому Якову Семёновичу и не снилось. Братья брали со скупщиков свой процент и из ничего делали деньги, а Циммерман ночами выл на луну.

– Жалко Якова Семёновича, он хоть и жадный, но не злой!

– Да, и хитрый! Заявлять в полицию он не намерен. Со Стасиком он заключил сделку, мол, никто не заинтересован в разоблачении, в том числе и те, кто получал документы на товар. До тех пор, пока не случится встречная проверка поставщика и клиента. Так что все остаются при своих интересах.

И тут объявили посадку на рейс до Енска.

В ПОЛЁТЕ

Расположившись в креслах самолёта, Василий и Татьяна взялись за руки и пожелали себе и всем счастливого полёта.

– А ещё, Васятка, меня постоянно подмывает тебя спросить: ты что, родственник Пушкина?

– Василий Иванович удивлённо взглянул на Татьяну:

– С чего ты взяла?

– Ну, ты так интересно и живописно рассказываешь.

– Тогда все трепачи – прямые наследники Александра Сергеевича.

– Нет! Только те, у кого есть доказательства, – Танюшка, интригуяще улыбаясь, в упор глядела в глаза любимого.

– Разочарую тебя, дорогая, у меня таких доказательств нет.

– А я прочитала в твоей картонной папочке с тесёмками, что у Кологривовых и Пушкиных один общий предок.

– Не знал, ай да Михаил Моисеевич!

– Это кто?

– Ну, это такой моложавый старичок, он-то и принёс эту интересную папку. Я её толком и не успел рассмотреть.

– А я заметила, что на дворянском гербе и Пушкиных, и Кологривовых есть одинаковый символ.

– Какой же?

– Выступающая из облака правая рука в серебряных латах, а в ней меч... или сабля, не помню.

– Ну, и что?

– Может, это и есть символ вашего единого с Пушкиным предка?

– Слушай, Танюшка, с меня хватит сюрпризов, не надо строить догадок. Отдам эти бумаги отцу, пусть разбирается.

Василий поцеловал свою любимую в щёчку, она, обняв его под руку, положила голову на плечо, свет в салоне самолёта пригасили, была уже поздняя ночь, и сонугомон без усилий помог влюблённым сомкнуть глаза.

* * *

И опять, как в детстве, Василию Ивановичу снилось, что он свободно летает. Необычайная лёгкость волновала и радовала. Наслаждаясь полётом, Васятка не заметил, что рядом с ним появилась корзина воздушного шара, а в ней некая дама в шляпке. И вдруг Василию Ивановичу стало жутко неудобно! Он не задумывался до сих пор, как был одет, а тут понял, что, заснув в длиннополой ночной рубашке, так и летал. Порывом ветра с головы незнакомки сорвало шляпку. Василий Иванович попытался поймать её и взглянул вниз. О, ужас! Как же высоко он поднялся! Под ним и вокруг только облака. Внезапно из облака появилась рука в рыцарских латах и со сверкающим клинком. Вздрогнув, Василий Иванович проснулся.

* * *

В груди как-то волнительно **щемило**, на плече его мило дремала Татьяна. Кологривов взглянул в овальное окошечко самолёта. За иллюминатором проплывали поля облаков, освещенные восходящим солнцем. Само собой подумалось: «За три прошедших дня произошло так много неожиданного, что ни приснившаяся дама в шляпке, ни рыцарь в облаках почему-то нисколючко не удивляют, сон ведь не отменишь, а что нельзя изменить, к тому нужно поменять отношение».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ОТРЫВОК ИЗ ЧАСТИ ВТОРОЙ

Воздушный шар под неистовые крики толпы постепенно поднимался в воздух. Ноги у княгини Прасковьи задрожали. «Зачем я согласилась на эту авантюру? Вот уж, эта вечная моя неугомонность». Раздумывая над своим взбалмошным поступком, Прасковья Юрьевна тем не менее изображала радость на своём лице и бодро махала удаляющимся зрителям. Шар довольно быстро набирал высоту, так что люди вскорости превратились в мелкие силуэтики. Необычайная радость, спирающая дыхание, постепенно сменилась тревогой и даже страхом. Ноги от напряжения и помимо воли воздухоплавательницы становились ватными и непослушными. Руки вцепились в края корзины, и не было сил их разжать. Ветер порывами гнал шар прочь из города. Необычайная красота, открывшаяся перед княгиней, не радовала её, а скорее пугала. Облачность была настолько низкой, что шар очень быстро стал проникать в какую-то туманность. Земля сквозь лёгкую дымку вырисовывалась то окружьями чуть зеленеющих лесов, то чёрно-коричневой пашней, то изумрудными лугами.

Проклиная себя и свой беспокойный характер, Прасковья дрожала всем телом то ли от страха, то ли от влажного холода. На какое-то мгновение ей показалось, что она теряет сознание, и вдруг... боковым зрением, но очень ясно, совсем у самой корзины ей почудился ангел. Это был мальчик в белом одеянии, но без крыльев. Резко повернув голову, она зацепилась полами шляпки за стропы, головной убор соскользнул с головы и полетел вниз. Сначала посмотрев ему вслед, а затем подняв глаза, она встретилась взглядом с ангелом. Он был очень спокоен и как бы переливал это спокойствие в душу княгини. Она перестала дрожать, сомкнула веки и почувствовала тепло, разливающееся по всему телу.

Открыв глаза, Прасковья Юрьевна увидела, что ангел устремил взор вверх. Непроизвольно посмотрев туда же, княгиня увидела выдвинутую из облака руку с мечом. Нет, неведомый рыцарь не касался шара, лишь остриём клинка указывал в его направлении. И в то же мгновение корзина стала уходить из-под ног. Облака как бы раздвинулись, появилось солнце, а шар, видимо, достаточно охладившись, пошёл вниз. И рука, и ангел растворились.

«Ах, глупая Прасковья, не собиралась ли ты только что умирать? Рано, ой, рано! Ведь это было знамение! Тебя ждут внизу юные дочери. Они будут гордиться тобой. Ведь ты отныне и навсегда первая русская женщина-воздухоплаватель – княгиня Гагарина. Всё – пора домой!»

И уверенной рукой Прасковья потянула за длинный фал, выпуская через клапан тёплый газ из шара.

В СЕМЬЕ БОГОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ,
КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫ ПО ЛОГИКЕ БЫТЬ ПОСЛЕСЛОВИЕМ.

Неспешные воды Нила, обрамлённые вечнозелёными зарослями, изредка образовывали песчаные плёсы на излучинах пологого берега. На одном из таких живописных плёсов, мирно сосуществуя, расположились на отдых обычно избегающие взаимных встреч дикие животные: изящная лань и осторожная кошка, благородный олень и клыкастый вепрь. Чарующая трель невидимого жаворонка завораживающе лилась с голубых небес. Нельзя было назвать эту картину идиллией, но лесные звери действительно без опаски разместились рядышком друг с другом на тёплом лежбище. Постороннему глазу было бы удивительно видеть, что стадные копытные животные вышли к водопою в одиночестве, и они явно не ждали других своих сородичей.

Покружив над отдыхающими, белокрылый ибис спокойно опустился рядом с водой. Лишь коснувшись песка, птица в момент обратилась в посланца Богов, подателя радости Гермеса. В тот же момент вместе с пернатой и шерстистые обернулись в олимпийских небожителей: лань – в Аполлона, кошка – в Артемиду, олень – в Геракла, вепрь – в Ареса. Из реки, сбрасывая на ходу сверкающую рыбью чешую, поднялась прекрасноликая Афродита. Мирный Египет давно стал надёжным прибежищем для греческих Богов. Не впервые собирались они здесь.

– И где же ты так долго пропадал? – обратился к Гермесу раздражённый Арес.

Слова эти, адресованные быстрокрылому брату, мог бы произнести каждый из собравшихся, но нашлись и другие вопросы, которые посыпались на вестника:

– Что случилось?

– Когда можно будет вернуться на Олимп?

– Мы здесь что – в плену?

– А когда придёт Зевс?

Гермес от неожиданного напора братьев и сестёр отступил назад, шагнув в воду и замочив свои крылатые сандалии. Между собой и родственниками он выставил обвинительный змеями посох:

– Спокойнее, друзья мои, спокойнее! Не забывайте, что я всего лишь вестник. Вот и хочу вам сообщить, что Зевс в пути, он тоже жаждет встречи с вами. На все свои вопросы вы услышите от него исчерпывающие ответы.

Гермес, приложив козырьком ладонь к бровям, взглянул в небесную высь. Все тоже подняли головы вверх и замерли – ничего они там не увидели, лишь песня самовлюблённого жаворонка лилась из бесконечной лазури.

– Что-то он сегодня излишне восторженно распелся над нами, – голос Зевса неожиданно раздался за спинами Богов. – Здравствуйте, дети мои!

Хотелось кинуться навстречу ему, но давно утверждённая в общении сдержанность заставила всех лишь молча склонить в приветствии голову и приложить руку к груди. Зевс выглядел уставшим и заметно постаревшим:

– Знаю-знаю! Вы вскипаете от нетерпения узнать, когда же закончится эта ваша ссылка. К сожалению, вынужден сказать вам правду: никогда!

Чтобы погасить нарастающий ропот и непонимание сыновей и дочерей, Зевс сразу продолжил.

– В Греции нас никто не ждёт. На Олимпе разруха, в храмах запустение.

После недолгой паузы первым опять заговорил воинственный Арес:

– Это ж надо понимать так, что люди потеряли страх? Надо их проучить за это!

Братья одобрительно поддержали его, но Зевс поднятой рукой успокоил общее возмущение:

– Да, после того, как были уничтожены все чудовища, человек перестал и нас бояться. Всемирным потопом их уже не напугать, они построили столько кораблей и научились так смело ходить по морям, что обиженный Посейдон удалился в безбрежные пределы Океана. Что удивительно, смертные перестали бояться смерти, и Аид от обиды затворился в Тартаре. Люди, наученные тобой же, Арес, воевать, стали настолько бесстрашными, что их уже ничем не повергнуть в боязливый трепет.

– Они не смогут жить без Богов, – не очень уверенно высказалась Артемида.

– Возможно. Поэтому они избрали себе других Богов. Люди рождаются и счастливо живут без нас. Мы никому не нужны! – Зевс замолк.

Никто больше не произнёс ни слова, но у каждого на языке вертелся вопрос: «Почему такое могло произойти?»

Наступила жуткая тишина, даже шелест листвы вдруг затих. И лишь переливчатая трель невидимого жаворонка неуместно восторженно плескалась в воздухе.

ЧАСТЬ I

ДОПОТОПНАЯ ЖИЗНЬ

СПЕРХИЙ

Среди многочисленных детей великого Океана все существующие водные места обитания уже были распределены, когда появился на свет красавец Сперхий. Морские боги и речные богини, озёрные божки, и болотные боженята мирно сосуществовали на Земле, не вмешиваясь в дела своих близких и дальних родственников. Возможно, так происходило потому, что Океан и его супруга Тефида были братом и сестрой и находили полное взаимопонимание в своей семье. Любовь и приятные отношения царили в водной стихии. И когда не хватало места всё появляющемуся потомству Океана, вселенские воды поднимались в небо и с грозowymi тучами устремлялись на сушу, заливая неосвоенные низины и впадины, изыскивая протоки для новых рек. В этот период любовных игр юные боги забывали о родственных отношениях, сливаясь в стихийной страсти. Вот именно такие мгновения открытых отношений настолько пришлось по душе любвеобильному Сперхию, что он, не претендуя на свою вотчину, был счастлив перелетать из края в край необъятных просторов, наслаждаясь безудержным соитием с нимфами и океанидами.

Юный сластолюбец настолько свыкся со своей ролью свободного существа, что ни разу не обратился к могущественным родителям с просьбой о получении своей доли причитающегося ему наследства. Он и без того по происхождению обладал божественным даром телесного перевоплощения и чудесной возможностью передвигаться в пространстве. Иногда ему было присуще чувство предвидения, правда, не такое, каким владела двоюродная сестра

Немесида, и всё же... Когда тётушка Рея впервые привела в семью Океана юного Зевса, Сперхий сразу почувствовал: с этим счастливым юношей надо дружить. И сразу взял шефство над своим братом.

ЗНАКОМСТВО

С того времени, как подросший Зевс был освобождён от постоянной опеки со стороны нянек, воспитателей и матери, у него появилось много новых друзей и знакомых. Зевсу, при условии соблюдения тайны своего происхождения, было дозволено покинуть Кипр. И молодой Бог стал появляться среди других бессмертных. Для Зевса начался новый этап его жизни. Закончилось вынужденное затворничество, и пришла раскрепощённая свобода. По материнскому совету, он отправился в общество тётушки Тефиды и её многочисленных дочерей и сыновей. Сколько их было, никто не мог сказать точно. Сотни ли, тысячи ли?! Запомнить их по именам было невозможно.

Особенно близко Зевс сошёлся с одним из своих двоюродных братьев, речным Богом Сперхием. Этот прекрасно сложенный юноша обладал удивительными способностями к перевоплощению. Ему были легко доступны все стихии живой и неживой природы, кроме огня. Всегда приятный в разговоре, он пленял окружающих обаянием, душевностью и искренностью. В человекообразном облике он был щепетилен к своему внешнему виду. Эта незначительная слабость притягательно действовала на большинство из Богинь.

После знакомства с Зевсом Сперхий возложил на себя обязанность ввести малоопытного родственника в женское окружение. В основном это были океаниды, с которыми Сперхий вёл себя фривольно, и родные сёстры позволяли своему брату всё: жгучие поцелуи в губы, горячие

объятия, нежные прикосновения к интимным местам. Зевс же, не имевший до сих пор опыта общения с девушками, смущался и краснел.

– Перестань, брат, стесняться океанид, – нравуучал улыбающийся Сперхий. – Они, может, только и ждут от тебя ласк и объятий. Правда, сестрички?

Океаниды зазывно смеялись и весело порхали вокруг.

– Это красавчик Зевс, – представлял Сперхий своим сёстрам двоюродного брата. – Будущий самый-самый, да он и сейчас ого-го!

Зевс раскланивался направо-налево и опускал глаза, не смея задерживать взгляд на зазывно полуприкрытых частях тела божественных девиц.

– Вон как прожигает тебя взглядом красотка Метида, – восхитился Сперхий. – Удивлен, брат! На меня она так никогда не смотрела. Да и к себе не подпускала.

От обилия полуобнажённых тел Зевс еще больше тушевался.

Проплывая рядом, Метида, одна из самых обворожительных океанид, ухватила растерянного Зевса за руку и увлекла за собой. Зевс и не представлял, что чувство парения может быть таким приятным. Особую привлекательность полёту придавало ощущение близости прекрасной девы. Когда их тела сближались, огонь возбуждения охватывал Зевса, проникая в самые сокровенные тайны тела. Метида, не выпуская из своих нежных ладоней кисть юноши, по дрожанию пальцев Зевса чувствовала возбуждение молодого Бога.

– Почему ты так долго не появлялся у нас? – обратилась Метида к Зевсу, как только они, расположившись в беседке на берегу, остались наедине друг с другом.

Вопрос был задан так, будто они были давно знакомы, а неожиданное расставание излишне затянулось.

– Можешь ничего о себе не рассказывать, – не дождав-

шись ответа, продолжила Метида. – Твоя мать, тётя Рея, частый наш гость. Мы с ней очень дружны. Я знаю, как ты был спасён. Это она подсунула вместо тебя, новорождённого, запеленатый камень. Его-то и проглотил беспощадный Крон, как до этого упрятал в чреве всех своих детей. Рея так много с нежностью и в деталях рассказывала о тебе, что мне кажется: я знаю тебя давным-давно. Когда ты появился в компании со Сперхием, я сразу тебя узнала.

Слушая щебетание своей сестрички, Зевс всё глядел и глядел в её голубые глаза. В их бесконечной глубине он желал утонуть и остаться навсегда. В груди что-то нежно сжималось и трепетало. Это ощущение было ему незнакомо, но желанно. От прикосновения её рук по всему телу растекались одновременно холод и тепло, вызывая внутреннюю дрожь. Бороться с нахлынувшим чувством он не имел сил. Приятное, восхитительное состояние накрывало его, как морская волна. Милая Метида! Она всё осознавала, всё понимала. Она помогла ему справиться с этой сладкой мукой. Первый поцелуй был неловким. Второй – долгим и сладким. Влюблённые забыли обо всём. Ничто не могло разъединить их и оторвать друг от друга.

У ДЕДОВ

Давно не виделся Зевс со своими предками: бабушкой Геей и дедом Ураном. Их приглашение побывать у них в гостях было для Зевса неожиданным и волнительным. Боги первого поколения Гея и Уран жили отшельниками и старались не вмешиваться в жизнь своих детей и внуков, хотя, конечно же, они были в курсе всех событий, происходящих на земле, под землей и в небесах. А спокойствия в жизни Богов не наблюдалось. Скорее всего, один из назревающих конфликтов и послужил поводом встречи внука с дедами. Предчувствие Зевса не подвело.

По взаимной договоренности родственники приняли человекообразный вид. Эта ипостась их бытия всё больше входила в моду после того, как люди стали заселять сушу на голубой планете. Даже одежды, придуманные смертными, становились обыденными в обиходе богов.

Зевс и в мыслях не помышлял называть родных предков стариками. Несмотря на свой многотысячелетний возраст, дедушка с бабушкой выглядели свежо, бодро и молодо. Гея была просто бесподобна, кто бы мог сказать, что эта милovidная, легкая в движениях, искристая во взгляде женщина и есть проматерь всех Богов. А вот в Уране появилось несколько излишне женоподобных манер, голос его был звонок, и, в отличие от юного внука, дед не имел ни усов, ни бороды. Возможно, это всё следствие давнего оскопления Урана титанами во главе с Кроном.

Полупрозрачные, почти невидимые проплывали у стола нимфы и расставляли различные угощения. Еда давно уже стала своеобразным признаком гостеприимства, перенятым от людей. Боги фактически не понимали вкуса разносолов, но, находясь в подобии людей, им казалось, что яства приносят удовольствие. Единственное, что было неизменным и обязательным в застольях Богов – амброзия и нектар. Люди так и не научились изготавливать эти божественные продукты, дающие бессмертие, а потому объедались на земле до ожирения всякой растительной и животной пищей да употребляли хмельное пойло для затуманивания рассудка и самообмана в увеселениях.

Разговор после некоторого обмена любезностями начал дед:

– Мы знаем, милый наш внучок, что матушка твоя Рея всё больше времени проводит у сестры Тефиды. Надёжно она от Крона, папочки твоего, спряталась, в Океанских даях-то. Да это нам и понятно. Надоело ей улаживать проглата Ура-ни-да.

Последнее слово дед произнес с каким-то особым ударением, как будто не отчество своего сына выговорил, а обозвал того уродом.

– Да уж ладно тебе, дорогой, всё ворчишь, никак не успокоишься, – одернула Гея своего мужа. – Будет тебе! Говори о деле.

– А я о деле, дорогая, о деле, – и дед, не отводя взгляда от внука, продолжил. – Куреты с корибантами, няньки твои и помощники, должно быть, рассказали тебе, почему твоя мать, а наша милая дочь прячется от мужа своего?

Уран сделал паузу, приняв от нимфы кубок с нектаром, отхлебнул из него и многозначительно взглянул на Гею. Та, кивнув в ответ, улыбнулась.

– До поры, до времени они не могли, не имели права из-за нашего запрета говорить тебе всей правды.

Зевс напрягся, не подавая, как ему казалось, вида. В наступившей тишине был слышен шелест туник на почти невидимых нимфах, а те стояли в отдалении, не шелохнувшись.

– Нет порядка в этом мире, и некому его навести! – звеня высокими нотами, взорвал тишину Уран. – Мы с Геюшкой моей любимой сотни веков трудились, чтоб из Хаоса в Космосе упорядоченность появилась, мироздание-то наше чтобы процветало и радовало всех! И что? Стоим на месте! Не движемся к благу и красоте! Почему? Люди вон говорят: рыба гниёт с головы. А кто голова всему нынче? Кто взял на себя ответственность за развитие? Кронос!!! Вижу, матушка, твоё желание меня успокоить, – поднявшись, Уран подошел к супруге. – Хорошо, дорогая, я не буду волноваться. Эх, Зевсик ты наш дорогой, все надежды только на тебя! Пора, дружок, тебе становиться настоящим Богом, Властителем Земли и Неба, Вселенной и Преисподней. Всё пространство истосковалось по движению и порядку. И мы с бабушкой твоей сегодня пригласили тебя, чтобы благословить на это Великое Дело.

Зевс пожал плечами:

– Прости, дед, мне не всё понятно!

– Дедушка, как всегда, излишне эмоционален, – красивым грудным голосом заговорила Гея, – но он прав. Знаком ли ты с сестрой своей третьего колена дочкой Никты Немесидой? Нет? Обязательно познакомлю. Ты к ней ещё часто обращаться будешь, когда захочешь узнать свою или чью-либо судьбу, – бабушка встала и приблизилась к внуку. – Так вот, Немесида поведала нам тайны твоей судьбы. А они таковы: быть тебе Главным среди Богов, именно ты продолжишь род Богов и устроишь миропорядок как в иерархии Богов, так и среди людей, именно тебе предписано из великого разнообразия всего сущего создать прекраснейшую гармонию. Неимоверно трудная задача, но мы верим в тебя, Зевс!

От торжественности момента в небесах или просто в ушах присутствующих волнительно зазвучали арфы, им нежно вторили свирели и отбивали ритм литавры.

Зевс от всего услышанного впал в безмолвие. Как хороша, как прекрасна была его жизнь до этого момента! Никто его не беспокоил. Как объясняли ему воспитатели-куреты, отец Крон не знал и не должен был знать о существовании своего сына Зевса. Эта была общая тайна, выгодная всем. Крон, этот странный самодовольный Верховный Небожитель, никогда ни во что не вмешивался, никому не досаждал, ничем, собственно, и не интересовался, правда, очень любил гимны в свою честь. А юный Зевс и не претендовал на исключительность, и даже не мечтал когда-нибудь занять место своего отца. Казалось, всё было прекрасно. Дед с бабушкой баловали его, учили купаться в облаках, волшебным образом менять свою ипостась, превращаясь по желанию, во что пожелается. Зачем что-то менять? Всё мило и уютно. Даже мать последнее время не беспокоила его своими наставлениями, живя в семье брата Океана,

где Зевс очень близко сошёлся с одной из многочисленных двоюродных сестёр-океанид...

– А мы знаем, что тебе по нраву премудрая Метида, – прервала размышления Зевса бабушка. – Не удивляйся, дружок, ты очень скоро тоже научишься читать чужие мысли и предугадывать поступки. А Метида среди своих сестёр действительно самая достойная. Тебе не просто нужно с нею подружиться, но очень внимательно прислушиваться к её советам, они тебе очень пригодятся. Не скрывай от неё даже того, о чем мы тебе сейчас поведаем.

И довольные друг другом, собеседники вновь присели к столу.

– Пора тебе, Зевс, узнать главную тайну! – голос Геи зазвучал взволнованно. – Ты не единственный из детей у своей матушки, из шестерых – младший.

– Как?! – непроизвольно вырвалось из уст молодого Бога. – И где же они?

– Вот для того мы тебя и пригласили, чтобы об этом рассказать, – подхватил Уран бабушкину интонацию. – После того, как этим ..., – дед явно подбирал более тактичные слова для выражения своей мысли, – ...титанам было передано правление миром, Крон взял в жены себе одну из незамужних сестер Рею. А на свадьбе потребовал от Немесиды предсказать ему его будущее. И Богиня Судьбы поведала, что будет править он долго и счастливо и что даже люди назовут его правление «Золотым веком», что суждено ему иметь шестерых прекрасных детей, вот от них-то и придёт к нему погибель. Отец твой рассмеялся, мол, он знает, что предпринять, чтобы этого не произошло.

– Даже мы не предполагали, что же сделает этот изверг! Новорождённых он стал глотать! – спокойная до сих пор, гневно сверкая глазами, продолжила монолог мужа Гея.

– Так значит, их больше нет? – в отчаянье вырвалось у Зевса.

– Боги бессмертны, помни об этом, внук! Но даже при необыкновенном всемогуществе, они бывают порой бес-
сильны. Упрятанные в недрах Кроноса, два твоих могучих
брата и три прекрасных сестры ждут своего освобождения.

Зевс недоумённо посмотрел на проговорившего всё это
деда и перевёл взгляд на бабушку:

– А почему же ты, великая Гея, не можешь, помочь сво-
им внукам?

Предки переглянулись, Уран привстал, подойдя к Гее,
положил ладонь на её плечо, а она свою поверх, глядя
мужу в глаза, кивнула в ответ на его немой вопрос. Дед
молча удалился. После его ухода бабушка заговорила не-
сколько приглушенно:

– Великий Эрос, внушая любовь и через неё обязатель-
ное продолжение жизни, свёл меня с Понтом, морским
божеством, и жили мы счастливо, и было у нас шесть пре-
красных детей, но вот у них-то стали появляться дети-у-
жасы. Кето с Форкием наплодили жутких Горгон, Тавмант
отвратительных полуженщин-полуптиц. И ушла я тогда
от Понта морского к Урану небесному. И появилось у нас
шесть солнечных титанов и шесть сияющих титанид. От
брака между ними стали пополняться небеса чудесными
божественными созданиями. У Океана и Тефии появились
тысячи прекрасных океанид. Среди них и возлюбленная
твоя, самая мудрая из сестер – милая Метида.

Зевс, потупя взор, улыбнулся, а бабушка, как бы не за-
метив смущения внука, продолжала:

– Но случился сбой в системе благополучия. Стали ро-
ждаться у меня от Урана одноглазые Циклопы. А затем
один за другим появились на свет три брата Котт, Бриарей
и Гиес. Видел бы ты их – ужаснулся! Хотя и дороги они
мне, как и все родные, но очень уж безобразны. Сторукие
и пятидесятиголовые монстры, они, в отличие от Богов,
не способны к перевоплощению, но на положение Богов

не претендуют. В гневе они неодолимы и несокрушимы, а в спокойствии покладисты и доброжелательны. Но после того как стали у нас с Ураном рождаться смертные жестокосердные гиганты, Крон – самый недовольный среди титанов – оскопил отца своего Урана и встал во главе Богов нового поколения. И всё бы ничего. Крон, батюшка твой, невзлюбил уродливых братьев своих и упрятал их в бездны подземные. Благо ещё дядюшка Тартар с удовольствием взялся за обучение Циклопов кузнечному ремеслу, это дело оказалось им по нраву. Мы спокойно отошли от дел и не перечим сыну. Но вот беда... Детей-то у титанов, кроме океанид, по одному-два, ну три от силы. А Мнемозина и Фемида вовсе бездетные. Своих же детей Крон в испуге от предсказания Немесиды глотает, не давая возможности развиваться нашим внукам, а именно вам, Кронидам, предсказано устроить мир по-новому. Текут века, а мир стоит в своём развитии.

– Да и ты, Зевс, в своём изгнании постепенно привыкаешь к спокойной и бездеятельной жизни, – подхватил разговор вошедший дед Уран.

В руках он нёс сосуд, видимо, не пустой. Зевсу подумалось: «Что ж это дедушка, не мог поручить принести напиток нимфам?»

– Этот сосуд никому нельзя доверять, – как будто подслушав мысли Зевса, проговорил Уран. – В нём особый эликсир, ничего общего с другими напитками не имеющий, хотя он по вкусу и напоминает нектар. Вместе с Метидой вы договоритесь, как его доставить к столу Крона. Отравить этим элексиром Богов нельзя, но прополочет так, что вывернет наизнанку.

Дед не поставил сосуд на стол, а вручил его Зевсу.

НА КРАЮ ОКЕАНА

Отдых с Метидой заменял Зевсу общение со всеми, кто окружал его здесь, в гостях у Океана.

Удивительной красоты и неотразимого обаяния девушка неодолимо притягивала к себе молодого Бога. Их встречи давно не напоминали дружеские беседы брата и сестры. Зевс впервые осознал, что он может скучать в долгой разлуке без милой сестры своей, что страстно желает близости с этой девушкой и готов на всё, чтобы находиться с нею рядом. Вот и нынче он в мгновение ока добрался от дедов до пределов земли и, лишь на ходу поприветствовав матушку с тётей, сразу же направился к уютному, давно обжитому месту встречи с Метидой, на живописном океаническом берегу. Горячий поцелуй без слов объяснил чувства молодых людей.

– Мне казалось, что века прошли, как мы расстались!
– переводя дыхание после долгого поцелуя, призналась Метида.

– И я скучал без тебя!

Позже, после жарких объятий и безудержной страсти, влюбленные отдыхали, не выпуская друг друга из нежных рук.

– Я так хочу, чтобы мы никогда не разлучались с тобой, любимый!

– Я тоже, милая! Ты мне так нужна! Я так люблю твои откровения! Ты что-нибудь приберегла к нашей встрече?

– Конечно! Сегодня их будет три! Вставай! Побежали к воде!

После того, как Боги освежились в океанской лазури, Метида попросила Зевса взять камень и подбросить его вверх. Камень взлетел и упал на пляж.

– Ещё! Ещё раз!

– Ну, и что? – недоумевая, спросил Зевс.

– А вот сколько бы ты их не подкидывал, они будут падать назад. Почему?

– Никогда об этом не думал. И почему же?

– Камни – часть матери земли. И сколько бы они не отрывались от неё, всегда будут притягиваться ею и возвращаться назад.

– Здорово! – Зевс обнял и поцеловал свою подругу. – Не случайно твоё имя Мудрая. А второе откровение какое?

– Теперь я буду кидать камушки, но в воду. И заметь, как метко. Каждый раз я обязательно попаду в самый центр круга расходящихся волн.

Метида сделала несколько бросков и действительно каждый раз попадала в самый центр круга.

– Ты тоже можешь попробовать и увидишь: у тебя получится.

Зевс и так знал, что каждый раз, круги на воде начинают расходиться точно из того места, куда падает камень. Но причины такого поведения волн ему были неизвестны.

– Объясни же скорей, любимая, почему это происходит?

– Так ведут себя все воды на земле: морские, речные, озёрные и даже в дождевых лужах. Им повелел это делать мой батюшка – Великий Океан, чтобы отличать живую воду от мертвой. Камни, брошенные в подземную реку Тартара, не оставляют после себя кругов и беззвучно уходят в забвение.

– Интересно! А откуда всё это знаешь ты?

– Мудростью меня наделили старшие Боги, я всего лишь исполняю их волю, порой мне самой интересно, почему я делаю именно те выводы, которые всеми признаются, как самые верные.

– Ну, а какое же третье откровение ты приготовила сегодня для меня?

– Удивительное. У нас будет ребенок.

– Как?.. Почему?..

– Какой ты смешной! Как будто не знаешь, что от того, чем нам так нравится заниматься, получаются дети.

– Извини, я просто оказался не готов к такому откровению. И потому задаю глупые вопросы. Я же не такой мудрый, как ты. А кто у нас родится?

– А дара предвидения у меня нет. Пока я просто счастлива, что у нас с тобой будет ребенок. А если ты такой уж любопытный, то можешь об этом узнать у Немесиды.

– Я уже второй раз слышу это имя. Видно, действительно пора с ней познакомиться.

В ГОСТЯХ У СУДЬБЫ

Бездетная Немесида жила в своём сумеречном мире где-то на краю неба и земли, на стыке света и тьмы.

Во владения Немесиды Зевса привела беспокойная Гея. Познакомила и удалилась, чтобы не мешать откровенному разговору двум заинтересованным друг в друге Богам.

Немесида представляла иную ветвь Божественного происхождения, нежели Зевс. Она была дочерью Эреба («Мрака») и Никты («Ночи»). Демонические Керы, злоязыкий Мом, беспощадный Тонатос, безобидный Гипнос и обидчивая Эрида – все эти братья и сёстры Немесиды были сущим наказанием Богам и людям. Но в отличие от своих мрачных родственников, напускающих на людей несчастья, раздоры и смерть, неподкупная Немесида, отвечала за тайну судеб. И если смертные не могли обратиться к Немесиде, то Боги иногда пользовались услугами Великой Предсказательницы. За этим прибыл к ней и Зевс.

– Не вздумай называть меня своей тёткой, ты мне брат, – предвидя сомнения Зевса, как же к ней обращаться, начала беседу Немесида. – Мало кому известно, что и Крон, твой отец, и Уран, твой дед, – оба сыновья Геи. Да, милый братик, она тебе одновременно и бабушка и прабабушка. В

своё время она взяла себе в мужа собственного сына Урана. В те далекие времена выбора-то у неё и не было. После рождения могучих титанов что-то нарушилось в их браке, и стали появляться на свет ужасающие наследники: то одноголазые, то сторукие, то змеиноногие гиганты. А знаешь ли ты, что от крови и семени Урана, когда Крон оскопил его алмазным серпом, в Земле зародились безжалостные Эриннии? Тартар, брат Геи, оставил их у себя в Подземелии, потому что вид трех сестер: Аллекто («Непрощающей»), Мегеры («Завистницы»), Тисифоны («Мстящей») – был ужасен. Зачем я тебе о них рассказываю? Вот они-то и есть твои настоящие родные тётки.

– Иронию твою, сестрёнка, оценил. Я искренне рад знакомству с такой симпатичной, доброжелательной и приятной во всех отношениях родственницей. А тетушка ли ты мне, или сестра – какое имеет значение? Но обещаю не называть тебя «милой тётушкой моей».

– Спасибо, братик.

– Рад оказать услугу сестрёнке.

Немесиды и Зевс одновременно рассмеялись от непридуманной и доброжелательной пикировки в беседе. Это сгладило некоторое неудобство в начале знакомства.

– Кстати, об Эриниях. Вместе с ними я вершу судьбы людские. Придёт время, и ты, Зевс, тоже будешь вершить судьбами Богов и людей.

– Это тоже предписано мне Судьбой?

– А ты расстроен по этому поводу?

– Я думаю, размышляю на эту тему. Знаешь, сестричка, когда тебе за короткое время предлагается изменить свой ритм и образ жизни, привычки и сложившиеся отношения с близкими, трудно не расстраиваться.

– Сочувствую. Я привыкла после предсказания видеть порой не радостные лица собеседников.

– Ну что ж, я готов изобразить на своей физиономии

очередное расстройство.

– А что желает узнать любопытный Бог?

– Судьбу свою, что ж ещё-то!

– Ты же бессмертен! А перипетии судьбы порой непредсказуемы, но вполне переживаемы. О чём конкретно ты хотел бы узнать?

– Бабушка, – Зевс, ухмыльнувшись, сделал паузу, – или, по твоей версии, прабабушка рассказала мне о моих родных, безвинно осуждённых на неволю сестрах и братьях. Я должен помочь им высвободиться из чрева отца. А что потом будет?

– Крон этого не сможет простить тебе.

– Это я могу предположить и сам.

– Великое противостояние поколений вижу я впереди, – закрыв глаза, Немесида простёрла перед собой руки. – Жестокая война предстоит, и будет войн несколько, пока ты не успокоишь всех и не возьмёшь всю власть над Богами в свои руки.

– Уран с Геей мне уже говорили про это. А что будет со мной, с моим ребёнком, с Метидой? – вырвалась из уст Зевса затаённая мысль.

– Крон проклянёт вас. И, следуя проклятию, твой сын, рождённый от Метиды, должен будет сместить тебя в своё время. Так поступил со своим отцом сам Крон. Но после подобного предсказания он плохо поступил со своими детьми? Ты должен найти иное решение, более мудрое и более достойное Великого Бога.

– Спасибо, дорогая Немесида, за искренность, спасибо, что веришь в меня.

И брат с сестрой, еще недавно незнакомые друг с другом, нежно обнялись, как старые друзья.

ЗАГОВОР

Сидя на берегу, под шелест волн и ласковый хор цикад, Метида и Зевс долго обсуждали предсказания Немесиды.

– Мой дорогой, давай отложим решение проблемы *нашей* судьбы на потом. Сейчас важнее освободить твоих братьев и сестёр. И если всё у нас получится, будет ясно, как нам поступать дальше.

– Согласен, милая. Но как мы заставим всемогущего Крона выпить содержимое сосуда?

– У меня созрел такой план. Он, конечно, основан на обмане, но иным путём нам не добиться успеха. Ты слышал про кентавра Хирона?

– Существо с телом коня и человека одновременно?

– Да. Тебе предстоит встреча с ним. Он – твой сводный брат по отцу.

– Вот это откровение! Мир чуден и непредсказуем! И много ещё у меня родственников, мне пока неизвестных?

– Достаточно, а будет в будущем ещё больше! Так вот слушай! Крон, как и многие Боги-мужчины, находил утешение в общении с другими женщинами. Не устояла перед его чарами и моя сестра океанида Филира. А было это так.

И Метида поведала Зевсу историю появления первого кентавра. Во время соития Филиры и Крона, неожиданно рядом оказалась его супруга Рея, и, чтобы не быть застуканным, Крон превратил свою тайную возлюбленную в кобылицу, а себя в жеребца. Сокоупление, начавшееся в людском облике, закончилось – в лошадином. А позже на свет появился ребёнок-жеребёнок. Часть туловища до пояса у него была как у человека, а ниже – как у коня о четырёх копытах. Дитя любви Хирон был единственным наследником Филиры, она в нём души не чаяла. Пришёлся по нраву внучок-кентаврик и дедушке Океану. Воспитанный среди богов, Хирон был всё-таки смертен, но отли-

чался многими талантами и пользовался уважением среди божественного племени. Но жить он всё же, как смертный, должен был среди людей. Крон знал о необычном своем ребенке и приглашал его иногда к себе в гости. Вот этим обстоятельством и предложила воспользоваться Метидя.

* * *

Зевс был очарован благообщительностью своего необыкновенного брата. Мудрый Хирон знал о том, что его отец глотает своих детей, хотя кентавром он побрезговал, да ведь смертный обитатель земли и не в силах был как-то повлиять на небожителя. Узнав о том, что при помощи обмана лишь один Зевс не был проглочен, кентавр обрадовался и, обняв своего брата, согласился принять участие в рискованном предприятии. Они быстро поняли друг друга, и план вызволения их братьев и сестёр стал обрастать деталями.

Так повелось, что Хирон периодически отправлял к столу Крона изготовленные по собственным рецептам напитки. Содержимое сосуда, которое принес с собой Зевс, по запаху соответствовало тому, что Хирон передавал на небеса. Вызвать подозрение эта посылка не должна. Но вот беда! Хирон буквально накануне, погостив у Крона, вернулся на землю.

– Ну и что! Разве ты не можешь сразу по прибытии домой отправить папочке посылку? – предложил Зевс.

– Вполне! А с кем? Ты, я так понимаю, не проглочен потому, что не попался ему на глаза в младенчестве, и он о твоём существовании не подозревает, значит, ты не можешь передать от меня напиток.

– Да, это так! А ты слышал про Метиду?

– Это одна из прекрасных Океанид? Конечно? Я с ней знаком. И кстати, познакомил нас Крон, пригласив меня как-то в гости к титану Океану. Очень я тебе скажу симпа-

тичная богиня. А что это ты, Зевс, покраснел? Догадываюсь: ты ей не просто брат!

– Да ладно тебе!

Кентавр улынулся и признался:

– Трудно устоять перед чарами океанид! Знаю! Сам очарован одной из них. Гордись, Зевс, что мудрейшая из наследниц Океана, красавица Метида, оказала тебе честь быть твоей возлюбленной.

– Ну, если ты не против, она и передаст Крону от твоего имени под видом вина специальное зелье.

– Будем надеяться, что это правое дело, и Крону это не повредит.

– Что с ним будет, он же бессмертен. Зато мы с тобой увидим братьев наших и сестер. Ты еще будешь наших детей и внуков пестовать.

– Скажешь тоже! Я уже и так не молод! А у вас и детей-то нет! Внуков я, пожалуй, и не дождусь!

– Ты – мой брат! И отныне я дарю тебе бессмертие!

– Как это?

– Пройдут года, десятилетия, века, а ты, Хирон, будешь неизменен.

– Спасибо тебе, великий Зевс! Достоин ли я такой чести?!

– Тебе ещё многое предстоит свершить!

Хирон преклонил колени, опустил голову и, помолчав, произнёс:

– Позволь обратиться к тебе с просьбой?

– Слушаю.

– За твоё внимание ко мне и великий подарок, вечно буду твоим слугой, но обещаю тебе, если невмоготу станет мне жить, ты не оставишь меня в муках.

– Жизнь долга, проживём – увидим!

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГОВ

Метида пригласила в беседку на краю крутого берега гостившего у них Крона, который, ничего не подозревая, сразу согласился пообщаться с симпатичной океанидой, сестричкой его возлюбленной Филиры. В непринуждённом разговоре со своим могущественным дядей Метида вдруг вспомнила:

– Совсем недавно я общалась с удивительным, ни на кого не похожим Хироном, и тот просил передать тебе какой-то напиток, напоминающий нектар.

– Да, он регулярно передаёт мне свои необыкновенные напитки. Этот смертный достиг непостижимого мастерства во врачевании. Люди высоко ценят его искусство. Отведаем же дар кентавра.

Нимфы уже поднесли кубки, наполненные зельем. Крон залпом выпил содержимое. По его вздернутым вверх бровям было понятно, что он удивлён. Затем брови медленно поползли навстречу друг другу и почти срослись. Крон, вдохом вобрав побольше воздуха и прикрыв рот рукой, перегнулся через край беседки и с шумом начал изрыгать из себя нечто. В волны океана полетел огромный камень с пеленками, а затем тела проглоченных когда-то Богов. Крон не мог остановить рвотные судороги до тех пор, пока не опустошился. Вид у него был жалкий.

– Извини, дядюшка Крон. Кентавр Хирон, конечно, здесь ни при чём. Всё это придумали мы с Зевсом, младшим твоим сыном, которого сохранила тётушка Рея после рождения, а подсунула тебе запеленатый камень, который ты и заглотил, – свои откровения Метида произносила, глядя в наполненные тоской и гневом глаза обманутого Крона. – Теперь все дети-Боги на свободе и под прикрытием твоего брата Океана.

– Но почему ты?.. – держась за горло, прохрипел Крон.

– Я люблю Зевса.

– Так не видать тебе от него детей, – выдавил из себя униженный Бог. На что Метида улыбнулась и растворилась в брызгах набегающей волны.

* * *

На дне океана всё было в движении. Рея, мать освобождённых детей, в слезах, смешанных с солёной водой океана, обнимала по очереди то рослых своих сыновей Аида и Посейдона, то хрупких, но прекрасных Богинь Гестию, Деметру и Геру. Чуть в стороне среди радостных океанид стоял Зевс, с восторгом наблюдая сцену объятий матери с детьми. Увидев Метиду, он бросился целовать ей руки, повторяя:

– Спасибо! Я счастлив! Спасибо! Я счастлив!

Рея подошла к ним в окружении вновь обрётённых детей.

– Вот, дорогие мои, это ваши спасители! Храбрая Метида – дочь Океана. И ваш необыкновенный брат Зевс.

Глаза родственников светились счастьем и благодарностью. Старшие братья уважительно приобняли младшего. Сёстры одна за другой расцеловали смущенных Зевса и Метиду, героев только что свершившихся событий.

– Вам надо будет много что друг другу рассказать, – обратилась к детям счастливая Рея, – а ещё вам надо приготовить испытать на себе гнев отца.

Были или нет услышаны молодыми Богами эти последние слова? Потому что общий праздник воссоединения семьи шумел и пенился восторгом.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРА

Крон, оправившись после происшествия, помчался подалее от негостеприимного места. Его братья, владеющие на суше горами, Кой и Крий, были с Кроном в боль-

шей дружбе, нежели могучий Океан. К ним на Офрейскую гору и прибыл обиженный Крон. Рассказав о случившемся, он сделал неожиданный вывод:

– Это, дорогие мои братья, начало нашего краха. Я-то ведь и вас спасал, пока хранил в себе своих детей.

– Зачем ты вообще их нарожал? – с раздражением бросил в адрес брата Крий, хотя у самого от двоюродной сестры было трое сыновей.

– Да будет тебе! Не об этом речь надо вести! – не поддержал Крия брат Кой, у него были только дочери, Лето и Астерия, и он с женой-сестрой, лучезарной Фебой, жил в своё удовольствие. – Думаю, нам нужно объединиться и решать, что же будем делать дальше?

– Ветер перемен уже задул со всей силы, и нас он обязательно коснётся своим неласковым крылом, нельзя нам прозябать в бездействии, если хотим сохранить своё могущество и право на владение миром, – тираду эту Крон произнёс с пафосом, но тем самым только подлил масла в огонь эмоций раздражительного Крия.

– Ты бы подумал об этом, когда выплёвывал своих недоносков, – всё больше распалялся Крий.

– Не ищи причину только во мне, братик! Сбывается предсказание Немесиды и проклятие Урана. Отец-то наш, когда мы его смещали, напророчил, чтобы и меня мой сын низверг.

– Эту бесплодную бабку Немесиду давно надо было отправить в Тартар, – не успокаивался Крий. – А батюшку Урана оскоплять я и тогда был против, если помните.

– Ну, иди, иди! Покайся! Прощения попроси! На колени встань! Это вполне в духе титанов! – саркастически выплеснул эмоции и Крон.

– Вам-то что, а мой тесть Понт, когда узнает, что мы против Океана выступаем, проклянёт меня, – нудил Крий.

– Ладно тебе ныть! – опять вступил в спор Кой. – Уран

нас тоже проклинал когда-то, а как счастливо и радостно мы жили всё это время!

– Против Океана мы не будем выступать, – уже спокойнее стал говорить Крон, – мне кажется, и сам Океан не станет против нас бороться. Он всегда жил сам по себе и был нейтрален к нашим проблемам.

И тут появился ещё один брат титанов Иапет. Он, как всегда, был в сопровождении старшего из своих сыновей – Атланта. Этот могучий Бог был на удивление скромен и предупредителен в обращении с окружающими. Вот и сейчас он, оставаясь в стороне, ни разу не вмешался в разговор старших титанов. Зато Иапет сразу заговорил о последних событиях:

– Новости у меня, я вам скажу, не радостные. Судя по вашему настроению, вы готовы их выслушать. Жenuшка моя, океанида Климена, была приглашена сестрой Метидой на девичник, посвященный чудесному освобождению двоюродных сестер Гестии, Деметры и Геры. А ещё Метиды объявила на девичнике, что ждёт ребёнка от Зевса.

– Не может быть! – воскликнул Крон.

– Почему не может? Дело молодое! – продолжил Иапет.

– Проклял я её!

– Ну, братец, может, опоздал ты с проклятием! Хотя слово у тебя тяжёлое, и всё может случиться. Так вот, – Иапет не терял нити рассказа, – вернулась моя Климена с девичника и сразу к сыновьям. Живописно описала им, как Зевс с Метидой, прикрывшись именем Хирона, опоили Крона и освободили спрятанных Кронидов.

– Не прощу! – взревел Крон.

– Ага! Как будто они тебе простят, что ты их глотал младенцами, – не преминул ехидно прокомментировать Крий.

– Ну, будет вам ссориться! – осудительно покачал головой Иапет. – Я ведь до главного-то ещё и не дошёл.

– Говори, брат, – заинтересованно попросил не вступав-

ший в перпалку Кой.

– Слушайте же! А ты знаешь, Крон, откуда у Метиды взялось зелье для твоего отравления?

– Кентавр вонючий сварганил!

– Не знаешь, значит! Эта версия – прикрытие! А передал Зевсу сосуд с гадостью, которую ты выжрал с таким удовольствием, самолично батюшка наш Уран!

Поражённые братья замерли в молчании, Иапет и не спешил продолжать, оценивая реакцию на услышанное. Первым заговорил несдержанный Крий:

– Я ведь ещё тогда говорил: не стоит оскоплять Урана.

– Да, отомстил папочка, дождался момента, когда все мы уже привыкли к своей вечной непогрешимости и постоянному согласию с нами со стороны других Богов, – сделал вывод Крон, затем обратился к Иапету: – Судя по твоему довольному взгляду, ты ещё не всё нам поведал?

– Не всё, братец, не всё, хотя удовольствия, поверь, я от этого вовсе не испытываю. Климена, благоверная моя, запретила младшим сыновьям вмешиваться в назревающий конфликт. Особенно занимать сторону отца, то есть мою.

– Вот те раз! Это почему! – не сдержался молчун Кой.

– Мстит мне! Не может простить мою связь с её сестрой Асией. Главное, к ней относится по-прежнему, как к сестре, ещё и жалеет её, а меня теперь к себе не подпускает и вообще делает вид, что не замечает меня.

– А может всё не так уж и плохо? – как-то даже спокойно стал рассуждать Крий. – Пусть Крон разбирается потихоньку со своими отпрысками, а мы как жили, так и будем жить, не замечая проблем семейства Кронова.

– Не выйдет! – жёстко осадил его Крон. – Или мы, поколение старших титанов, или они, новые Боги, со своими новыми идеями и прогрессивными делами, в которых нам места не найдётся.

– А раз так, – снова стал распаляться Крий, – загнать

их в Тартар, куда мы закинули Гекатохейров, этих уродов сторуких.

– Как бы нас самих туда не отправили! – не поддержал брата Кой.

– Ладно тебе, накаркаешь! – попытался остановить спор братьев Иапет. – Что предлагаешь делать, Крон?

– Предлагаю пойти за советом к Гипериону.

– Здесь я! Не надо никуда идти! – сияющий Гиперион вышел из тени.

– Ну вот, все в сборе! Ты, надеюсь, в курсе последних событий? – обратился к Гипериону Иапет.

– Да уж! – ответил с огорчением тот. – Проблема! Где все мы были, когда Крон сначала оскотил отца, а потом заглатывал одного за другим свои детей-титанидов? Никто не остановил его, не предложил иных путей решения вопроса. Теперь же нам предстоит бороться с собственными детьми или племянниками, в общем, со следующим поколением. Мы порождаем уже традицию, уважаемые. Конфликт отцов и детей.

– Оставь свои мудрствования для философов, – прервал размышления брата беспокойный Крий.

– Если хочешь коротко, всё очень плохо! – Гиперион перевёл взгляд на окружающих. – Был я только что у Немеседы, хотел разузнать у неё о дальнейшей нашей судьбе, но не приняла она меня. Нехорошая примета! А вот ещё одна! Все наши с вами сыновья и дочери приглашены на праздник по случаю чудесного освобождения Кронидов из небытия. Приглашены и жёны наши, тётки спасенных. В общем, приглашены все, кроме нас. Вот и думайте, о чём там пойдёт речь. Начнут объединяться и планировать, как нас сместить.

– Может попытаться пойти на переговоры, разделить с ними сферы влияния, уступить молодёжи часть мира какую-нибудь, – стал вслух размышлять Иапет.

– Но держаться нам надо всё-таки вместе, поврозь они нас быстро сомнут, – высказался молчун Кой.

– Если сыновья нашли общий язык с дедами, нам конец! – слезливо взвизгнул Крий.

– Ну, что ты, действительно, раскаркался? – раздражённо остановил его Гиперион. – Кой прав: держаться нам надо друг друга, выстоим, мы всё-таки Титаны. А насчёт переговоров, стоит попробовать. Время надо потянуть, может быть, что-нибудь придумаем.

– Ну что ж, пойду знакомиться со своими детками, – поддержал его Крон. – Может быть, ещё и договоримся до чего-нибудь хорошего.

– В крайнем случае, замани их к нам в горы, под скалу, – высказал пожелание хозяин гор Кой, – а мы уж там их и укроем!

ВСТРЕЧА ПОКОЛЕНИЙ

В обширных океанских гостиных собрался многочисленный сонм Богов. До сих пор не было повода встречаться несметным потомкам Геи. И вот впервые с сотворения мира оказались вместе представители первообразного пантеона. Прекрасные нимфы, морские и океанские, речные и озерные, были главным украшением встречи. Чаруя своими прелестями, проплывали божественные наяды, nereиды, океаниды. Как бабочка с цветка на цветок, порхал среди отдельных групп девиц обольстительный Сперхий.

Главными виновниками торжества были, конечно же, Зевс и Метида, к ним с поздравлениями подходили по одному, группами, семьями, обнимали, целовали их, говорили дежурные фразы, а затем знакомились с другими новообращёнными Богами, братьями и сестрами Кронидами.

– Восхищён находчивостью и смелостью вашей, Зевс и Метида! Поздравляю тётушку Рею с возвращением детей

в лоно семьи! Рад приветствовать вас в сонме Богов, новообретённые братья и сёстры! – голос очередного приветствующего Бога-красавца звучал как гимн подвигу.

– Знакомься, Зевс, это великий титанид Прометей, – представил его Сперхий, мгновенно оказавшийся рядом с другом Зевсом.

– О, рад знакомству с великим создателем людского племени! – обменялся с ним лёгким поклоном Зевс.

За спиной могучего Прометея расположились трое внешне очень похожих между собой Богов. Прометей представил их:

– Это мои младшие братья, Эпиметей и Менетий.

– А это мои старшие братья, Посейдон и Аид, – Зевс поддержал приветственную интонацию, но получилось несколько принуждённо.

– А я Сперхий, средненький между вами! Кто меня не знает? – развеял напряженность ситуации находчивый речной Бог. Все развеселились и расслабились.

Нимфы-девы беззаботно кружились в хороводах. Солидные тётушки взирали на них, благоговей.

Неразлучно друг за другом следовали Метида и Деметра. Им периодически составляла компанию счастливая Рея, переходя от одной дочери к другой.

Как-то незаметно образовалось сближение Фетиды и Геры. Взяв над вновь обрётённой родственницей наставничество, старшая Фетида нашла в юной Гере отзывчивого и благодарного подопечного. Вместе они обходили широкий круг родственников и знакомились с окружающими.

Крон не мог появиться незамеченным. Этого он, собственно, и не желал. Кто уважительно, кто со скрытой усмешкой раскланивался перед великим Богом. Сам собой организовался между отцом и сыном живой коридор. Гордый, могучий Крон с одной стороны этого коридора, и крепкий, непоколебимый Зевс – с другой. Отец сосре-

доточенным прищуром глаз внимательно изучал внешность своего сына. «Да, им бы можно было гордиться! Это лучшее произведение Реи! Настоящий Бог! Красавец! – рассматривая соперника, Крон мысленно досадовал, что Судьба противопоставила их друг другу. – Даже жаль будет портить такую красоту!» Однако от Зевса исходила некая волна, внушающая уважение перед его силой и могуществом. Вокруг молодого Бога, словно ореол, сияли застывшие молнии. Только теперь Крон обратил внимание на них, хотя эти кривые стрелы, возможно, только теперь и засветились ярким сиянием за спиной Зевса.

– Это мой подарок внуку! – услышал Крон за спиной знакомый голос Геи. – Молнии выковали чудесные умельцы, твои братья Циклопы.

– Спасибо, матушка, за заботу о моём сыне...

– Всегда рада помочь!

– Особая благодарность батюшке Урану за необыкновенный напиток...

– Обязательно передам! Да ты полюбуйся, какие детки-то у вас с Реей получились!

– Любуюсь, мама, любуюсь!

Крон взгляделся и в других своих сыновей. Слева от Зевса стоял широкоплечий Посейдон со сверкающим трезубцем в руках, явно того же происхождения, что и стрелы-молнии у младшего брата, а справа в тёмной накидке и со странным чёрным шлемом в руках возвышался мрачный Аид. Его тяжёлый взгляд из-под сдвинутых бровей ничего доброго не предвещал. Эта троица представляла собой единый могучий треугольник, наполненный необычайной силой.

Среди богинь незнакомы Крону были только три. По-видимому, это и были его дочери. Рядом с Реей, его суженой, стояла очень похожая на мать дородная Деметра. Нереида Фетида приобняла за плечи красавицу Геру. Оке-

анида Метида прижимала к себе хрупкую и бледненькую Гестию.

– Ну, здравствуйте, дети мои! – Крон и сам удивился неуместности обращения. Те же, кому оно было предназначено, в ответ ни слова не произнесли.

После затянувшегося молчания Рея попыталась сгладить неловкость ситуации и представила Крона:

– Не трудно догадаться, милые, это тот, кто прятал вас всё это время в себе.

– Почему прятал, дорогая? – придавая беседе непринуждённость, пытался иронизировать Крон. – Берёг! Вон каких милых красавиц и чудных богатырей в целости и сохранности...

– И долго ты надеялся нас так хранить? – жёстко перебил его своим вопросом Аид. – Вечно?

– Нет, конечно...

– Позволь усомниться в твоей искренности, – теперь перебил его Зевс.

– Ещё и не познакомившись, уже начинаем ссориться. Зачем? Я ведь, собственно, вреда вам, дорогие мои, никакого не нанёс!

– Может быть, ты ещё скажешь, что всё это делал ради нашего же блага? – не отмолчался в разговоре с отцом и Посейдон.

– Я-то думал, что найду с сыновьями общий язык. Вот видишь, дорогая, – обратился он теперь к Рее, – они даже и почтения старшим не способны оказать.

И тут спокойно и рассудительно заговорила Метида:

– Почему же ты, Крон, отождествляешь себя со всем старшим поколением? Мы с уважением относимся и к бабушке с дедушкой, и ко всем нашим добрым тётушкам, и...

– Замолкни, потаскуха! – озлобленно прервал её Крон.

– Не смей оскорблять мою жену! – в ответ ему выплес-

нул злобу Зевс. – Она ждёт от меня ребёнка, уважай мать твоего будущего внука!

– Да от тебя ли он, Зевс? Океаниды известны своей похотливостью...

Реплика Крона вызвала волнение не только среди многочисленных океанид, но и задела всех родственников.

Дальнейшее произошло мгновенно. Зевс одним движением выхватил из колчана молнию и, как дротик, метнул её под ноги Крону. От удара грома всё покачнулось, поднялся вихрь, подхвативший Крона и его сыновей, и в следующий миг все четверо исчезли.

УГЛУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА

Океанская волна вынесла всех четверых на берег и бережно поставила к подножию горы Офрис, у высокой скалы, не изменив им даже позы.

– Так, сынок, спасибо, за проявленное уважение! – продолжал иронизировать Крон.

Не поддерживая его настрой, Зевс был категоричен:

– Пусть ты и великий Бог, но права оскорблять других Богов у тебя нет! Не считаю нужным, чтобы Богини слушали твои гнусности! Можешь их высказать нам! Проявляя, тем не менее, осторожность!

– Это что же угроза?!

– Предупреждение!

– Не рановато ли ты берёшь на себя такую ответственность? – слова Крона стали приобретать тяжесть. – Учти, малыш, я слов на ветер не бросаю и обратно их не беру. Проклял я твою возлюбленную, потому и не будет у неё детей. Если пойдёшь против моей воли, родится у тебя от неё твой похоронщик. Я сказал – так и будет! И ручонками своими не дёргай, молний твоих я не боюсь. Чувствую, не найти нам общего языка. Жаль! Прощай! И вы прощайте,

глупые сыновья, дважды появившиеся на свет!

С этими словами Крон как бы растворился в скале, которая стала рушиться, огромными глыбами накрывая братьев. Всё было бы кончено, если бы не успел Аид в последний момент накрыть братьев широкими полами своего плаща.

* * *

Чудесным образом спасенные от погребения, молодые Боги оказались во владениях Тартара.

Подземное царство – неотъемлемая часть мироздания, но очень ограниченная для посещения Богов, а для смертных и вовсе закрытая часть света. Для попавших сюда людей – это путешествие в безвозвратное. Ошибочно человек называет преисподнюю царством мрака. Нет, здесь не вечная тьма, наоборот, здесь вечный свет, заливающий всё, но не отображающий теней.

Здесь было всегда тихо, правильнее сказать, беззвучно. После шума океана и грохота обвала скалы тишина Подземья оглушила молодых Богов. Они не успели толком оглядеться, когда на них снизошёл глухой голос из ниоткуда:

– Рад видеть вас, внуков Геи, сестры моей любимой! Предполагаю: не по своей воле оказались вы здесь. Редко заглядывают ко мне верхние небожители, пренебрегая моим гостеприимством. Что ж, побывав у меня, поведайте там, наверху, что не надо думать, будто угрюмый дядюшка Тартар неприветлив и неласков. Просто, в отличие от суетной и шумной жизни под солнцем, у меня всё тихо и умиротворённо.

– Простите, уважаемый Тартар, за непрошеное вторжение! – извинился Зевс.

– Мы счастливы приветствовать всемогущего первооснователя нижнего неба! – поддержал его Посейдон.

– Вы правы, это отец наш «любимый», Крон, спровадил

нас сюда, – после поочерёдных приветствий братьев признался Аид. – Но мы, тем не менее, рады оказаться у Вас. Мне по душе Подземный мир с его недвижимым течением рек и спокойным, размеренным ритмом бытия.

– Спасибо, Аид! Уважил старика! Мне бы вот такого помощника! Многого предстоит упорядочить здесь. И смертными всё больше заселяется наше царство, среди этой братии тоже порядка нет. Один я не успеваю! От того и мрачен.

– А я не против! Лишь уладим с братьями дела земные, и я в Вашем распоряжении, – даже несколько обрадованно пообещал Аид.

– Вот и договорились. А я чем смогу – подсоблю. По правде говоря, давно уж Крон всем надоел своей однообразной праздной жизнью. И братья его, самонадеянные и успокоенные бездельники, поддерживают тунеядство Верховного Бога. Может, потому и согласились они передать Крону главенство над собой, что осознавали бездарность брата: сам он ничего путного свершить не сможет, но и к ним не будет приставать с претензиями. Среди титанов один Океан – великий труженик. Пора бы остальным найти замену.

Видя в молодых Богах благодарных слушателей, Тартар неожиданно перевёл тему разговора в иное направление:

– Пойдем-ка, молодёжь, представлю вас вашим же родственникам, коих не многие воочию знают.

Тартар никогда не принимал человеческий облик, спокойно существуя в подземном пространстве видением или становясь то предметом, то явлением, то просто голосом. Вот и теперь он легким движением скал указал направление, куда следует передвигаться братьям. Путешествие не было долгим. За поворотом открылась необычная кузня. Вместо печи с горнами из жерла вулкана брызгало раскаленное пламя, и, видимо, для охлаждения металла от

мёртвой реки был отведен небольшой рукав. В центре стояла огромная наковальня, а вокруг всё было уставлено разнообразными кузнечными приспособлениями. Из входа в пещеру навстречу Богам выступили три могучих кузнеца. Всё в их облики было человекообразно, кроме лица. Вместо двух глазниц по обе стороны переносицы у каждого во лбу моргал огромный круглый единственный глаз.

– Принимайте гостей, – голос Тартара был явно обращён к хозяевам кузницы. – Это ваши племянники, титаниды Зевс, Аид, Посейдон.

– Их нетрудно узнать, – выступил вперед, почёсывая волосатую щёку, один из циклопов, – по нашим дарам. Матушка Гея так и просила: надо, мол, выковать для Зевса громовые молнии, для Посейдона – сияющий трезубец, а для Аида – неуязвимый шлем-невидимку.

– Спасибо Вам за ваши бесценные дары, – поклонился циклопам Зевс. – Они нам оченьгодились. Спасли от гнева отца нашего Крона.

– Ну, вот! А братья-кузнецы расстраивались, что их искусство никому не впрок, – невидимый Тартар поддержал похвалу Зевса.

– Коли так, – продолжал самый разговорчивый из циклопов, – за признание трудов наших, дорогой племянник, будем до скончания веков обеспечивать тебя сверкающими перунами, пользуйся ими во славу Богов. Нам постоянное заделье, а у тебя никогда не опустеет колчан. Шлему износа нет. А трезубец всегда будет возвращаться к единственному владельцу.

– Не знаю, как и отблагодарить вас за такую честь? – смутился Зевс.

– А вот как услышим здесь грома наземные, обрадуется сердце наше, чтогодились нами выкованные молнии, тем счастливы и будем. И вы вспоминайте нас. Я – дядюшка Бронт. Это мои братья – Арг и Стероп.

– Вот и ладненько! – вмешался в беседу Тартар. – Вот и познакомились!

Когда, распрощавшись с циклопами, Зевс и братья уже были на выходе из Подземного царства, Тартар обратился к ним на прощание:

– Был рад встрече с вами, верю, что с вашим восшествием упорядочится жизнь. А то видите, с поверхности земли нет ни ворот, ни стен в Тартар, ни охраны, ни проводников. Может быть, вместе с вами и организуем всё это. А в вашем противостоянии титанам можете на меня положиться. Давно пора навести порядок в том, что мы с Геюшкой сотворили. Прощаться не будем, а тебя, Аид, жду.

Голос Тартара стих, как будто его и не было. Братья стояли на краю земли и океана при входе в Подземье.

Из волны появились нимфы и сообщили, что братьев ожидают у себя Гея и Уран.

ДЕДЫ И ВНУКИ

– Ну, здравствуйте, детушки дорогие, – с распростёртыми объятиями Уран выступил навстречу прибывшим внукам. – Дайте-ка обниму вас, милые мои. Ну, вот и славно! Вот и хорошо! Геюшка, смотри, какие могучие красавцы нам на смену пришли!

– Радуюсь я, на них глядячи! – поддержала восторг мужа Гея, обнимая внуков. – Присаживайтесь, с дальней дороги нектару испейте, амброзией закусите. Вам отныне много сил понадобится. Мы с дедушкой в курсе, что вы неожиданно оказались у Тартара. Это и к лучшему! Вы поблагодарили циклопов за подарки? Ну, и хорошо! Если с ними по-доброму, они тоже добрые, хорошие и верные товарищи. Ну, вы, старшенькие, пока с дедушкой пообщайтесь, а я посекретничаю с Зевсом. Пойдем, дорогой, уединимся ненадолго.

Когда Гея и Зевс удалились, Уран обратился к внукам:

– Секреты у них не от вас, они будут думать, как обойти проклятие Крона. Метида ведь ждет ребёнка от Зевса. Вот наградила судьба меня сыном, я Крона имею в виду! Да и другие титаны не лучше. Это ж Кой и Крий, дядюшки ваши родные, обрушили скалы вам на головы.

– Хорошо, что Аид вовремя сообразил укрыть нас плащом и спасительным шлемом, – поддержал беседу Посейдон.

– Молодец! – похвалил Уран. – И как вам кстати оказался этот подарок от циклопов! А всё бабушка. Это ж она надоумила круглоглазов придумать особенное, до селе не виданное оружие. Оно вас ещё не раз выручит и поможет вам.

– Да, дядюшка Бронт уверил нас в непобедимости выкованных доспехов и оружия, – вступил в разговор и Аид.

– А вы, дорогие мои Кронида, не расслабляйтесь, будьте на чеку, титаны, конечно, не успокоятся. Но я верю, внуки отомстят за дедушкины муки.

А в это время Гея и Зевс, расположившись на одном из облаков, вели свою беседу.

– Проклятие Крона никто снять не в силах. Это, Зевс, ты должен осознавать.

– Я это понимаю, бабушка, но что делать?

– Повторять ошибок своего отца ты не должен. Родится сын от Метиды – сместит тебя.

– Так что же у нас с ней детей не может быть? Нет, ну, как же? Она беременна!

– Об этом ты должен серьёзно поговорить с женой, может быть, она и придумает что-нибудь. Метида – мудрая.

– Что же я ей скажу? Не рожай! Как же это возможно?

– Но если Крон напророчил, что Метида не родит, или как он там пообещал?

– Не увидит своих детей, – подсказал Зевс.

– Вот, значит, так оно и будет. Я не могу дать дельного совета, но вы должны найти достойный выход. Возможно, это решение будет жертвенным.

– Ты о чём это?

– Вам вдвоём думать, вам двоим решать, ошибиться нельзя.

– Как было всё спокойно и понятно ещё недавно, – Зевс глубоко вздохнул.

– Тебе начертано вершить миропорядком.

– А в своей судьбе я не хозяин!

– Ты не прав, дорогой! Именно теперь ты и становишься хозяином судьбы. Вместе с Метидой ты научишься принимать правильные решения.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

История с обрушением скалы бурно обсуждалась среди океанид. Волнение сменилось радостью, когда разнеслась весть о чудесном спасении братьев. Метида, уже с заметно определившимся животиком, постоянно находилась в обществе своих сестёр, не оставаясь наедине со своими переживаниями.

Гера гостила у нимфы Фетиды, своей двоюродной тётки: они очень сдружились за последнее время. Гестию не отпускала от себя матушка Рея. А Деметра отводила душу в беседах с Метидой, которая после исчезновения Зевса и его братьев поначалу ушла в себя, была молчалива, а затем отдалась воспоминаниям и без смущения пересказывала новообретённой подруге Деметре откровенные разговоры с Зевсом, признаваясь, как она самозабвенно влюблена в брата. Деметра, не имея подобного опыта общения с Богами-мужчинами, была благодарной слушательницей, как заворожённая, внимала каждому слову сестры. Ей казалось, что она сама влюблена в Зевса, своего героя-спасите-

ля, и что это с ней, а не с Метидой происходили любовные игры на берегу океана.

– Как я тебе завидую! – искренне и без смущения призналась Деметра сестре. – Счастливая ты, Метида. Вот и ребёночек у вас будет.

– Всё не так просто. Крон, не только на вас эксперименты ставил. Он ведь со злости предрёк, что я не смогу родить.

– Как? Разве такое возможно? Вон у тебя уже и животик видно.

– Слова, сказанные Кроном, никто отменить не может.

– И что же будет?

– Я предполагаю... Вот встретимся с Зевсом, обсудим, – грустно и со вздохом произнесла Метида.

Зевс не вошёл – ворвался:

– Сестрёнки мои дорогие, как я соскучился, – он подхватил смущённую Деметру, закружил её, затем бросился в объятия Метиды, но, уловив предупредительный жест Богини в направлении её живота, кружить не стал. Поцелуй же был долгим.

Деметра незаметно ретировалась, оставив мужа и жену наедине.

– Я за тебя так волновалась, дорогой!

– А стоило ли? У меня прекрасные, смелые и преданные братья. И вместе мы сила! А у дедушки Гартара я познакомился с удивительными Циклопами.

– Что будет дальше?

– Немесида предсказывала войну! Отец и дядя, как я понял, так просто не захотят с нами сосуществовать. А как с ними совладать, я, если честно, и не знаю.

– Я верю, милый, ты найдёшь решение.

– А я вот прибыл от бабушки, и она мне сказала, что это ты подскажешь мне, как быть.

– Ну, в ваших мужских делах я не советчица. А вот о

судьбе нашего ребёнка давай поговорим.

– Я вот подумал: ну и пусть вырастит у нас сын, и я спокойно передам ему свои права, которых у меня и так-то пока немного.

– Вот тут ты не прав! Тебе предначертано изменить мир к лучшему, ты и должен исполнить возложенное на тебя. А то, что это не просто?!.. Если бы было просто, тогда и ты не нужен был. Возможно, и наша встреча, и наш ребёнок, и проклятие твоего отца – всё это испытание на нашу прочность. А мы ведь дети титанов!

– Ты это говоришь с таким упоением! Я восхищаюсь тобой!

– Я люблю тебя и готова на всё! Когда твоему отцу предсказали, что его погибель в его детях, он ведь нашел выход, временный, но нашел.

– Даже не уговаривай меня, любимая, я не буду глотать своих детей!

Метида улыбнулась на его слова:

– А я рада, что ты этого и не желаешь. Поцелуй меня! Я хочу всегда быть с тобой! Мне хорошо с тобой! Я знаю, как мы поступим! Целуй меня, не останавливайся! Когда мы с тобой любим друг друга, я готова раствориться в тебе. Я вся твоя – ты весь мой. Раскройся мне на встречу. Не ты войдёшь в меня, а я в тебя. В самый сладкий миг я растворюсь в тебе навсегда.

– Но если это произойдёт, и ты растворись во мне, то никогда уже не сможешь вернуться назад.

– И хорошо, значит, я всегда буду с тобой, всегда буду в тебе. Только ты не останавливайся. Так мы обойдём проклятие Крона. Это *мы* вместе родим, а не я одна.

– Я люблю тебя!

– Люби меня всегда! Даже когда ты будешь с другими женщинами! Будет хорошо тебе – и мне будет хорошо! Прими меня! Я твоя! Навсегда!

И Метида растворилась в нём. У теряющего рассудок Зевса потемнело в глазах. Он закрыл их от боли и удовольствия, одновременно пронизывающих его тело.

Как долго длилось затмение? Не важно.

Когда к нему вернулось сознание, Метиды рядом не было. Всё, что произошло с ними, не укладывалось в голове молодого Бога. Счастье от свершившегося переполняло его, как и досада, что это произошло под нажимом обстоятельств. Спасая друг друга, беспокоясь за своего ребёнка, они вынуждены были поступить так. «Этого я Крону никогда не прощу!» Мысли не успевали обрабатывать всех переживаний. В отчаянии, что он никогда больше не увидит Метиды, Зевс с такой силой ударил кулаком по песку, что волны покатались в противоположную от берега сторону.

ПЕРВАЯ АТАКА

Зевс искал успокоения в уединении. Спокойнее всего ему бывало на горе Олимп. Вот и теперь его одиночество скрашивали только облака. Они, образуясь над заливом, медленно проплывали над Олимпом и растворялись у горизонта. «Вот так же и Метида, возникла из недр Океана и растворилась...» – размышлял лёжа на взгорье Зевс.

Со стороны материка, куда был устремлен взгляд Зевса, возникло, разрастаясь при приближении, чёрное пятно. Зевс расслабленно наблюдал за ним, недоумевая, зачем оно летит навстречу облакам и, разгоняя их, нарушает небесную идиллию.

Нечто подобное молнии сверкнуло над головой Зевса и, ударившись в чёрное пятно, взорвалось. Пылью закрыло полнеба.

– Хорошо я подоспел вовремя, – это Посейдон, только что разбивший своим трезубцем скальную глыбу, нарушил созерцательность Зевса. – Мать Рея сказала, что Олимп –

твое любимое место. Хватит предаваться унынию. Сейчас нам скучать не придётся.

– Что случилось? – Зевс никак не мог отрешиться от мечтательного тумана.

– Титаны, разузнав о твоём уединении, решили захоронить тебя здесь. Берегись!..

Из пыли надвигалась новая глыба, её опять метким броском трезубца сумел раскрошить Посейдон.

– Ну, уж нет! – весь напряжинувшись, вскочил на ноги Зевс и, выхватив из колчана пучок молний, одну за другой с остервенением стал метать их в направлении пыльной завесы. Сопровождаемые жутким гулом, понеслись сверкающие стрелы, ярким лучом просверливая просвет в каменном крошеве.

Было видно, как одни из молний с грохотом взрывались, встретившись над долиной с горными обломками, другие же, долетая до горизонта, ярко вспыхнув, поднимали там тучи пыли.

Напряжённо вглядываясь в даль, братья ожидали развития событий.

– Я только что оттуда, – снимая шлем-невидимку, из-за плеча Посейдона неожиданно проговорил Аид. – Метать скальные обломки они прекратили после неожиданной ответной атаки Зевса, у них там сейчас переполох.

– А как это все узнали, что я здесь? – задумался Зевс.

– Я был у Геи... в гостях, – как бы извиняясь и смущаясь, поспешил первым признаться Посейдон. – Бабушка всегда знает, где ты, она и отправила меня к тебе на помощь.

– А меня матушка, предупредила, что Крон с братьями титанами задумал что-то неладное, – как всегда спокойно и рассудительно произнёс Аид. – Я тайком и проник в их месторасположение. Кстати, в компании титанов имеются не просто сочувствующие, но и помощники.

– И я могу предположить кто! – неожиданно прогово-

рила одинокая чайка, в то же мгновение приняв знакомый облик Сперхия. – Если ты помнишь, Аид, тетушка Рея сказала тебе про Олимп в присутствии океаниды Климены. Она, сочувствуя Зевсу, поделилась переживаниями со своими сыновьями. А вот кто из четверых братьев сообщил об Олимпе своему отцу, грозному Иапету, я пока не знаю, но будьте уверены – скоро выведу.

– Предстоит борьба и не только с титанами. Спасибо, Посейдон, спасибо, Аид, за поддержку. Спасибо, Сперхий, что помогаешь нам. Мне просто необходимо было побыть одному, но, я понял, следует проявлять осторожность. Это – война.

– Не отчаивайся, дорогой брат! – Посейдону захотелось поддержать Зевса. – Мы с тобой! Бабушка посоветовала тебе развеяться и побывать у Немесиды.

– Что ж, мне будет полезен совет предсказательницы. Отправлюсь к ней. А ты сам куда?

– Мы не всё договорили с бабушкой, – опять слегка взволнованно ответил Посейдон.

– А я с тобой, – опередил вопрос Зевса Аид. – Брат Немесиды Танатос приглашал посетить его. Так что, нам по пути.

– Сперхий, ты с нами? – пригласил Зевс друга.

– Нет, знаете ли. Мне по душе общество Океанид. Они меня, пожалуй, заждались.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Зевс, уткнувшись в плечо Немесиды, не мог вымолвить ни слова. Говорила сестра:

– Не надо так отчаиваться! Ты был любим, любил – и это прекрасно! Метида пожертвовала собой ради твоего будущего. Она поделилась с тобой своей мудростью. Наступит срок, и ты явишь миру новую Богиню, преданную тебе дочь.

– Как? Значит, и Метида могла родить её, дочь, а не сына, и проклятие Крона было бы бессильно. Зачем же эта жертва? – отстранившись от сочувствующей Немесиды, возмутился Зевс.

– Будь сосредоточен! И выслушай меня внимательно! В том, что у тебя не будет от Метиды сына, который, по словам Крона должен лишить тебя власти, заслуга только Метиды. Она сейчас властительница ситуации. Это она объединила два плода. У вас должна была родиться двойня: мальчик и девочка. Появится же лишь одна юная Богиня, характером и силой, повадками и мужественностью превосходящая многих Богов-мужчин. Она будет тебе верной и постоянной помощницей, мудрой в мать, могучей в отца. Вот только никогда она не найдёт себе надёжного и любимого спутника, быть ей вечной и прекрасной девой. Вспомни: после Кроновой обиды из-за участия в вызволении твоих братьев-сестёр, после его проклятия сама Метида никогда не смогла бы родить.

– Я ненавижу Крона! Если есть на то моё право, я проклиная отца, и не видеть ему света вечно, как и моей прекрасной Метиде! Ты не представляешь, как я обижен и зол на него!

– По этому поводу с тобой хотела пообщаться моя сестра Эрида. Она ждёт тебя.

– Подожди! Ты сказала, что у меня скоро появится ребёнок. Но как?

– Ну, конечно же, не так, как у Богинь. Ты к этому не приспособлен. Измени перед родами ипостась. И помни, дочь, как и мать, должна быть Богиней мудрости. Не забудь заглянуть к Эриде, сестре моей... и твоей. Я исчезаю.

И исчезла.

«Вот ведь предсказательница! Вечно говорит загадками, нет, чтобы сказать ясно и понятно», – мысленно проворчал Зевс, глядя на то место, где только что стояла Немесида.

Идти к Эриде не пришлось. За спиной из полутьмы раздался приятный голос:

– Я тебя ждала-ждала...

Милая, приятная, с большими голубыми глазами Богиня держала в руках два кубка с нектаром.

– Мне так много рассказывала о тебе Немесида, – шеплет легкого, почти прозрачного хитона Эриды завораживал, как и её нежный голос. – Я знаю: у тебя большое будущее. И мы нужны друг другу.

– В каком смысле? – искренне удивился Зевс.

– В прямом и непосредственном.

Зевс, приняв и рук Богини напиток, быстро, жадными глотками осушил содержимое.

– Они там, – она указала вниз на землю, – заждались нашего вмешательства. Скоро смертные будут жить счастливей Богов. Они не ведают ни голода, ни боли, не знают лжи, раздора, наказания. Всё это смогут передать им Боги – наши дети. Я так долго ждала тебя!

Он физически ощущал исходящие от Эриды токи желанья и попытался остановить их движение:

– Ты, должно быть, в курсе, что я недавно потерял Метиду?

– О, да! Но это вовсе не значит, что ты должен быть разочарован в жизни и в любви. Это заблуждение, которое должно быть присуще только смертным, – томный голос Эриды постепенно затухал, переходя на шёпот. – Тебе нельзя не любить, и ты не должен отказывать в любви жаждущим её. И не спорь, пожалуйста, со мной. У нас будут прекрасные дети, они будут жить среди людей и обучать их различным отношениям и чувствам. У нас будет много детей! Вот этим мы с тобой сейчас и займемся!

Оброненные кубки со звоном покатались в разные стороны. Наверное, Зевс увлёкся. Ему было хорошо. Значит, как и просила Метиды, ей тоже должно было быть приятно.

Через положенный срок у Эриды родилась первая дочь Ата – Заблуждение.

ЯВЛЕНИЕ

Сперхий с нетерпением ждал Зевса во владениях Океана. Здесь было всё спокойно, по крайней мере, внешне. Незамужние Океаниды предавались неге. Их мать, Тефида, жалела незамужних дочерей, подавая детям пример счастливого брака со своим братом Океаном. Их взаимность регулярно завершалась появлением на свет нового морского или речного Бога. Поэтому связь сестёр с братьями всячески поощрялась и поддерживалась в большом океанском семействе. А если удавалось выйти замуж за дальнего родственника, все были счастливы.

– Ну, знаешь, брат, я тебя заждался, – кинулся навстречу Зевсу обрадованный Сперхий. – Тебя тут сестры заискались! Меня б кто так искал! Быстро ты овладел умами сестёр! Молодец! Я, имей в виду, не жалею масла для костра их любопытства. Как я расписывал им твоё столкновение с титанами на Олимпе!!! Ты бы видел глаза девиц! Восторг и умиление!

– Не перестарайся! – пытался померить активность брата Зевс. – У некоторых из родственников специально навострённые уши и излишне болтливые языки!

– Я об этом помню, – Сперхий перешёл на полужёпот. – У меня есть точные сведения, откуда знают титаны о твоих передвижениях.

– Ну и?..

– Титан Иапет хвалился перед Кроном, что среди его сыновей есть преданные ему мальчики и что теперь всё происходящее на краю океана будет ему известно.

– Это Прометей и его братья?! Интересно! – Зевс задумался. – А сестрица Климена уверяла, что уж на её-то

сыновей я могу положиться!

Сперхий заметил, что брат побледнел и как-то внутренне напрягся.

– Что-то не так? – обратился он к Зевсу.

– Ты знаешь, я и сам не пойму, что со мной происходит. То головокружение, то тошнота, то слабость, а расслабляться нам нельзя. Надо бы поговорить с Прометеем и его братьями.

Сперхий радостно всплеснулся:

– А я уже всё организовал! Я попросил свою матушку пригласить замужних дочерей с детьми на смотрины девиц-океанид. Она даже обрадовалась. А я-то знаю: никто не посмеет отказаться от предложения Тефиды и Океана, поэтому и Климена обязательно будет, а с нею и все её сыновья. Вот мы и организуем встречу.

– Молодец!

– Я же сказал, что обязательно выведу, кто из братьев лазутчик Титанов, – похвалялся Сперхий.

– Молодец! Когда организуешь мне встречу с сыновьями Клемены? – Зевс проявлял нетерпение.

– Да хоть прямо сейчас. Я потому тебя и ждал с нетерпением, что всё гнездо Клеменово в сборе и угощается теперь у Тефиды свежей амброзией, – всё это Сперхий щебетал, сопровождая друга к месту встречи с Клеменидами.

Четыре могучих титанида, сыновья Иапета и Климены, уже ожидали встречи. После холодного приветствия Зевс сразу обратился к братьям:

– Рассказывать о том, что старшие титаны уже дважды пытались похоронить меня, нет необходимости. Вы, верно, знаете об этом?

– А мы тут причём? – взвизгнул Менетий. – Разбирайся со своими проблемами сам. Жил бы на своём Кипре, и всё бы было по-прежнему. А теперь все только и обсуждают, чем закончится конфликт между Кроном и Зевсом?

Зевс напрягся, и это не осталось незамеченным окружающими. Менетий отступил за спины старших. Заговорил Прометей:

– Извини его, брат, – обратился он к Зевсу. – Это реакция на наши внутренние семейные проблемы.

– Ага, до Зевса их почему-то не было, – из-за спины брата продолжал повизгивать Менетий.

– Успокойся! Были! Ты их просто старался не замечать, – спокойно продолжал рассуждать Прометей. – А сейчас как-то неожиданно все встали перед выбором: пойти налево или направо.

Зевс, глядя прямо в глаза Прометея, остановил его вопросом:

– Ты этот выбор сделал?

– Да!

Все заметили, что Зевс побледнел, но, прямо глядя Прометею в глаза, он вдруг неожиданно не предложил, а потребовал:

– Ты пойдёшь со мной! – и двинулся прочь от собравшихся.

Прометей последовал за ним. На все попытки окружающих, что-либо спросить или сопроводить их, Зевс, повернувшись к родственникам лицом, грозно поднял руку, и его холодный, обжигающий взгляд остановил всех.

– Где мы найдём с тобой тихое место? – спросил Зевс Прометея, когда они остались вдвоём.

Недолго подумав, Прометей предложил:

– У озера Тритон. Это за морем.

– Хорошо, веди!

* * *

Когда братья расположились у озера, Прометей, замечая нервозность Зевса, спросил его о самочувствии.

– Об этом позже, – не стал развивать тему Зевс. – Вер-

нёмся к нашей проблеме. Ответь, какой же путь выбрал ты?

– Знаешь, всё не так просто! Если пойти за тобой – значит выступить против отца. Ты своего и не видел-то толком, а мы с нашим долго были вместе, многому научились у него. Пойти против тебя – остановиться в развитии. Я осознаю, что Титаны уже иссякли, как Боги, не желают ничего менять, и это плохо. Но бороться с ними выше моих сил.

– И всё же, ты с кем, Прометей! – с трудом выговаривая слова, настаивал на точном ответе Зевс.

– Я верю в тебя, Зевс, поэтому я с тобой. Не требуй только с меня большего: быть похоронщиком отца и его братьев я не смогу. Но тебя не предам!

– А твои братья?

– За них, прости, я не ответчик. Мы – разные! Каждый сам за себя!

– Я знаю, Прометей, что ты многое делаешь для людей. Смертные чтят тебя. Я верю тебе, брат!

Следующее предложение Зевса привело Прометея в замешательство:

– Возьми каменную глыбу и разбей мне голову!

– Зачем? Нет, я не смогу этого сделать! – возмутился Прометей.

– Я уверен, что ты не желаешь мне вреда. Я не прошу тебя уничтожать, я прошу мне помочь. Мне плохо! У нас с Метидой должен был родиться ребёнок. Метиды нет, а ребёнок во мне! Помогите ему появиться на свет! Расколи мне голову! Быстрее-е-е!

Глаза Зевса выпирали из глазниц. Последние слова он уже не говорил – кричал:

– Я превращусь в одну сплошную голову, и ты её должен расколоть напополам! Пожалуйста, брат, поторопись!

Зевс повернулся к Прометею спиной, и пока тот поднимал огромный валун, превратился в огромный затылок.

Точно по темени и приложился Прометей. В то же мгновение раздался боевой клич, послышалось бряцанье меча о щит, и из пролома в голове появилось нечто в полном боевом одеянии, в сверкающем шлеме и, выскочив наружу, с диким воплем бросилось в озерные волны. Прометей поспешил, было, на помощь, но Тритонская влага, видимо, освежив и успокоив воина, остановила его. Сняв шлем и зачерпнув им свежую водицу, вылив содержимое себе на голову, незнакомец вдруг повернулся лицом к берегу, и оказалось, что это – прекрасная Богиня в воинском обличи. Она призывно протянула руки вперёд. Прометей недоумённо оглянулся. За его спиной, уже вновь приняв свой привычный облик, стоял Зевс с простёртыми к озеру руками.

– Афина! Как ты прекрасна!

Отец и дочь обнялись. Прометей стал свидетелем их сокровенного разговора, из которого он узнал, что Афина, наставляемая своей матерью, приготовилась встать на сторону отца и помочь ему в борьбе с Титанами. И оттого, что мысли Зевса, пока он вынашивал свою дочь, были постоянно о войне, Афина была готова к боевым действиям с момента появления на свет. Потому и первым криком её был боевой клич. Зевс не желал, чтобы юная Богиня, еще не окрепшая и не освоившаяся в новой среде обитания, принимала участие в конфликте отцов и дедов, поэтому он попросил Прометея сопроводить Афины к пределам бабушки Геи. Сам же он отправился к братьям, Аиду и Посейдону.

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Верный брат и надёжный друг, Сперхий вновь с волнением ожидал Зевса. Им было о чём поговорить. Пока главный Кронид отсутствовал, произошли значительные изменения в обстановке. Титаны перешли к активным действиям и напали на Аиду и Посейдона, причём сделали

это очень хитро и подло. Разузнав, что братья не вместе, поодиночке подкараулили их и завалили скалами. И до сих пор о братьях ничего не известно.

Зевс был взбешён:

– Как? Братья должны были проявить осторожность! Кто-то опять выдал их!

– Теперь-то я уж знаю точно кто! – со злым прищуром процедил Сперхий.

– И кто же?

– Не успел ты с Прометеем исчезнуть, как появилась твоя матушка в сопровождении Деметры. Они очень расстроились, что разминулись с тобой. Никто ведь и не знал, куда вы направились. Рея попросила сыновей обязательно предупреждать её о том, где они находятся. Аид и Посейдон для материнского успокоения обсказали, куда каждый из них держит путь. Дальше события развивались так. Аид и Посейдон простились и отбыли. И тут же засуетился Менетий. Мол, ему срочно нужно домой, раскланялся и ретировался. Я же тайно проследовал за Менетием. А направился он не домой, а напрямиком к Титанам.

– Почему же ты, Сперхий, не предупредил братьев об опасности?

– Я вернулся сюда, чтобы рассказать тебе о предательстве. И уж никак не предполагал, что Крон так быстро предпримет новую атаку на своих сыновей, – пытался оправдаться Сперхий.

– Я не желал зла отцу, но чаша моего терпения переполнилась, – поразмыслив, проговорил Зевс. – Тебя, друг Сперхий, я не зову с собой. Мой разговор с Титанами может закончиться непредсказуемо.

Зевс, не прощаясь, удалился.

– Ну, вот, опять не сообщил, где его искать, – проговорил Сперхий, оставшись один. – Достанется мне от тёти Реи... или от Деметры. Исчезну-ка и я!

ПОМОЩЬ

Гея, как и положено проматери Богов, была в курсе всех событий, случившихся с её наследниками. Жуткая бойня, которая произошла после горячего разговора Зевса с отцом, не стала исключением. Она знала, что Крон с братьями потребовали от Зевса отказаться от претензий на переделку устоявшихся соотношений в существующем мире. Беседа протекала напряжённо, но никто не переступал границ принятого этикета общения до тех пор, пока Менетий, по недалёкости своей или неосторожности, брякнул, мол, в противном случае они готовы на крайнюю меру — уничтожение, как это произошло с Аидом и Посейдоном. Молнии, казалось, засверкали не только из-за спины Зевса, но и из его глаз.

Титаны в ответ стали метать огромные глыбы, укрывшись в расщелинах, они беспрестанно в несколько рук швыряли бесформенные скальные обломки в Зевса. Он, успевая разбить их пламенными стрелами, отвечал огнём и громом, но силы были не равными. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы Зевс не успел подняться высоко в небо, над горами. И тогда камни, не долетая до него, возвращались назад, и кидавшие были вынуждены уклоняться от своих же снарядов. Над округой поднялась завеса из дыма и пыли. Не дожидаясь, пока она развеется, Зевс удалился в направлении владений Урана.

Когда Зевс предстал пред бабушкиными очами, выглядел он не важно, хотя глаза ещё пылали яростью, но в них была и растерянность. Бабушка принялась успокаивать внука:

— Что же ты думал, дорогой, справиться с ними просто? Тогда бы они не были Титанами.

— Зачем я согласился на ваши с дедом уговоры? И к чему всё привело? Где теперь Аид, где Посейдон? Все

ждут от меня каких-то обязательных категорических решений и поступков, которые всем нужны! А мне они нужны? Я не знаю!!!

– Не расстраивайся так, милый! Да, многое в жизни Богов предопределено, многое, но не всё! – Гея приобняла внука за плечи.

– Я уже потерял Метиду!

– Но у тебя появилась дочь – Афина!

– Как она тебе?

– Чудесная Богиня. В ней сочетаются мудрость матери и мужественность отца. Скоро она станет твоей незаменимой помощницей.

– Помощницей в чём?

– В борьбе за новое устройство мира.

– Какое... новое устройство?! Ведь Титаны бессмертны! И это наше противостояние будет длиться вечно! Я уже потерял братьев и не хочу терять дочь! Я тебя умоляю: не отпускай её от себя, – попросил Зевс Первобогиню.

Отчаяние, с которым он всё это произнёс, произвели на Гею сильное впечатление. Растроганная, она не могла не помочь своему любимому внуку:

– Ты прав – Титаны бессмертны, как и все боги. Потому и Аид с Посейдоном не могут погибнуть.

– Где же они? – с трепетом и надеждой Зевс устремил взгляд на Гею.

– Посейдон тайно гостит у дедушки Понта. Им давно необходимо было встретиться и обсудить, как же преобразовать водную стихию больших и малых водоёмов, кем заселить вечно текущие и стоячие воды.

– Ты этой вестью вернула мне спокойствие и уверенность в нашу с братьями силу. И я догадываюсь, что Аид, беседует сейчас в подземных глубинах с Тартаром. Не так ли?

– Именно так, дорогой!

– Бабушка, научи, как одолеть Титанов! Помогни мне в

деле, на которое ты с Ураном благословила меня. И я, как вы и желали, займусь созданием гармонии в жизни Богов и людей.

– Хорошо! Слушай внимательно! Титаны, а Крон особенно, очень боялись своих сторуких братьев, боялись, что ужасные великаны могут захватить верховную власть Богов, потому и заточили их в жуткие бездны Тартара. Я благословляю тебя на освобождение Гекатонхейров, они помогут тебе. Смело отправляйся в подземное царство, и да свершится неизбежное.

– Спасибо, Великая Гяя! – преклонив колена, поблагодарил её признательный Зевс и, привстав, собрался уже исчезнуть.

– Не спеши! – попыталась удержать его бабушка. – Я хочу с тобой поговорить еще на одну важную тему.

– Внимательно слушаю.

– Была у меня Деметра – плакала бедная девочка.

– Почему?

– Из-за тебя!

– Я не мог её обидеть. У меня для этого просто не было времени.

– Вот поэтому она и плакала. У тебя нет времени с ней пообщаться, а она ведь любит тебя, красавца эдакого! Я понимаю, многие тебя любят. Не любить тебя не хватит сил ни у одной из Богинь! Но сестру-то не обижай своим невниманием!

– Ба-бу-шка! Дорогая моя! Вот решим проблему с Титанами, и я буду весь во власти чувств и участия.

– Я знаю и верю тебе! Но помни: война – это всего лишь страсть. Одна из многих, но не единственная. А страсти не стоят в очереди друг за другом, а существуют одновременно.

Зевс на какое-то время задумался, но, взглянув в лукавый прищур Геи, улыбнулся, обнял её и исчез.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

При встрече в Подземье Зевс и Аид сдержанно, без слов обнялись.

– Я рад вновь видеть вас вместе, – голос невидимого Тартара звучал негромко и задушевно, как будто он тоже обнимал молодых Богов. – Сестра Гея мне уже пересказала свою идею. Нам надо взять с собой Циклопов, чтобы они расковали Гекатонхейров. Ну что ж, вперёд, в раскаленное жерло земли!

Путь был не столь долог, сколько непривычно неудобен. Зевсу до сих пор многократно приходилось подниматься ввысь, в небеса, и это его нисколько не утомляло. А вот опускаться вниз, падать в пылающую бездну было для него необычно.

«Далековато запрятали Титаны пятидесятиголовых монстров», – подумал Зевс, когда Циклопы и Крониды оказались на дне пропасти. Циклопы Арг и Стероп, прилагая усилия, отомкнули и растворили огромные ворота, и взору присутствующих открылась жуткая картина. Из темноты за вошедшими наблюдали сотни глаз. Казалось, темница заполнена множеством тварей, но это были всего лишь три могучих монстра. Огромные чудовища с телами, нагромождающимися друг на друга, и с руками, кишащими, как змеи, возвышались над Зевсом и Аидом, как скалы. Они то исчезали в тени пещеры, то выплывали в отблесках огнедышащей лавы. Зрелище жуткое.

– Знакомьтесь, – прозвучал голос Тартара. – Это несчастные Котт, Гиес и Бриарей, низвергнутые Кроном.

Гекатонхейры в напряженном ожидании молчали, лишь слышалось их тяжелое дыхание.

– А это ваши племянники, – продолжал представлять Тартар, – сыновья Крона – Зевс, и Аид.

При имени Крона гиганты зашевелились. Напряжение

нарастало. Тартар предупредил их возмущение:

– Выслушайте Зевса. Прежде чем встретиться с вами, он побывал у Геи и Урана.

Зевс выступил вперед:

– Приветствую вас, могучие Ураниды. Мы пришли к вам с нижайшим поклоном и великой просьбой – помочь нам в борьбе с титанами. Настала пора менять мироуклад, установленный Кроном. Титаны решились пойти на уничтожение Богов, лишь бы сохранить своё положение. Мы же с братьями против разрушений и гибели. Нам бы усмирить Крона и его сподвижников. Мы пришли к вам, чтобы расковать вас и ожидать вашей поддержки.

Гул одобрения вырвался из уст Гекатонхейров.

– Они готовы тебе помочь, – перевёл этот гул Тартар, – в обмен на свою просьбу, которую назовут позже.

– Я рад, что мы находим взаимопонимание, – обрадовался Зевс и подал Циклопам знак расковать трех могучих братьев.

Первым был освобожден Бриарей. Он подошел к Зевсу и Аиду, обнял их почти всей сотней рук и что-то восторженно прогудел.

– Он благодарит тебя, Зевс, – опять перевел этот восторг Тартар, – и говорит, что ты можешь им доверять.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Вернувшиеся из Подземья братья внимательно выслушали Сперхия, который поведал им, что Крон уговорил своё окружение предпринять последнюю атаку. В его стане решено достичь окончательной победы любой ценой, не считаясь с возможными жертвами. Всех, кто стоит на стороне Зевса засыпать горами и заковать в подземной бездне.

Втроём, Зевс, Аид и Посейдон, обсудили и утвердили

план пленения Титанов. Затем каждый отправился в своём направлении готовиться к великой схватке. Зевс помчался на берега Океана.

Деметра, увидев брата, бросилась к нему в объятия и как-то не по-сестрински пылко прижалась к нему:

– Мы так волнуемся, когда ты отлучаешься надолго, и переживаем за тебя, – выпалила она, не размыкая своих рук.

– Кто это мы? – попытался отшутиться Зевс.

– Я и Гера, – продолжала щебетать Деметра. – Мы только о тебе и говорим всё время, правда, сестрёнка?

Гера, с восхищением наблюдавшая за братом и сестрой, потупила взгляд.

– Ну, не знаю! – продолжал иронизировать Зевс. – Что-то не вижу я радости в глазах Геры. Даже не обнимет своего брата.

Смущенная, покрасневшая Гера подошла к сплетённой парочке и примкнула к ним, прижавшись к уступленному сестрой правому боку брата.

– Как я люблю, когда все мы вместе! Здравствуй, дорогой брат! – и вбежавшая третья сестра, Гестия, примкнула к сестрам.

– Ну, сестрёнки, вы меня сейчас задушите.

И они закружились все вместе, вернее кружил всех Зевс, а счастливые сестрёнки, прижавшись к брату, визжали от восторга.

Эту карусель и застала мать Рея. Она просто светилась от счастья, видя своих детей обнявшимися и весёлыми.

– Догадываюсь, что Аид гостит у дядюшки Тартара, а Посейдон, отдыхает в обществе дяди Понта. Ну, хоть ты не забываешь нас, Громовержец. Приветствую тебя, сын мой!

– Ты права, матушка, каждый из них в своей стихии, – подтвердил догадку матери Зевс. – А я соскучился без общения с вами.

Юные Богини, выпущенные из объятий брата, продолжали кружиться втроём, а Зевс уединился для беседы с матерью.

– Прежде чем появиться у бабушки Геи, я хотел бы переговорить с тобой, – сразу начал Зевс о главном.

– Слушаю тебя, сын. Понимаю, что ты с братьями принял очень серьёзное решение. Говори.

– Крон и другие Титаны дошли до крайности. Мирно с ними договориться уже нет никакой возможности. Они готовы уничтожить всё и всех на своём пути. Ты знаешь, как отец решил – так и сделает. Мы не должны допустить разрушения. Есть одна возможность остановить его: пленить и изолировать. У нас нет другого пути. Что ты скажешь на это?

– Я была готова к подобному решению. С того момента, как Крон стал прятать в своём чреве детей, я поняла: всё кончится для него плохо. Он сам к этому шёл. Я думаю, вы не будете мстительными ко всем Титанам и Титанидам. Я ведь тоже из их рода, и Фемида, и Мнемозина, и Тефида, и её муж Океан, который приютил нас здесь.

– У нас нет мстительных целей, и мы помним добросердечное отношение к нам твоих сестёр-титанид. А Тефида и Океан – родители Метиды, как я могу об этом забыть, – Зевс говорил взволнованно, и Рея верила в его искренность.

– Пусть всё свершится, как вы задумали, – мать прижала к груди сына. – Я верю в вас.

* * *

После разговора с матерью Зевс заглянул на тот океанический берег, где он некогда проводил время с Метидой. Приятное тепло растекалось в его груди, смешиваясь с чувством досады и бессилия. Зевс прилег на песок у воды, взгляделся в бесконечную даль небесной лазури, прислушался к шелесту набегающих волн, невольно смежил веки и забылся. Неожиданно ощутив на лице тень, он открыл

глаза – над ним стояла улыбающаяся Деметра.

– Я сразу догадалась, что ты здесь. Мне об этом месте рассказывала Метидида.

– Вот как! – удивился Зевс. – А что ещё она тебе рассказывала?

– Ну, много что ещё!

– К примеру?

– Да разное!

– А точнее.

– Ну, про всякое там.

Обмен вопросами и ничего не говорящими ответами явно намекал на знание каждым некоей тайны и нежелание её раскрывать.

– А вот я сейчас выпытаю у тебя, о чём вы шептались с Метидой.

Зевс ловким движением повалил Деметру на песок и в мгновение прижал её своей грудью. Их лица оказались столь близко, что горячим дыханием они обжигали друг друга. Деметра закрыла глаза, вся напряглась, запрокинула голову и подалась губами навстречу поцелую.

Зевс с удивлением и улыбкой изучал милые черты лица сестры. Остановив взгляд на алых трепетных губах, он ощутил неотвратимое желание прикоснуться к ним своими губами. Поцелуй был сладким и долгим. Деметра, задохнувшись, оторвалась первой.

– Почему ты не дышала во время поцелуя?

– Я не умею, – смутилась Деметра. – У меня всё внутри замерло от волнения.

– Это я, наверное, так сильно сжал тебя в объятиях, прости!

– Я давно мечтала об этом! Это прекрасно! Я так это себе и представляла!

– Значит, ты ещё ни с кем не целовалась? – вздёрнув брови, спросил Зевс.

– Ну и что! Ты же меня научишь? Я хочу, чтобы именно ты научил меня это делать. А то старшие братья постоянно предлагают мне всякие непристойности, особенно назойливо пристаёт Посейдон. А мне хочется, чтобы всё было красиво, как у тебя с Метидой.

И тут Зевс понял, что ему в поцелуе с Деметрой было так же хорошо, как когда-то с женой. С Эридой, сестрой Немесиды, он встречался периодически, она рожала после этих встреч столь долгожданных для неё детей, нисколько не претендуя на постоянное владение чувствами и телом Зевса, но те встречи не вызывали внутреннего трепета. Деметра же разбудила в нём настоящее желание. Страсть захлестнула их обоих, и они долго не могли оторваться друг от друга.

ТИТАНОМАХИЯ

Сперхий, по заданию Зевса, выбрал момент, когда, кроме сестёр-океанид, и Менетия, никого не было рядом, как бы невзначай, обмолвился:

– Хотел пригласить в нашу компанию Зевса, так он, скромняга, придумал отговорку, что у него срочная встреча с Аидом и Посейдоном на Олимпе. Как будто там интереснее, чем здесь в окружении прекрасных дев. Правда, сестрёнки?

Менетий вдруг вспомнил, что его ждёт матушка Климена, и быстро ретировался. Сперхий отправил сестёр купаться, а сам тут же испарился в брызгах волн.

На Олимпе братья-крониды готовились к отражению атаки. Сперхий теперь уже жаворонком наблюдал из поднебесной выси за происходящим.

Вот со стороны Офры поднялись в воздух глыбы скал и понеслись в сторону Олимпа. Их встретили перуны Кронидов, рассыпав в прах. Однако новые громады гор,

выпущенные сразу пятью парами рук Титанов, неслись взамен разрушенных. Не каждую из них разбивали молнии олимпийцев, некоторые, что летели не прямо на Олимп, обрушивались с таким ужасающим грохотом и такой силой, что землетрясение от их падения докатывалось до моря и поднимало высоченную волну. Вот из этих-то волн и появились, до времени скрывающиеся под водой братья Гекатонхейры. И неизвестно, чем бы закончилась атака Титанов, если бы не сторукие гиганты. Они поднялись над горами и, перехватывая летящие глыбы, стали метать их в обратном направлении. Подбирая разбросанные на Олимпе и вырывая из скал свежие обломки, Котт, Гийес и Бриарей сотнями своих рук закидывали расположение Титанов. Теперь и огненные молнии Зевса стали свободно долетать до Офрийской горы, от их ударов воспламенялись окружающие гору леса. От жара пылали и плавились камни.

Противостояние длилось невероятно долго, но постепенно со стороны Титанов стало всё меньше и меньше вылетать обломков скал. И сами Титаны, выше пояса заваленные каменными глыбами, уже чаще просто отбивались от всё новых и новых потоков каменного дождя, чем пытались поразить противника.

Когда опалённых и обездвиженных Титанов настала пора взять в оковы, Бриарей обратился к Зевсу:

– Позволь это сделать нам. Мы отправим их погостить в ту темницу, куда когда-то они запрятали нас. А сами встанем у ворот, чтобы никто из них никогда не смог выбраться обратно. Спасибо вам, Кронида, что не забыли о нас и были милостивы к нам. С Аидом, я так понимаю, мы ещё будем встречаться в пределах Тартара. Посейдону особая признательность за возможность побывать в глубинах вод, нам по душе пришлось прекрасноокое морские Нимфы. А если тебе, Громовержец, понадобится кем-нибудь попол-

нить компанию Титанов, присылай его к нам, мы и ему подыщем «уютное» местечко.

У ПЕРВОБОГОВ

Побывать у дедов после всего происшедшего было просто необходимо. Некогда всемогущий и самодостаточный, Уран радовался теперь победе внука, как своей.

– Я знал, я знал, – повторял он восторженно и со слезами на глазах обнимал Зевса. – Я верил в тебя, внук! Месть торжествует! Пусть осознают неблагодарные Титаны... Спасибо, дорогой!

– Ну, ладно, хватит тебе трясти внука, – Гея пыталась высвободить Зевса из объятий Урана. – Вон лучше предложи ему нектара.

– И то правда! – пряча мокрые глаза, Уран поплелся за напитком.

– Всё знаю, милый! – в свою очередь и бабушка заключила в объятия Зевса. – Нам Сперхий поведал о жестоком противостоянии и вашей победе. Не скажу, что рада, но довольна.

И на удивленный взгляд внука тут же пояснила:

– А что хорошего, когда отцы и дети воюют меж собой? Первоначально думалось мне, что Титаны спокойно вам уступят место, но оказалось всё куда сложнее. Плохой пример для смены власти. Но... Что свершилось, так тому и быть!

– А вот и я! – вновь появился дед теперь в сопровождении нимф, разливающих нектар.

Пригубив из кубка, Гея вновь обратилась к Зевсу:

– Теперь, мой дорогой, твоя задача – найти взаимопонимание со всеми, кто на тебя надеется. И хватит жить в гостях у Океана. Мы с Ураном уже распорядились – и на Олимпе, тобой любимом, порядок уже наведен достой-

ный. Ты можешь там спокойно отдыхать, совет держать со всеми близкими тебе Богами. И у властелина мира тоже должен быть свой дом, семья, уют.

– Спасибо. Я благодарен вам безмерно. Туда пусть и направится Афина, отныне на Олимпе дом её. А где ж она?

Деды переглянулись.

– Твоя прелестная Афина уже на Олимпе.

– Ну, что ж, прощайте, любимые мои, Уран и Гея!

– Не забывай о нас, – опять пустил слезу Уран.

– И помни, что мы верим в Зевса-Бога, как в себя! – благословила внука первоматерь Гея.

КРОНИДЫ

Во владениях Океана было оживлённо. Рея с дочерьми принимала поздравления от Океанид. Все с нетерпением ждали появления победителей затянувшейся войны. О жестокой Титаномахии повсеместно вещал скорый на слово Сперхий. Он, жаворонком наблюдавший схватку с безопасной высоты, не жалел красок, живописуя произошедшее. «Теперь наступят новые времена», – подводил итог Сперхий. Все это осознали и без него, в то же время тревожась за дальнейшую судьбу сонма Богов. Как-то поведёт себя новый верховный? В том, что это будет именно Зевс, никто не сомневался. У старших братьев уже определились склонности: у Посейдона – к морской стихии, у Аида – к подземной. У них не было ни ревности, ни зависти к младшему брату.

Судьба Крона и поддержавших его Иапета, Коя, Крия, Гипериона была предрешена. А что будет с тётушками Титанидами, с их сыновьями и дочерьми? Этот вопрос волновал всех, пожалуй, в большей степени.

Зевс, Аид, и Посейдон уже не в первый раз становились объектом внимания и поздравления в кругу родственни-

ков. Победителей вновь встречали восторженным восклицанием. Братья Кронионы, восседая на самом высоком месте, рассказывали своим близким о жестоком столкновении с Титанами, которых неимоверным усилием удалось пленить и отправить в бездны Тартара под охрану Гекатонхейров.

– Я особо хочу поблагодарить Тефиду и Великого Океана за их поддержку во всё время долгого противостояния, – обратился Зевс к тётушке. – Мы были спокойны за судьбу матушки Реи и наших любимых сестёр. Это нас вдохновляло и убеждало в своей правоте. Я понимаю, что все мы, Боги, одна семья. И многим из вас было трудно определить, с какой стороны встать. Мы признательны и тем, кто поддержал нас, и тем, кто сомневался в нас, но не был помехой в трудном противостоянии. Я обязательно побываю в гостях у всех сам, и мы совместно определим дальнейшее наше бытие.

По рядам присутствующих прошелестел шепоток одобрения.

Зевс и его братья удалились в сопровождении родных сестёр. Деметра вся просто светилась от счастья и любви к своему брату. Гера, как, впрочем, и Посейдон, смотрели в сторону, стараясь не замечать объятий и поцелуев Зевса и Деметры.

Высвободившись на время из плена её рук, Зевс обратился к родным Кронидам:

– Дорогие мои братья и сестры, я приглашаю вас на Олимп, где вы всегда будете как дома, где мы вместе за кубком нектара будем обсуждать нашу новую жизнь. Наступает наше время, и быть ему всегда. Я вас очень люблю и надеюсь на взаимность моих чувств.

– Ура! – воскликнула самая непосредственная из сестер Гера. – Хвала Кронидам!

– Хвала Богам Олимпа! – поддержала ее задор Гестия.

– Слава Молниеносцу и Громовержцу Зевсу! – усилила восторг сестёр Деметра, бросившись на шею любимого брата, нового властелина Богов.

НАКАЗАНИЕ

Между олимпийцами как-то всё само собой уладилось по-семейному. Аиду не терпелось побыстрее спуститься к Тартару, там молодому Богу хотелось поскорее приняться за работу, у него были свои мысли и предложения по упорядочению дел в Подземье. Посейдон получил в подарок от Океана потрясающую квадригу со златогривыми жеребцами – гидриппусами. И, конечно же, он горел желанием опробовать эту чудо-колесницу на морском просторе.

Единственное, о чём договорились братья, что все Крониды будут вместе собираться на Олимпе и обсуждать дальнейшую жизнь, а вообще-то, старшие полностью доверились младшему и не собирались вмешиваться в его земные и поднебесные дела.

Казалось, всё кончено. Все в океанских пределах праздновали победу Кронидов. А Зевс, наслаждаясь в объятиях Деметры, мечтал о Метиде. Старшая сестра не могла не заметить неискреннего к себе отношения брата.

– Ты меня не любишь?

Прямой вопрос вернул Бога на землю, вернее, в постель.

– Почему ты так решила?

– Хитрая манера – отвечать вопросом на вопрос!

– Тебе хочется поссориться?

– Этим ты можешь заняться со своей мрачной Эридой.

– Ну что ж! Спасибо за совет! Непременно им воспользуюсь.

И неожиданно для Деметры всемогущий Зевс исчез. Но оказался он во владениях Бабушки Геи. В тишине её оби-

талища были отчётливо слышны узнаваемые звуки любовных игр. «Кто это такой отчаянный наведался в гости к бабушкиным нимфам? Не Сперхий ли?» – мысли сами отрабатывали варианты.

– Кхм-кхм-кхм! – как бы закашлялся Зевс.

Звуки любви стихли. На смену им пришел суетливый шумок приведения в порядок одежд и приглушенный шепоток. Это всё несколько веселило уже разогретого любопытством Зевса. «Кто же появится сейчас ему навстречу?» И... О, непостижимо! Как?! Это была сама бабушка?

– Зевс? Так неожиданно! – цветущая и словно воздушная, Гея летела навстречу. – Ты же вроде бы остался с Деметрой? Бедная девочка! Ты её покинул в такой момент.

– В какой такой момент? – для Зевса эта внезапная бабушкина атака была вторым удивлением. – И причём тут бедная?

– Как? Ты так увлёкся битвами, что и не заметил – Деметра беременна.

– Хорошая новость. И свежая неожиданность. Как-то я, действительно, оказался не готов к такому обороту. Что-то не складывается у нас с Деметрой. И ребенок этот не ко времени.

– Ну, что ты, милый, говоришь! Ты вот прямо не знал, что от любви рождаются дети и у богов тоже, а боги всегда ко времени. Ну, а если с Деметрой не складывается... Что ж! Сложится с другой.

– С другой!.. М-да...

– Так ты с чем прибыл?

– Посоветоваться. Мне предстоит нелёгкий разговор в семействе низвергнутого Иапета.

– Ну, с этой трудностью ты вполне справишься сам. Я вот поделюсь с тобой своей проблемой, раз уж ты столь внезапно заглянул в гости. Дедушка, как ты знаешь, сильно ослаб, в общем, уставшему Урану стало в тягость дер-

жать границы неба и земли особенно там, в дали, за океаном. Подумай над этим. Я, кстати, уже поговорила об этой проблеме и с Посейдоном.

Брови Зевса скрылись под кудрявой чёлкой. «Точно! Значит, не показалось, что за бабушкиной спиной при её появлении сверкнул отблеск посеидонова трезубца. Так-так-так! Ай да братец! Ай да бабушка! Кто же появится на свет от их любви?»

– А подглядывать и подслушивать не хорошо. Будет тебе за это наказание, – бабушка словно читала мысли внука. – И не забудь проведать Немесиду, – посоветовала на прощание ошарашенному Зевсу ясноокая Гея.

* * *

Немесида как будто ждала Зевса. Она начала с главного:

– Это было понятно сразу. Деметра в своё время очень завидовала тому, как ты нежно относился к Метиде. С ней такого не происходило никогда. Так что между вами это не любовь. И семьи не будет. Она родит тебе дочь, и у этой новой прекрасной Богини будет судьба, отличная от судеб всех Богинь.

– Я удивляюсь, сестричка, как ты живёшь с этим грузом знаний о чужих судьбах, о жизни богов и людей? Они не ведают, а ты всё предвидишь. О каждом? Ты, наверное, и про себя всё знаешь?

– Ты задал сразу несколько вопросов. На них отвечать по порядку?

– Начни с последнего.

– О себе я знаю лишь то, как не надо поступать.

– Поэтому ты до сих пор не нашла того, кто стал бы для тебя единственным?

– Почему ты так думаешь? Нашла.

– Вот как! И кто же он?

– Со временем узнаешь.

– Ох, как ты любишь затуманивать, сказала бы ясно.

– Я и так тебе много сказала.

После паузы задумавшийся Зевс неожиданно перевёл разговор в другую сторону:

– А кто родится у Геи?

Теперь паузу взяла Немесида. Она как будто заглядывала далеко вперед, поэтому ответила не сразу:

– Я бы не стала отвечать на твой вопрос, если бы судьба того, о ком ты хочешь знать, не была связана с твоей судьбой.

Брови Зевса уже второй раз за сегодня поползли на лоб. Немесида продолжила:

– На свет появится мальчик, судьба его будет печальна.

– Да я его пальцем не трону. Обещаю.

– Я знаю. Всё будет по-другому. Но ты ведь не за этим ко мне прибыл?

Зевс не сразу и вспомнил, зачем стремился к прорицателю.

– Ах, да! Я тут наметил встречу с семьями поверженных титанов. Враги они мне или нет?

– Ты это поймёшь сам. Дам лишь один совет: будь внимателен и к титанидам. Счастливым будет твоё правление или нет, зависит и от Богинь. Этого недооценил твой отец. Ну, всё. Общение наше затянулось, а тебя уже заждались Эрида.

Немесида, конечно, знала, что Зевсу хотелось встретиться с её сестрой, и потому, как обычно в конце беседы, она исчезла.

– Ты совсем позабыл обо мне, – обворожительная Эрида начала с капризного упрёка. – Будет тебе за это наказание.

Накидка, которая и без того ничего не скрывала, упала к ногам Эриды. Возбуждение, которое не пригодилось у Деметры, наконец, нашло своё полное применение. Здесь сейчас сразу.

Метида, как и обещала, была рада. А у Эриды вскорости появился на свет мальчик Пон («Наказание»).

ДРУГ И НЕДРУГ

Единственный из Богов-мужчин, кто оставался в постоянном общении с Зевсом, был неугомонный Сперхий. Вечно обитающий среди Океанид, он нередко навещался и к другим Богиням. Вот и теперь два друга неожиданно встретились во владениях Иапета. Здесь, в горах, речной Бог Сперхий чувствовал себя как дома. Видно было, что он не впервые развлекался с Атлантидами – внучками опального Титана. Увидев всемогущего Зевса, юные Богини незамедлительно улетучились, чтобы сообщить своей бабушке Климене о прибытии знатного гостя.

– И как ты управляешься сразу с тремя девицами, – выразил своё восхищение Зевс после приветствия.

– Ну, во-первых, они давно не девицы, а достаточно опытные любовницы, – начал наставлять брата Сперхий, – а во-вторых, в этом есть своя прелесть. Каждая, стремясь не отстать в любовной игре от сестры-подружки, вытворяет такое, что дух захватывает. Попробуй, и тебе понравится. А уж как этого жаждут здешние обитательницы.

– Ты как будто подслушивал мой разговор с Немезидой. Она тоже советовала обратить внимание на Титанид.

– Правильно советовала. А ты опять был у неё? Слушай, эта неприступная тётка однажды не только отвергла меня, но ещё и отчитала, как мальчишку, за необузданность манер и непристойности, которые я, якобы, предлагаю каждой встречной Богине. Мол, она не видит никакой перспективы развития наших отношений и потому не считает нужным их начинать. Как будто я хоть с одной мечтал эти отношения развивать? А ты ведь частенько заглядываешь к прорицательнице! Ну и как она? – с хитрым прищуром

Сперхий ожидал откровенностей от друга.

– Ты просто самовлюблённый и озабоченный эротоман, – рассмеялся Зевс.

– А я и не отрицаю.

– Неужели нельзя просто пообщаться с милой и приятной женщиной? Немезида, кстати, по бабушке нам сестра.

– Ну и что, что сестра! Среди Богинь все нам сёстры, тётки да племянницы. Ну и что из того? Да ты приглядишься, они сами хотят от нас большего, нежели просто общение. Сами! Все! И что, я должен им отказывать? Нет уж, извини! – и вдохновлённого Сперхия понесло. – Пару ласковых слов, легкое прикосновение, и все прелести твои. Да если б не я, давно бы божественные нимфочки превратились в старых и ворчливых Богинь. Ты погляди, как милашки порхают после любви. А почему древняя Гея выглядит так потрясающе? Как думаешь? А? Не напрягайся! Именно поэтому!

И братья громко расхохотались. Правда, каждый о своём. Сперхий от упоения собственным монологом, а Зевс от наблюдения за недавней историей в доме Геи. Действительно она была хороша после общения с таинственным посетителем.

– Вот уж кто не достоин твоего внимания, так это сыновья Иапета, хорошо, что их здесь нет. Испортят и настроение, и такую прелестную компанию, – и Сперхий раскрыл объятия навстречу порхающим нимфам.

Океанида Климена появилась в окружении многочисленных внучек. Её горячее радушие нельзя было назвать неискренним. Будущее женской половины семейного гнезда волновала её намного больше, нежели судьба нелюбимого мужа, заточённого в Тартаре. Давно, очень давно могучий Океан – старший из Титанов отдал в жёны своему брату Иапету любимую дочь Климену, и вот в новом семействе появилось четверо сыновей. Это были самые мощные мужи из всех детей других Титанов. Атланту, старшему из

братьев, не было равных по силе. Могуч он был не только в плечах. Вместе с двоюродной сестрой, океанидой Плейоной, они наплодили огромное семейство, правда, рождались у них в основном девочки – на два десятка дочерей появилось на свет всего два сына. Когда начался конфликт в семействе Кронидов, Титаны склонили Атланта на свою сторону. Закончилось всё печально: Атлант низвергнут в Тартар заодно с отцом и дядьями. Следующий из сыновей Иапета – Прометей – был провидцем. Предполагая, чем может закончиться титаномахия, он занял позицию нейтралитета и настоял, чтобы так же поступили и младшие братья. Тугодум Эпимитей во всём полагался на Прометея, а вот несдержанный и раздражительный Менетий не желал соглашаться с участью старших титанов. –

На правах сестры Зевса и хозяйки дома Климена, держа под руку Громовержца, представляла ему юных Титанид. Все они были дочерьми Атланта, другие-то её сыновья ещё были холосты. А вот жена Атланта, Плейона, была родной сестрой Климены. Это обстоятельство рождало в родственных чувствах к своим внукам и одновременно племянницам удивительную нежность и привязанность. Своих дочерей у Климены не было, поэтому неистраченную материнскую любовь она трепетно и неоглядно отдавала атлантовым девочкам.

– Вот они, мои Атлантиды, одна краше другой, Электра, Тайгета, Майя... – знакомила Климена гостя с его юными родственницами.

Зевс любовался юными Богинями. Взгляда нельзя было оторвать от окружающей красоты.

– И как можно эту прелесть оставить без отцовского попечения? – перевела разговор на щепетильную тему Климена.

– Моей вины здесь нет, – смутившись, Зевс стал оправдываться. – Атлант по своей воле оказался среди титанов, когда их накрыли Гигатонхейры.

– Да в том-то и дело, дорогой мой брат, что он там оказался не по своей воле. Иапет держал его при себе, а Атлант, не смея ослушаться отца, и не ведал, что происходит. Я уверена: ничего против тебя он не имел, а совершить благое дело просто не успел.

– А ты как думаешь? – неожиданно обратился Громовержец к Сперхию.

Оторвавшись от объятий нимф, речной Бог не стал изображать вида, что он не слышал разговора. Своё мнение он высказал сразу:

– Жаворонком паря под облаками, я действительно обратил тогда внимание, что Атлант – единственный, кто лишь уклонялся от скальных обломков, а сам в ответ ни разу не бросил на Олимп ни одного камня. Я тогда подумал: ну и хорошо, на одного метателя меньше.

– Вот! И я об этом же! – обрадовано воскликнула Климена и прижалась к локтю Зевса. – Со своей-то могучей силой Атлант смог бы, и даже очень, пригодиться тебе здесь, а не в Тартаре.

И тут вдруг Зевсу вспомнилась просьба бабушки:

– А по силам ли будет Атланту держать на своих плечах небосвод за океанским горизонтом?

– Конечно, – радостно воскликнула Климена. – Не правда ли, девочки? Кому как не вашему отцу, могучему Атланту, именно это и под стать?!

– Я собирался к Тартару в гости, там сейчас Аид принимает дела, – Зевсу хотелось сделать что-нибудь приятное для этого семейства. – Думаю, мы решим это дело для обоюдного удовольствия и взаимного согласия.

Титаниды эту фразу встретили с восторгом. Удивительно, что ни жена, ни дочери не высказали желания помочь Иапету. Возгласы одобрения среди многочисленных Атлантид смешались со словами признательности и восхищения. И первая из сестёр, кто успел подхватить под руку

молодого красавца, была светлейшая Майя:

– О, Зевс! Я так ждала, я знала, я мечтала, что, когда ты к нам придешь, я первая приму тебя в объятия.

– О, милый, милый Кронид! А можно я буду тебя звать – дядя Зевс? Ты же брат нашему отцу Атланту? – щебетала миленькая Тайгета.

– Нет-нет! Что вы, что вы, сестрицы! Он же брат нашей бабушке, значит, мы должны к нему обращаться – дедушка Зевс, – поддержала всеобщее веселье заволаживающе тёмнокудрая Калипсо.

Широкий хоровод девиц охватил Зевса. От мелькания полупрозрачных одеяний пляд, гиад и нимф у молодого олимпийца закружилась голова.

И в этой атмосфере всеобщего восторга и хвалебных песен в честь Зевса вдруг появились три младших сына Иапета и Климены.

– Хвала всемогущему Зевсу! – без особого восторга произнёс Прометей.

Климена призывным жестом увела за собой оживлённую стайку Богинь.

– Празднуешь унижение Титанов? – с вызовом спросил Зевса Менетий, когда стихли восторженные женские голоса.

– Нет, – спокойно отреагировал Зевс, – хочу взаимопонимания и желаю оценить, что же всё-таки произошло!

– Ну, в том, что произошло ты-то совсем и не причём! Титаны попросили у Тартара отыскать себе местечко в его жуткой дыре, а он не смог отказать своим любимым племянникам, – Менетий пытался иронией унизить брата.

– Друзья! Зачем омрачать праздник? – весёлый возглас Сперхия повис в напряжённой тишине.

Менетий даже не оборотил в его сторону голову:

– А тебе, речному гадёнышу, стоило бы помолчать, когда Боги рассуждают. Тебе, гнусному перебежчику, ещё будет возмездие!

– Поживём-увидим! – пожав плечами, Сперхий ретировался в тень.

Зевс принял вызов на свой счёт:

– Ты хочешь осудить меня? Или понять? А может, желаешь выразить свою, мне до сих пор неведомую точку зрения?

– Ага, вот прямо сейчас ты услышишь моё мнение и о тебе, и о...

– Стоп! Хватит, братья, пикироваться, – попытался прервать опасно развивающийся диалог рассудительный Прометей. – Что изменить нельзя, с тем нужно жить... сегодня, завтра, послезавтра, вечно.

– Нет, с этим я никогда не соглашусь! – всё больше зажигался раздраженный Менетий, его указательный палец правой руки, как стрела, был направлен в сторону Зевса. – Ты, козий выкормыш, очень сильно заблуждаешься, если думаешь, что всё уже закончилось, всё только начинается.

– Я готов тебя выслушать, но остерег бы от злых интонаций и грубых выражений, – настроение Зевса явно портилось.

– Пугать меня не надо, дальше мест, где отец с дядьями заточён, не попаду, это потаскушке Метиде не повезло. Ты её, говорят, то ли проглотил, то ли...

– Не гневи Бога, подбирай выражения, а то ведь выудишь, исполню твоё пожелание, – Зевс напрягся и почувствовал привычное тепло за спиной, это стрелы-молнии стали искрить и накаляться.

Прометей вновь попытался найти пути примирения:

– Братья! Мы ведь всё-таки братья?

Эти слова, как поленья, распалили огонь уже пылающего гнева неукротимого Менетия:

– Конечно, радостно на сердце от осознания, что ты, мой добрый Прометей, мне брат, и что всегда со всеми согласный Эпиметей – мне брат, и что ни в чём неповинный

Атлант – мне брат. Но одна только мысль о том, что и этот, невесть откуда появившийся Кронидыш, тоже мне брат, – одна эта мысль приводит меня в бешенство! Да и какой он нам брат, Прометей? Ведь он брат нашей матери, значит, для нас он дядька. А как племянникам следует поступить с дядей? Так же, как и он сам! В Тартар его!

Менетий был уже в бешенстве. Он бросился на Зевса, но молнии опередили его. Они пригвоздили зарвавшегося титана к полу и как будто спеленали. Прометей и Эпиметей не решались приблизиться к повергнутому брату. Молнии всё ярче раскалялись, Ещё мгновение – и камни разверзлись. Сияющий клубок с Менетием растворился. Камни срослись, на полу не осталось и пятна.

Зевс, готовый к развитию конфликта, вглядывался в лица братьев. Ужас Эпиметея и отчаяние Прометея оттенялись усмешкой Сперхия, он один был доволен итогом происшествия.

– Ну, вот и ещё один, – процедил сквозь зубы речной божок.

– Я не желал такого развития событий, – Зевс рассуждал, ни к кому конкретно не обращаясь. – Но, видимо, мы никогда не найдём взаимопонимания с Менетием. Он разделит судьбу Титанов.

Молниеносец на глазах присутствующих неожиданно растворился в воздухе.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

В тоже мгновение Зевс оказался во владениях Тартара. Циклопы встретили племянника вопросом:

– Куда его? – и кивнули на искрящийся кокон, в котором беспомощно трепыхался Менетий.

– В компанию Титанов, – это пожелание Зевса не вызвало у циклопов удивления.

Как всегда рассудительный Бронт почесал волосатую щёку:

– Понадобится время, чтобы приготовить ему оковы.

– А вот этого не потребуется, – предложил Зевс, – ему в пору будут кандалы Атланта, которого следует освободить от железа.

– Ты в этом уверен? – раздался за спиной Зевса голос неожиданно возникшего Аида.

– Рад видеть тебя, брат! Осваиваешься в Подземье? – приветствовал младший Кронид брата.

– Да уж! Дел хватает! И всё-таки, в чём причина столь неожиданного освобождения Атланта?

Зевс, взяв под локоть Аида, предложил отойти в сторону. Они присели невдалеке от горячей кузницы. Старший брат несколько изменился за то время, пока они не виделись. Светлые одежды он сменил на тёмные. В глазах и в сдвинутых над переносицей бровях читалась тяжёлая, если не сказать печальная, дума.

– Много забот? – начал с вопроса Зевс.

– Да, хватает. Хорошо, что Тартар во всём меня поддерживает. От одноглазых кузнецов много помощи. Однако бывает, что души умерших покидают Тартар без ведома. Ты чаще бываешь у Геи, попроси от моего имени совета у неё, как быть нам.

– Обязательно, – обрадовался Зевс. – Как раз и я с просьбой от бабушки. Помощник нужен ей на краю земли, чтобы небосвод поддерживать. Ей с Ураном уже это дело не под силу. Я вот и подумал, что это место именно для Атланта, сильного, спокойного, честного, добросовестного...

– Врага нашего, добавь, – перебил брата Аид.

– Не торопись с выводом. Я ведь тоже так думал. Оказывается, Атлант среди старших Титанов не по своей инициативе оказался. Не умел отцу Иапету возражать, вот безвинно и попал в компанию наших противников.

Зевс внимательно вглядывался в сомневающегося Аида, ждал ответа. Затем сам предложил:

– Да и что изменится, если не по силам будет ему поручение. Небо вдавит его в землю – он опять у тебя здесь и окажется. А выдержит – вечно держать ему небосвод. Зато бабушкину просьбу исполним.

– Хорошо! – согласился подземный Бог. – Только давай договоримся так: я сам, без тебя, займусь его освобождением. Тут моя власть!

– Договорились! – не возражал Молниеносец.

Ждать пришлось не долго. Когда Аид и сопровождающие его Бронт и Стироп поднялись из жуткой бездны, Зевс впервые увидел будущего держателя небесной вселенной – Атланта. Титанид и в правду был могучим, но в силе его не ощущалось ничего зловещего.

– Я Зевс.

– Догадался, – со вздохом ответил скованный богатырь. – Теперь ты – верховный Бог? Мне представляться, думаю, нет смысла.

– У меня к тебе предложение...

– Хотя я и не сделал тебе ничего плохого, – перебил Зевса Атлант, – но и против Титанов не буду выступать, имей в виду.

– Понятно. А не желаешь ли ты сменить тёмное подземелье и кандалы на дело по твоим плечам?

– Да уж, кто не желал бы сменить тьму на свет!? И что за дело?

– На краю света не дать небосводу упасть, подперев его плечами.

– Что, Урану самому уже не под силу?

– Сдаёт дедушка наш.

– Добро! Согласен! – с нескрываемой радостью подвёл итог Атлант.

Могучий кузнец Арг уже стоял у наковальни и ждал

сигнала, после того как Зевс кивнул ему, Циклоп принялся аккуратно срубить заклёпки на оковах Атланта. Железо со звоном упало. Его поднял Стироп:

– Ну, если что, подгоним. Так что не беспокойтесь, доставим новичка взамен освобождённого в полном соответствии.

Только теперь Атлант обратил внимание на искрящийся клубок в углу кузницы, но за пеленой разрядов и молний брата Менетия он не узнал, и лишь молча посочувствовал бедолаге. А вопрос Зевсу всё-таки задал:

– А что будет с Титанами?

– Эту проблему мы не станем обсуждать, – достаточно жёстко ответил Зевс.

НА ОЛИМПЕ

Весть о том, что олимпийский вершитель затеял знакомство со всеми Богами и начал свой объезд с иапетовой семьи, быстро облетела весь пантеон. Особо восторженно обсуждалось неожиданное освобождение из Тартара Атланта. А то, что он оказался на краю земли и навечно подставил свои плечи под небесный свод, – это воспринималось как почётная ссылка. О другом событии, о том, что Менетий заключён в преисподнюю не в результате битвы, а по воле Громовержца, старались либо молчать, либо находили поступку Верховного логическое объяснение. В общем, во всех семьях Богов и среди одиноких Богинь активно готовились к приёму победителя в Титаномахии – Зевса. Даже на Олимпе младший Кронид постоянно оказывался в окружении восторженных Богинь.

Вот и теперь, увидев Зевса, дочь и сёстры одновременно ринулись ему навстречу. Объятия, поцелуи, восторги – часть той радости, которая объединяет любящих родственников.

– Милая, ты просто прелесть в этих боевых латах поверх хитона, – обнимая Афину, Зевс не мог сдержаться от приятного восхищения юной Богиней.

«Как она похожа на Метиду, просто один портрет!» – с замиранием сердца Зевс восторженно обнимал свою дочь.

Мужская одежда, укороченная выше колен, была ей к лицу и выглядела она так изящно, что вызывала естественное чувство умиления.

– Пока здесь не было мужчин, Афина развлекала нас боевыми упражнениями с мечом и щитом, – похвалила внучку Рея, отрывая дочь от отца, – ну, хватит-хватит, уступи старшим.

Место Афины в объятиях заняла Деметра, она млела, прижавшись головой к груди брата. Зевс, обняв её, шепнул на ухо:

– В интересном положении ты выглядишь очень привлекательно, – и уже во весь голос попросил, – ну-ка покажись во всей красе.

Счастливая Деметра отпрянула от возлюбленного и закружилась перед ним. Просторный её хитон был подвязан лентой не на талии, как у сестер, а гораздо выше, это скрывало её беременность, но подчёркивало соблазнительный объём груди. Рея приостановила порхающую Деметру и прижала к себе:

– Ну-ну, хватить трястись, не в твоём положении это делать.

Картина была идиллической. Три пары стояли в одинаковых позах, обнявшись: Рея с Деметрой, Гестия с Афиной и Зевс с Герой, которая, прижав голову к плечу брата, не выпускала из объятий его крепкую руку. Родственники любовались друг другом. Зевс не отрывал взгляда от Афины, Деметра не могла не уловить этого влюблённого взора, как и не могла не заметить откровенно счастливой Геры, та блаженствовала от близости с Зевсом и, закрыв глаза, улыбалась каким-то своим мыслям.

– Девочки, как вы думаете, хозяин не откажется от кубка прохладного нектара? – нарушила умиротворение Рея.

– Точно, не откажусь! – поддержал предложение матери Зевс.

Дружной стайкой юные Богини удалились, чтобы приготовить угощение.

– Вижу озабоченность на твоём челе? – начала разговор Рея, когда осталась наедине с сыном.

– Да уж! Не даёт мне покоя вся эта история с Титаномахией, – вдох Зевса был тяжелым, а выдох прерывистым.

– Не рви себе сердце сомнениями. Ты всё сделал правильно. Тебе нужно обрести много помощников, чтобы распределить между ними и обязанности, и ответственность за всё, что происходит в этом мире.

– Согласен. И с чего начать?

– Советую тебе в ближайшее время провести мою сестру Фемиду, беседа с ней многое прояснит для тебя.

– Спасибо, воспользуюсь твоим советом, мама.

– Как я счастлива, что все мы вновь вместе, вот ещё бы Посейдон с Аидом проведали нас, и сердцу материнскому было бы полное успокоение.

– Они очень заняты сейчас.

– Я понимаю, однако женское тепло не помеха и занятым Богам. Тебе-то вон сколько внимания. Гера так просто тает рядом с тобой.

– Да ладно тебе, мама.

– А что? Ты вот думаешь, они сейчас там только застольем заняты? Они встречу с тобой обсуждают.

* * *

Именно этим и была наполнена беседа двух сестёр – Деметры и Геры.

– Видела я, сестрёнка, как ты прижималась к моему Зевсу.

– Почему к твоему? Он и мне брат, и я его люблю не меньше твоего, – без доли смущения парировала Гера.

– Да ладно не напрягайся. Ты видела, как он любовался Афиной? Будто перед ним сама Метидя стояла. Он и со мной, когда бывает близок, думает только о любимой своей Океаниде. Её, уж, сколько нет, а он забыть не может. Так что не нужен он мне, забирай его себе. Рожу вот доченьку, и будем с ней счастливы.

Гера от нахлынувших чувств бросилась обнимать сестру. И чего в этом было больше – радости за Деметру, нашедшую своё счастье в беременности, или торжества победившей соперницы – кто знает?!

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

Фемида всегда выделялась среди Титанов своей рассудительностью, спокойным характером и умением находить в любой ситуации верное решение. Почему родные братья перед последней своей битвой не пришли к ней посоветоваться? Однажды, очень давно, перед тем, как оскопить своего отца Урана, они обратились к ней за советом, и Фемида не одобрила их планы. Тогда из Титанов к её мнению прислушался только Океан. Но самоуверенный Крон взял на себя инициативу, убедил других братьев в необходимости действовать и возглавил новый пантеон. Целая эпоха минула с тех пор. Никогда более Крон не общался с Фемидой, была она забыта и не востребована со своим удивительным талантом справедливого суда. И вот новый Владыка Вселенной проявил уважение и внимание к одинокой Титаниде.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Олимпиец. Не ожидала увидеть у себя столь высокого гостя. Понимаю сестрицу Рею, она гордится тобой, прямо души не чаёт в своём сыне. Красавец! Что и говорить.

Зевс не успевал и реплику вставить в словесный поток

тётушки. Хотя называть тётей эту прекрасноликую Богиню язык не поворачивался.

– А ты и не пытайся? – предвидя сомнения Зевса, предложила Фемида. – Обращение ко мне по имени будет более приятным. Давай-ка пригубим нектара и тем самым закрепим знакомство.

Напиток вернул Зевсу способность говорить:

– Прости моё смущение, язык словно присох. Это я так красотой твоей оглушён?!

– А ты ещё и льстец! Не скрою, это приятно. Давно никто не говорил мне комплементов.

– Я вот удивляюсь, что возраст никак не влияет на твои прелести.

– Ну, ты, племянничек, и наглец. Напоминать Богине о возрасте...

– Виноват, каюсь, Фемида. Что мне сделать, чтобы искупить свою вину?

– Сам бы мог догадаться. Обнять и поцеловать.

Объятия и поцелуй получились пылкими и долгими.

– Всё-всё! – не очень активно отстраняясь от Зевса, Фемида жестом пригласила присесть к столу. – Ты же не за этим заглянул ко мне?

– Теперь я и вовсе забыл о начальных намерениях, – взволнованный Вершитель не отрывал от прекрасноокой Фемиды взора.

– Ну, так вернись к своим мыслям, которые привели тебя сюда, и давай поговорим о твоих проблемах.

– Да. Конечно. Прости мой пыл и несдержанность!

– Хватит извиняться, отведай амброзии, – предложила Фемида.

– Уютно у тебя здесь и как-то очень безмятежно, – Зевс, уже вполне освоившись рядом с милой Богиней, был искренен и признателен. – Давно не было мне так хорошо и спокойно.

– Рада за тебя, – Фемида была тронута вниманием Зевса. – Что ж, заглядывай почаще в мои чертоги. Если будет тревожно и грустно, здесь всегда найдёшь умиротворение и доброе участие.

– Обязательно воспользуюсь твоим гостеприимством.

– Ну, так что привело тебя к забытой всеми Богине? – вернулась к теме разговора Титанида. – Слушаю тебя со вниманием.

После паузы, пока собеседники запивали нектаром амброзию, Зевс стал размышлять вслух:

– Гея с Ураном поведали мне об участии моих братьев и сестер и помогли освободить их из Кронова чрева. Сделал я это, не раздумывая, и счастлив, что всё свершилось благополучно. Но дальнейшие события: противостояние с Титанами, их заточение в преисподнюю, – терзают меня сомнениями, не дают мне покоя. Прав ли я?

Зевс был признателен, что Фемида слушала, не перебивая и со вниманием. Он отхлебнул из кубка нектара и продолжил:

– И что же мне делать дальше? Бабушка постоянно внушает, что я должен взять власть в свои руки, устроить новый миропорядок, создать гармонию и благо. А я нахожусь в полной неуверенности. Говорю это только тебе одной, потому что вижу в твоих глазах понимание.

Фемида, поудобнее расположившись на своём ложе, жестом предложила Зевсу присоединиться к ней. Дважды повторять не было необходимости. Зевс прилёт так, что его голова оказалась на груди у Богини. Объятый теплом и трепетом, Властитель понял: вот чего ему не хватало – внимания и нежности.

Любовно прижимая мужскую голову к своей груди, Фемида блаженно закрыла глаза. Вот чего ждала она так долго, вот чего не хватало ей во всё время одиночества! И что бы ни произошло в дальнейшем, она была готова отдать

себя всю без остатка ради счастья этого самого дорогого ей из Богов.

– Милый-милый Зевс! Я помогу развеять твои сомнения. Я вижу, как ты одинок.

На этих словах Зевс крепче прижал её к себе одной рукой.

– Не спеши, дорогой! Всё и так в твоих руках. Давай поговорим о мучающих тебя проблемах. Я уверена в правильности твоих действий по отношению к повергнутым Титанам. Такова их участь. И хорошо, что об этом знают все Боги. О неотвратимости судьбы должны помнить все. И всем должно воздаваться по справедливости. Таков должен быть закон жизни. Тебе предстоит многое свершить, и в этих свершениях нужны помощники, много помощников, и они найдутся среди Богов нового поколения. А главного из них ты придумал сам – это Мир.

Замерев на груди возлюбленной, Зевс внимал каждому слову. Его существо наполнялось убеждённой и уверенностью, а еще желанием отблагодарить эту прелестнейшую из Богинь, эту чудесную исцелительницу его сомнений. Он ощущал, как в нём крепла сила.

– А теперь пусть свершится то, чего мы так желаем оба! – жаждающие уста Фемиды, произнёсшие эти столь долгожданные слова, Зевс утолил долгим и страстным поцелуем.

* * *

Известие о браке Зевса и Фемиды волной прокатилось по небесным и водным, земным и подземным просторам. С радостью разного оттенка восприняли эту новость вездесущие Боги. С просветлённой улыбкой сообщила об этом Гея Урану, они были довольны, что закончилось одиночество их дочери Фемиды, и наконец-то у неё появились свои дети. С такими же чувствами поздравляли сестру-титаниду Рея и Тефия, Феба и Фейя, и бездетная Мнемосина. А водный владыка Посейдон не смог даже пеной морской

укрыть свой восторг. Он первым прислал поздравления Фемиде, но радовало его вовсе не то, что тётушка обрела любовь, а то, что сестра Деметра, которую он до безумия обожал, отныне была свободна. Деметра же, которая благополучно разрешилась от бремени дочерью Персефоной, без особого переживания узнала о новой супруге своего первого возлюбленного Зевса.

И лишь одна Гера находилась на грани безумия от досады. В очередной раз не она оказалась на брачном ложе с милым братом Зевсом. Однако уверенность, что новый союз, как и предыдущие, не будет долгим, питали её надеждой. В эти дни своих переживаний Гера ощутила сладость чувства, которым пропитывалось всё её существо. Вместе с неугасаемой любовью к брату в ней крепла мстительность ко всем, кто стоял на пути её любви. И Гера старалась: ни Фемида, ни её дочери никогда не были допущены на Олимп, их место навсегда осталось у подножия. Но милых тройняшек: Эвнанию («Благозаконие»), Дике («Справедливость») и Эйрену («Мир») – это несколько не волновало. Они, так трогательно похожие и на Фемиду и на Зевса, прекрасно проводили время в предгорных лугах с кузиной Персефоной, блиставшей красотой своих родителей – Зевса и Деметры. Верные помощницы отца, они вопреки стараниям Геры со временем стали равными в сонме Богов и просто незаменимыми в мирской жизни людей.

А брак с Фемидой, действительно, не был прочным. Привыкнув к своему дому, Фемида не пожелала переезжать на Олимп, да и не сложились у неё отношения с сёстрами Зевса – Деметрой, Гестией и Герой. Благодаря этому браку, Фемида вновь стала востребованной как Богиня справедливого суда, может быть, поэтому разошлась она с мужем мирно и отношения между ними навсегда остались дружески тёплыми.

ТАЙНЫЙ ДОГОВОР

– О, ты просто восхитительна! Давно не созерцали мы твоей красоты. Пожалуйста, не лишай нас такого удовольствия – любоваться тобой! И новый наряд этот просто сводит с ума! – столь длинную тираду Сперхий рассыпал перед сверкающей прелестями Герой.

Редкий гость в последнее время у Океанид, она действительно очень изменилась и не только внешне. В её голосе появилась сила, в интонациях – уверенность. Потому и ответ её прозвучал неожиданно:

– Имей в виду, твои плутовские чары на меня не действуют. Прибереги их для жаждущих любви нимф.

– Вот те на-а! А для кого же тогда ты столь эротично преобразилась? Всё, что ни делает женщина, приукрашая себя, всё это ради одного – пленить мужчин.

– Ты слишком самоуверен. Я, право, не предполагала, что встречу у сестриц– океанид с речным Божком, – старалась уколоть словами своего назойливого собеседника Гера.

– Ну, всё понятно! Своей укороченной выше колен туникой и полуоткрытой грудью ты хотела пленить сестёр, – не сдавался, ёрничая, Сперхий.

И он восторженно запел:

– Перед подругами блистая прелестью своей,

Ты им внушить желаешь мысль простую,

Что из Богинь одна лишь может быть

Прекраснейшей – ей имя Гера.

Богиня молчала, испытующе глядя на певца, а тот с упоением и ещё громче продолжил:

– Пусть знают сёстры, кто из всех достойней

Быть верной спутницей на веки Олимпийца!

– Ну, хватит, хватит. Что ты раскричался? – теперь уже пыталась унять догадливого Сперхия разоблачённая Гера.

– Ага, значит, ты согласна, что красота у женщин – это непобедимое оружие, направленное на мужчин?

– Ах, если бы так!

– Уверяю тебя, меня такое оружие сражает наповал.

– А Зевса?

– Давай-ка мы, сестрица, заключим договор, что совместными усилиями заставим нашего Громовержца взглянуть на тебя глазами мужчины, а не только брата.

– Каким образом? – Гера, смягчив своё отношение к Сперхию, была готова на всё ради этой идеи.

– А мы с тобой на его глазах будем миловаться-целоваться, и он взревнует.

– Эге, куда дело повернул, хитрец! Не будем мы с тобой «целоваться-миловаться». Никогда! – жёстко отпарировала Гера.

– Ладно. Но обещаешь мне своё покровительство, если я тебе сосватаю Зевса?

– Всё, что захочешь, – искренне согласилась Гера, но, взглянув на лукавый прищур Сперхия, добавила, – кроме меня.

– Согласен.

И они, довольные друг другом, обнялись.

– Эй-эй! Сперхий! Тебе мало своих сестер-океанид, ты ещё и на моих красавиц Олимпийских кидаяешься?

От неожиданности обнимающиеся вздрогнули. Оправдываясь, Сперхий бросился навстречу другу:

– Зевс, как давно мы не виделись! А Геру я по-братски поздравил с Олимпийским новосельем. Мне ли, речному Божку, рассчитывать на большее?

– Ну, ладно-ладно, без обид! – и мужчины, оставив в одиночестве Богиню, удалились.

«И ничуть он не заревновал, и даже не обратил внимания на тунику, которой так восхищался на Афине, – возмутилась про себя обиженная Гера. А сколько стоило уси-

лий выклянчить у воинствующей девы ненужный ей столь соблазнительный наряд!

ДРУГОЙ ТАЙНЫЙ ДОГОВОР

Уединившись, Зевс и Сперхий расположились с чашами нектара в беседке на высоком берегу.

– У меня к тебе дружеская просьба, – начал Зевс. – В пещерах горы Пелеон, это южнее Олимпа, проживает мой единокровный брат кентавр Хирон.

На этой фразе Сперхий чуть не поперхнулся. Реакция его была не очень понятна Зевсу, как и следующая реплика:

– Однако! Значит, и Крон не отличался верностью семейным узам?

– Я не собираюсь обсуждать с тобой любовные приключения отца, – не стал развивать эту тему Зевс.

– Извини, как-то само собой вырвалось, – оправдался Сперхий. – Так что с Хироном?

– Насколько мне известно, с ним всё в порядке, – Зевс сделал паузу и продолжил более заинтригованно. – С ним нужно бы встретиться и очень многое разузнать.

– Богам? У коня? – удивление Сперхия было неподдельным.

– Не забывай, он сын Титана и так же, как и мы, бессмертен!

– Ещё раз удивил. Я думал: все кентавры смертны. Так о чём я должен поговорить с Кронидом? – заинтересованность, смешанная с азартом, уже пылала в глазах речного божества.

– Да, это к слову, Хирон не любит причислять себя к Кронидам и просит величать его Филиридом. Филира, как и ты, дочь Океана. Так что тебе кентавр Хирон приходится ещё и племянником.

– Совсем убил! Я, конечно, из четырех тысяч братьев и се-

стёр знаком не со всеми (в этом просто нет нужды), но чтобы таким близким было моё родство ещё и с земными тварями?! – Сперхия просто разрывало от неожиданных открытий.

– Да ладно тебе так расстраиваться! Ты же сам, я помню, мне внушал: «Ну и что из того, что многие Богини приходится нам сёстрами, тётками и племянницами. Они же сами хотят от нас большего, чем просто общения». Или ты этого не говорил? – довольный своей памятью, Зевс ожидал ответа брата.

– Ты прав! Что-то я не по теме расплылся. Давай о деле. Так что я должен узнать у этого бессмертного полуконя-получеловека? Хотя... Дозволишь ли и мне, прежде чем приступить к исполнению твоей просьбы, обратиться к тебе со своей? – и хитрый прищур сморщил уголки глаз лукавого Божка.

– Ну вот, наконец-то, я вижу прежнего брата – хитроумного, обаятельного и неотразимого. Давай, говори.

Обрадованный Сперхий захлебнулся от представившейся возможности:

– Да... собственно... это и не просьба. Так... Мужское совещание на тему любви и дружбы.

– Уже интересно! Сперхий хочет посоветоваться со мной! Это кто же тебе так вскружил голову, что она, головушка, перестала дружить с тобой? – у Зевса не было большого опыта в юморе, поэтому шутка не получилась смешной.

– Про голову ты отчасти прав. Даже не знаю, как я смог впутаться в эту историю. В общем, был я в гостях у нашего морского деда, Понта. Ворчливый старик жутко не доволен новым положением дел. Сколько я ни старался переубедить его, ничего у меня не получалось. Дошло до того, что он стал и в твой адрес отпускать намёки, мол, какой он Верховный, если даже в своём семействе не может собственных сестёр объездить. Я ему пытался объяснить,

что Деметра от тебя дочь имеет, а он мне про Геру и Гестию талдычит. Вот тут я не сдержался.

Видно было, что рассказы брата заинтересовали Зевса, и, заметив это, Сперхий вдохновенно продолжал:

– Захотелось мне старого ворчуна проучить, и заключил я с Понтом пари. Знаю, что в любовных играх ты уже превзошёл своего тренера, то есть меня, поэтому, прости, не посоветовавшись с тобой, предложил седовласому деду вот такое условие. Если мы, Боги, станем свидетелями твоих страстных любезностей с Герой и увидим взаимность с её стороны, то он навсегда покинет наши пределы и поселится в забытом море, где-нибудь за краем света.

– Так, а если вы этих страстей не увидите? – нетерпеливо перебил Зевс.

– Тогда мне придётся перебраться в какое-нибудь заброшенное гнилое болото, – со вздохом закончил Сперхий.

– Да, незавидная участь, – развеселился Громовержец. – Это ты сам себе придумал такое условие?

– Это Понт в отместку за «край света». Он ещё похлеще выразился, назвав болото не гнилым, а вонючим.

Тут Зевс и вовсе покотился от смеха.

– Да, брат, вляпался ты в историю. Хотя мне тебя искренне жаль. Потерять такого друга! Вот пропитаешься болотным газом, тебя ж ни одна нимфа к себе не подпустит. Слушай, да меня ж потом твои океаниды поедом съедят! – не переставал потешаться над Сперхием Молниеносец.

И вдруг, задумавшись на некоторое время, Зевс посе-
ррезнул:

– А знаешь, друг мой. Давай проучим этого никчёмного дедка. Я вот вспомнил, что и Посейдон как-то жаловался на недовольство Понта. Мол, мутит он воду и сам по себе не успокоится, так пусть проиграет пари и баламутит свои моря подальше от нас. Посейдону с Океаном приятный подарок сделаем.

– Ну, так и я про что! – обрадованно поддержал, уже было расстроившийся, Божок.

– Ладно, я, допустим, готов на любовное приключение с сестричкой, – стал развивать тему Зевс, – а вдруг Гера заартачится?

– Беру на себя её подготовку и гарантирую абсолютное согласие. Ты ж меня знаешь! – стал бахвалиться Сперхий, вдохновлённый поддержкой.

– Итак, с твоей просьбой мы разобрались, теперь слушай моё поручение, – и Зевс подробно объяснил, что требуется разузнать у Хирона.

О ЖИЗНИ СМЕРТНЫХ

Сперхий не заставил себя долго ждать. Отчёт о встрече с кентавром был изложен по пунктам, в соответствии с заданием Зевса. Хирон передал Олимпийцу свою признательность за внимание к себе, и вот что он поведал через Сперхия новому Вершителю Богов.

Если Верховного интересовало, как люди отнеслись к смене Богов на небе, то они, оказывается, особой разницы пока и не заметили. Как жили прежде без веры, так и продолжают прозябать в безверии. Радуются лишь окончанию Титаномахии, им просто надоели неожиданные камнепады с небес. И кто победил – их не интересует. В особом почёте у смертных по-прежнему лишь один Бог – Прометей. Почему? Он, якобы, подарил им огонь, и научил ловить и забивать быков, а затем готовить на костре мясо, за что люди сжигают на алтарях печень жертвенных животных. Это они так благодарят своего благодетеля Прометея.

– Благодетеля, говоришь? – заговорил внимательно слушающий Зевс.

– Так сказал кентавр, – оправдался смутившийся Сперхий. – Хирон ещё поведал, что Прометей очень часто бы-

вает среди смертных и что людишки установили памятник своему любимому Титану и поклоняются этому идолу.

– Хватит о Прометее, – прервал в раздрожении Зевс. – Ещё о чём узнал?

– Хирон утверждает, что людей расселилось по земле во множестве, но живут они в невежестве и без богобоязненности. Не хватает им знаний о новых Олимпийцах, нужно научить их возводить храмы, привить любовь к наукам и искусству, поведать о земледелии и скотоводстве. Привыкли, мол, они лишь к собирательству и праздности, и от безделья нет в народе ни страха, ни уважения к Богам, – последнее сообщение Сперхий произнёс с повышенным пафосом.

– Это всё? – после паузы, как бы осмыслив услышанное, спросил гонца Зевс.

– В общем, да. Могу лишь добавить от себя: живут смертные как-то обособленно друг от друга, большей частью в пещерах. Боятся только чудовищ всяких и спасаются от них опять же с помощью всё уничтожающего огня.

– Хорошее наблюдение, спасибо! Ты свободен! Можешь теперь обрадовать своих нимф-сестриц возвращением. Заждались, наверное, соскучились!

ЧЕРЕДА ВСТРЕЧ И СОБЫТИЙ

Как и обещал, Зевс попеременно посещал дома Титанид. Фейя, супруга Гипериона, приняла гостя холодно. Хотя она и не вмешивалась в конфликт Титанов с Кронидами, но вот уж никак не ожидала трагического поворота в судьбе своих братьев, а Гиперион был ей и мужем и родным братом.

Детей у Фейи и Гипериона было всего трое, сын и две дочери. Жили они уже давно самостоятельно. Старший, Гелиос, вначале был женат на двоюродной сестре, океани-

де Персеиде. Счастливым был этот брак или не очень – не важно, но затем были у него в жёнах, ещё две сестры-океаниды. От трёх благоверных появилось на свет пятнадцать детей, да все как на подбор сияющие и сверкающие. Беда лишь в том, что ни одним из них не интересовался Гиперион как дед. Возможно, поэтому никто в семье и не грустил из-за его исчезновения.

На удивление матери, обе дочери Гипериона, заряница Эос и луноликая Селена, остались равнодушны к трагедии отца. У Эос была своя большая семья, её мужем был кузен Астрей – сын Титана Крия. Детей у них было несчётно: разнообразные ветра и утренние звёзды.

Селена была незамужней, но самостоятельной девицей. Как-то само собой случилось, что она давно перебралась к своей тётушке Мнемозине, одинокой Титаниде.

В общем, разговора с Фейей не получилось. Вернее, в результате встречи Зевс понял, что не все настроены искать с ним общий язык, пусть даже ничего против Олимпийца и не имеют.

* * *

Самая младшая из титанид, Феба, напротив, была с Зевсом весьма и весьма любезна. Весьма разговорчивая, она с восторгом описывала достоинства своих дочерей. Их было у неё две, но великолепной Леты не оказалось дома. С другой, Астерией, Зевс уже оказывается, был знаком. Её представила ещё Метида. Правда, большее впечатление на молодого Бога произвела тогда юная дочь Астерии – Ника. Позже с ней очень сдружилась Афина. И Зевс был очень признателен Богине Победы, что она не перешла на сторону Титанов. Вот и теперь её бабушка Феба напомнила об этом олимпийскому Вершителю.

* * *

Титанида Мнемозины не стала ожидать прихода Зевса, сама пригласила его. Что удивило главного небожителя, встреча была назначена в полночь. Как и Фемиде, Мнемозина была незамужней Богиней, правда, в отличие от сестры, она не была затворницей. Большую часть времени она проводила в окружении племянниц – Леты и Селены. Эти девицы особо соблазнительными были именно ночью, и не потому, что в темноте все Богини становятся жрицами любви, а потому, что луноликая Селена была в полумраке намного выразительнее, чем днём. И прелестница Лето раскрепощалась именно во тьме и выплёскивала всю свою сокровенность и неутолимую страсть в пылающей пляске любви. Нисколько не уступала им в ночных откровениях и неподражаемая Мнемозина. Быть может потому-то сразу и поняли друг друга эти три божественные подружки и молодой, полный сил, задора и любви, неукротимый Зевс.

Их оргиям, казалось, не будет конца. В передышках между соитием, они в полудрёме мечтали о том, какими чудесными будут у них дети. Счастливые сами, они будут озарять своей благодатью Богов и людей. Зевс в пылу откровенности нашептывал Лето, как он желал всегда, чтобы у него появились двойняшки – мальчик и девочка.

А неутомимой Селене он признавался в сожалении, что вместо желанных хороводов и непрекращающихся праздников, о которых он мечтал в период затворничества на Кипре, ему теперь приходится заниматься мироустройством, небесными и поднебесными проблемами.

Более всех внимала счастливому Зевсу Мнемозина. В её объятиях отдыхал не могучий Властелин, а наивный мечтатель, желающий, чтобы все: и Боги, и люди – обладали неисчерпаемыми знаниями. Пусть бы у всех у них было неиссякаемое желание к творчеству. И чтобы главным мерилом божественного и человеческого была для всех красота.

* * *

Каким-то необъяснимым влечением снова затянуло Зевса в семью Климены. Дом опустел. Сама хозяйка вместе с внучками Гесперидами и Плеядами отправилась сопровождать Атланта на Край Света. Навстречу Молниеносителю вышла только одна неподражаемая Майя:

– Ой, как неожиданно и приятно твоё появление у нас, – обворожительная племянница светилась от счастья.

– Что-то с трудом верится, что ты не ждала меня, – попытался смутить юную Богиню Зевс. – Вот, смотрю и что же вижу: совершенно случайно приготовлены два кубка с нектаром.

Нисколько не смутившись, светлоликая Майя призналась:

– Ждала, конечно, ждала. Я была уверена, что ты непременно заглянешь к нам снова. И не ошиблась. Как хорошо, что никто не помешает нам насладиться общением. И ты ведь не случайно здесь оказался.

– Да уж. Запомнились мне твои слова при первой встрече, – и гость попытался их пересказать дословно: – «О, Зевс! Я так ждала, я знала, я мечтала, что, когда ты к нам придёшь, я первая приму тебя в объятия».

– Ага, именно так! – и лучезарная Майя бросилась в объятия своего дяди.

Пылкой и страстной Богине мечталось, что она больше не выпустит из своих объятий желанного гостя. Как долго и однообразно длилась жизнь до встречи с Зевсом! Милый-милый-милый, как приятно предупредителен и ласков был он с нею, как нежен и одновременно горяч становился в близости, как наивен и искренен был он в своих доверительных беседах во время пауз между соитиями!

«Будет, будет тебе верный помощник на века! Будет у тебя самый доверенный из Богов! Будет достойнейший из сыновей! И рожу его я!» – мечтательно млела в объятиях любимого Майя.

СВАДЬБА

По давно сложившейся традиции Боги с удовольствием отдыхали на лазурных морских берегах и в уютных голубых лагунах, под шуршание волн на песчаных пляжах и в тени ветвистых оливок во владениях Океана и Тефиды. Гостеприимность этой четы стала неотъемлемой частью и всего их многочисленного семейства. Уж такие они затейницы, эти неугомонные Океаниды, уж такие мастерицы придумывать разнообразные праздники. Вот и нынче приглашённых было много. Кто водил широкие хороводы, кто уединялся в укромных местечках. В одном из таких уголков, в тенистой беседке на высоком берегу, была назначена встреча Зевса и Геры.

Выглядело это несколько глупо. Накануне, перед тем как отправиться в гости к Океану, брат с сестрой мило общались на Олимпе, обсуждая текущие домашние дела. А теперь по плану Сперхия они должны были изобразить страстно влюблённых. Кстати, между собой эту тему они ни разу не обсуждали. Возможно, поэтому вначале их уединённое общение было даже холоднее, чем обычно. Зевс, не проявляя инициативы, встал спиной к сестре и, опершись поднятой рукой о колонну, казалось, вглядывался в морскую даль. Когда-то здесь, в этой беседке, они с Метидой, страстно желая друг друга, предавались любви.

– Ты думаешь о ней? – из-за спины спросила Гера.

– Нет, – без тени смущения солгал Зевс, – я думаю о нас.

– Правда? – и Гера в искреннем порыве нырнула под руку брата и обняла его, прижавшись головой к груди.

Зевс в ответ, опустив руку ей на спину, усилил объятие сестры.

– Ты просто не представляешь, как долго я ждала этого мгновения!

«Не переигрывает ли она?» – подумал Зевс, а Гера уже

развернулась к нему лицом и, не размыкая объятий, потянулась к нему губами. «Ну, что ж, чем быстрее закончится этот розыгрыш, тем лучше», – и Зевс впился в пылающий рот сестры. Огонь желания через долгий поцелуй постепенно переливался и в тело Зевса. В какой-то миг он, забыв о заговоре, поднял её на руки и, повернувшись спиной к морю, замер... Вокруг беседки столпились нимфы, океаниды, речные божки и другие родственники. На первом плане светилась довольная рожа Сперхия, так умело организовавшего всех. Рядом с ним стоял мрачный седовласый Понт. Восторги собравшихся, аплодисменты и крики поздравлений слились в единый гомон. Рея уже стояла рядом:

– Дети мои, как я счастлива! Благославляю вас!

А Тефида приглашала уже гостей:

– Прошу, прошу всех к застолью. Будем радоваться вместе счастьем молодожёнов!

Поначалу Зевс воспринимал это всё тоже частью сговора, но когда пошли бесконечные поздравления, когда всё оказалось реальностью, ему захотелось остановить этот незапланированный им свадебный разгул, но, видя рядом с собой светящийся счастьем лик Геры, ощущая всеобщую радость Богов, он прислушался к внутреннему голосу. И ему показалось, что Метида не против всего этого.

«Ну, так тому и быть! – решил Громовержец. – Когда-то же надобно и жениться, и семьёй обзавестись». Он взглянул на счастливую невесту и удивился: «А сестричка-то красавица! Как я раньше этого не замечал?!» И, освобождённый от тягостных дум, Зевс с нежностью обнял суженую, а пирующие восторженно подняли вверх заздравные кубки.

Родовались все, и даже всегда бледноватый Аид разгорячился и порозовел от всеобщего ликования. В особо приподнятом настроении пребывал и Посейдон: известие о свадьбе Зевса и Геры стало для него, конечно, неожидан-

ным, но он был в большей степени опьянён от будоражающей вести, что седокудрый Понт навсегда покидает ближайшие моря и отправляется за пределы Океана. Об этом ему успел уже сообщить вездесущий Сперхий. С ним-то вместе и ходил меж Богами Посейдон и вслед за здравницей в честь молодожёнов поздравлял всех с проводами за тридевять земель бедного Понта.

ЭПОХАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

Повод отделиться от всеобщего увеселения и собраться всей семьёй на Олимпе был понятен – свадьба брата и сестры. Но родственники были удивлены, что вместо праздничных песнопений Зевс предложил выслушать его совсем не торжественные речи в спокойной и деловой обстановке. Кронида в родных чертогах расселись по кругу, напротив друг друга, и начал Зевс так:

– Пусть гости наслаждаются и отдыхают там, во владениях Океана, а нам предстоит подумать о вещах не столь уж и весёлых здесь, дома.

– Да сегодня празднуют и торжествуют не только небеса, но, я думаю, и на земле все смертные, – выплеснула эмоции Гестия, ещё сохранившая возбуждение от хороводов.

Гера посмотрела на неё с признательностью.

– Вот об этом я и хотел бы с вами поговорить, – строго остановил прыть сестры Зевс. – Откуда такая уверенность, что на земле царит радость и веселье? И почему вы думаете, что все нас любят? Спросите хотя бы об этом пеннокудрого Понта.

Все присутствующие насторожились. Гестия обиженно поджала губки. У Геры вскинутые бровки изобразили две удивлённых дуги. Деметра встревоженно переводила взгляд с Аида на Посейдона, а братья сидели, потупив очи долу. Для всех присутствующих как-то само собой каза-

лось, что люди, как и Боги, возликуют и возрадуются знаменательному известию о женитьбе Великодержавного Зевса и Прекрасноокой Геры. Но младший Кронид продолжал нагнетать мрачную атмосферу:

– Кто-нибудь из вас общается с земными жителями? Есть ли кто в окружении Богов из доверенных нам лиц, кому поручено извещать людей о событиях на Небесах? И вообще, вы уверены, что у человечества есть какие-нибудь сведения о нас с вами? Эпоха Титанов закончилась, а Олимпийская не началась! – слова Зевса как звонкие пощёчины отрезвляли остывавших от праздника Богов.

Предательский румянец моментально сошёл со щёк Аида. Присмирели сестрёнки и тоже побледнели. Пристыжённый Посейдон виновато почесывал вспененную бороду. Ну, ладно эти вечно порхающие сёстры, не задумывающиеся ни о чём, кроме любви. Ну, ладно спрятавшийся под землю Аид, но он-то прекрасно видел, что никакой чести ему – молодому Богу морей – люди не оказывают. Стеснялся сказать об этом Зевсу. Потому так и обрадовался бессрочной командировке старшего конкурента по морскому владычеству. Старому Понту моряки-то поклонялись. Конкурента теперь нет, а что дальше?

После тяжёлой паузы. Посейдон первым обратился к Зевсу:

– Тысячекратно ты прав, брат. Подобные сомнения и меня давно мучили. Но раз ты первый завёл об этом речь, говори, что предлагаешь?

– Наслаждаясь обретенной свободой, увлекаясь превратностями борьбы и, наконец, окрылённые долгожданной победой, мы стали забывать о главном своём предназначении. Мы – новое поколение Богов. Мы призваны утвердить миропорядок, так мучительно возрождающийся из Хаоса. На нас лежит ответственность – будет ли царить в мире Любовь и Красота или всё погрозит во Мраке и Нечестивости.

Зевс сделал паузу. Он сам удивился тому, как красиво получалось у него выражать свои мысли. Он действительно настоящий лидер. Братья и сёстры слушали его с волнением. Это понравилось Зевсу. Искусство овладевать умами он впитывал с каждой произнесённой фразой:

– Что наплодили предшествующие поколения Богов? Монстров! Ужасающие Гарпии, Гаргоны и Горгульи; чудовищные драконы Ладон, Пифон и Тифон; устрашающие Химеры, Грифоны и Сфинксы и ещё множество всяческих уродов типа Ехидны или змееногих Гигантов. Человек трепещет перед ними и не верит Богам, что они способны спасти людей от этих тварей, от них народ защищается сам с помощью огня. И знаете, кого они благодарят за этот огонь? Прометея! Из Богов он единственный, кому они поклоняются. Ставят идолов в честь Титана и приносят в его честь жертвы.

– Обнаглели! – не выдержал Посейдон. – А не наслать ли на людишек гигантские морские волны? И топить их, пока не взмолятся о спасении. И вот тогда оставшихся в живых мы научим и бояться, и почитать нас, истинных Богов.

– Предложение интересное и верное, – поддержал его Зевс, – действуй. Не перестарайся только.

– Что ж, думаю, когда они успокоятся после потопа, – поддержала братьев Деметра, – приучу их к земледелию, пусть научатся с трудом и потом добывать себе пищу.

– А я думаю, надо заставить их бояться за судьбу своих близких, тогда уж они точно будут молить *нас* о помощи и станут приносить жертвы в *нашу* честь, а не в честь Прометея, – предложила Гера.

– А как предлагаешь успокоить этого Титана? Так же, как и брата его Менетия, в Тартар под охрану Сторуких? – впервые заговорил Аид.

– Нет, – возразил Зевс. – Прометей ни разу открыто не выступил против нас. Более того, он однажды дал мне

слово, что не предаст меня. Вот и посмотрим, как поведёт себя Титан после потопа. А там и примем решение, как с ним поступить.

Предложение это всех устроило. А Зевс неожиданно заговорил, казалось бы, на другую тему:

– Нас всего шестеро. И я не вижу среди других родственников, кому бы мог доверять так же, как вам. Но не хочется повторять ошибок наших предков, не желавших жить в мире и согласии со своими потомками. А я верю, что наши дети, – Зевс выразительно взглянул на Геру и мельком на Деметру, – наши дети могут быть не менее талантливыми и, может, даже более красивыми, чем мы. И с ними изначально необходимо считаться и быть на равных. Только вместе с младшим поколением Олимпийцев мы сможем преодолеть накопившиеся проблемы. Я в это верю и потому, с вашего согласия, хочу расширить и впредь не считать закрытым наш кворум.

Столь неожиданный поворот в разговоре после единодушного решения судьбы людей вновь вызвал всеобщую поддержку.

– Ну, вот и хорошо, – заключил Зевс. – Предлагаю прямо сейчас призвать в наши ряды Афины и Персефону. Что им томиться в соседних хорах? Войдите юные Богини!

Сёстры не заставили себя ждать и тотчас явили свою красоту. Аид, как замороженный, не сводил глаз с Персефоны, которая под села к матери, гордой Деметре. Афина расположилась между Герой и Гестией. А Зевс продолжил, обращаясь к примкнувшим к ним Богиням:

– Думаю, вы всё слышали и имеете свою точку зрения на предстоящие изменения.

Афина без тени смущения стала предлагать свои идеи:

– Века люди жили в мире и согласии. Я думаю, после потопа их следует научить воевать. Захватывать соседние племена, расширять свои владения, строить города, а в

них, утверждать преданных нам вождей, строптивых же наказывать и отправлять к Аиду.

– Спасибо, племянница! – подземный хозяин перевёл взгляд с Персефоны на Афину. – Согласен с тобой. Страх нужно посеять в душах людей. Пусть уничтожают друг друга. Пусть молят нас о помощи. А к приёму усопших у меня уже всё готово. Возврата назад отныне не будет. У ворот в царство мёртвых поставлю свирепого Цербера.

Зевсу понравилось единомыслие в семье:

– Со своей стороны подумаю, как доносить до людей о наших решениях. И вот ещё что! Думаю, не менее привяжет их к нам не только страх, но и любовь к Богам.

Все согласились с этим. Особо выразила свою поддержку восхищённым взглядом Гера.

И Зевс обратился к своим близким с пожеланием:

– Ну, что ж, мои родные, будем вместе строить новый мир, удачи всем и за дело! Посейдон, начинаешь ты!

ИЗ ЧАСТИ II

ОЛИМПИЙЦЫ

ГЕФЕСТ

Когда безобразный на лицо и неуклюжий при ходьбе кузнец Гефест становился к наковальне, он удивительным образом превращался в исключительно ловкого и красивого атлета. С тяжёлым молотом он справлялся как с игрушкой, в совершенстве владел он и мелкими инструментами, создавая великолепные украшения, поражающие своим изяществом не только смертных женщин, но и олимпийских Богинь. Металл под его молотом становился пластичным, как глина. На выкованные им цветы, как на живые, порой по ошибке садились дикие пчёлы. Закалённые в горниле мечи издавали победно торжественный звон и в битвах никогда не тупились. Удивительно, что к своей хромоте он сам относился с иронией:

– Ведь инвалид я на ноги, а не на голову, и уродлив я всего лишь рожей, а с лица воды не пить, – нередко повторял он в ответ на высказанную жалость в свой адрес, – приходи ко мне в гости и увидишь красоту, сотворённую моими вовсе не корявыми руками.

И в правду, от чаш и кувшинов, кубков и кратеров, созданных мастером, нельзя было оторвать взгляда, а золотые браслеты и цепочки, серьги и броши неизменно возбуждали искренний восторг у самых завязатых модниц. Особое восхищение вызывали у гостей мудрёные застёжки и замочки, имевшие неожиданные секреты. Любил Гефест придумывать всяческие хитроумные устройства. Одно из них было им тайно использовано в кузнице Циклопов, где он овладевал искусством коваля и где просто жил с самых незапамятных времён. Последнее своё изобретение

Гефест употребил в качестве шутки. С помощью золотых почти невидимых нитей и акустических раковин кузнец умудрился построить подслушивающее устройство. Находясь вдали от кузни, он всегда знал, о чём говорили братья циклопы, а потом неожиданно для них использовал эти знания в своих интересах. Так, однажды услышав доверительный разговор между одноглазыми Аргом и Стеропом об их желании подарить брату Бронту меха в кузницу, Гефест сам придумал оригинальное поддувало. По велению одной лишь мысли воздух нагнетался в горны, а специальные трубки впрыскивали на раскалённые угли воду, благодаря чему спекалась жаронапряжённая шапка, на ней-то и разогревался до нужного состояния металл. Бронт пришёл в восторг от такой придумки и рассыпался в комплиментах Аргу и Стеропу, а те растерянно пожимали плечами: они, мол, тут не причём, но если брату это нравится, то они рады. А довольный удачным подарком Гефест в это время откровенно веселился на другом конце секретного приспособления.

Вот и сегодня, сидя в своей коморке, Гефест вдруг услышал голос подземного властителя Аида, пришедшего в гости к Циклопам:

– Приветствую вас, славные мастера Подземья!

– И тебе благоденствия, неутомимый Аид! – ответил за всех братьев Арг.

– Я гляжу у вас обнова, новые меха над горном.

– Да уж! – продолжил диалог Бронт. – Это хитроумный Гефест постарался. Его придумки каждый раз удивляют нас. В кузнечном деле он достиг удивительных высот.

Гефест, сперва желавший выйти навстречу Аиду, решил остаться в своём жилище и продолжил подслушивать разговор подземного властелина и одноглазых кузнецов.

– Это, конечно, не наше дело, – подключился к беседе Стероп, – но мы видим, что по уму и благородству место

Гефесту среди бессмертных Богов на Олимпе, а он прозябает здесь. Не справедливо это.

Гефест хихикнул на столь высокую оценку его возможностей. Он знал, что по происхождению он сын Геры и Зевса, но давно свыкся с мыслью, что его место здесь, в подземном мире. Особенно это стало совершенно ясно для него, когда он познакомился со своими братьями Гермесом и Аполлоном, стройными красавцами. На их фоне уродство Гефеста было столь явным, что всякие мысли о возможной замене царства тьмы на светлое поднебесье сразу улетучивались.

– Я согласен с вами, – поддержал Аид Циклопов, – но мы давно договорились, что не будем вмешиваться в семейные дела своих братьев и сестёр и осуждать поступки друг друга. А судьба Гефеста – это воля Геры, её деяние, её желание. Гефест родился недоношенным, слабеньким и не желанным. Гера тогда измучила себя ревностью. Она узнала, что вместе с нею беременны от Зевса были ещё и другие Богини. А когда Зевс радостно метался от одной роженицы к другой, поздравляя их с появлением на свет малышей, Гера просто взбесилась, забыв о своём интересном положении. У племянницы Майи родился Гермес. Двоюродная сестра Лето принесла сразу двоих – Аполлона и Артемиду. У тётушки Мнемозины – появились девять чудесных Муз. И все дети один прекраснее другого. На их фоне синюшный, родившийся прежде времени Гефест невольно стал укором Гере. Зевс даже не успел поздравить её с первенцем. В истерике бедная Гера швырнула младенца с обрыва в море. По просьбе Зевса благородная Фетида взяла ребёнка на воспитание. Она-то и передала вам уже повзрослевшего моего племянника. От падения с обрыва у него сломаны ноги и изувечено лицо. Однако, вы правы, это никак не отменяет его благородного происхождения. Придёт время, и этот изумительно талантливый кузнец,

подготовленный вами, займёт своё достойное место в сонме Богов.

Гефест с замиранием вслушивался в каждое слово Аида. Таких подробностей из своей судьбы он не знал. Морская Богиня Фетида, с младенчества заменившая ему мать, не скрывала его божественного происхождения, но внушала ему неизбежную изоляцию от других Богов из-за врождённых физических проблем Гефеста. А уродство-то оказывается не врождённое, а подаренное матерью! «Ну, что ж, дорогая мамочка, спасибо за любовь и ласку, жди и от меня достойный подарочек!» – в голове кузнеца зарождались жуткие придумки.

* * *

На Олимпе царило праздничное настроение. Собравшиеся ждали появления Аида, он обещал прибыть с подарками. Рассказы о чудесном мастере-кузнеце из Тартара давно стали неотъемлемой частью бесед в окружении Богов. И вот теперь Аид от имени Гефеста доставил олимпийцам прекрасные дары. Для Афродиты – великолепная золотая чаша. Для Аполлона – золотая лира. Афине – особой прочности копье. В общем, всем что-нибудь да было преподнесено. Зевс с признательностью принял колчан со стрелами, не уступающими в силе и точности грозным молниям Циклопов. Но самый необычный подарок был преподнесён хозяйке Олимпа Гере. Когда внесли золотое кресло, как зачарованные, взирали на него собравшиеся. Сплошь украшенное, словно живыми, птицами и цветами, кресло было больше похоже на трон. Гера уселась на него с удовольствием и замерла в блаженстве, гордо выпрямив спину. И вдруг... из кресла, сверкая, как змеи, выползли стальные ленты и плотно обвили руки, ноги, талию и шею Богини. Гера попыталась высвободиться из неожиданных объятий, но ленты ещё туже стали затягиваться на её

теле. Посейдон с любопытством разглядывал необычное устройство, молодые Богини суетились в беспомощности хоть как-то облегчить участь Геры. Зевс первым осознал опасность положения супруги и обратился к Аиду:

– Если это была шутка, то, мне кажется, слишком жестокая. Немедленно освободи Геру!

– Ты видел когда-нибудь, что я шучу? – Аид выглядел растерянным. – Это, видимо, пройдоха Гефест что-то задумал, а меня не предупредил. Я бы и рад помочь сестре, но не знаю как.

– А кто знает? – обратился к родственникам Зевс.

В ответ все молча пожали плечами. Заговорил лишь один Посейдон:

– Когда-то давно Фетида приводила ко мне в гости малыша Гефеста. Этот ловкий шалун повозился возле моей квадриги и что-то там покрутил. В общем, колеса после этого заклинило так, что мои могучие морские кони не смогли сдвинуть её с места. Никто не сумел отремонтировать испорченную колесницу, пока сам Гефест не восстановил вращение колёс. Тогда-то я и предложил его передать на воспитание Аиду к Циклопам.

– Где Гефест находится сейчас? – спросил Зевс Аида.

– Как всегда, в кузне Циклопов.

Зевс подозвал к себе Гермеса и, стараясь сдерживать себя, обратился к сыну:

– Я прошу тебя, немедленно отправляйся в Подземье и приведи сюда этого негодяя.

* * *

Гермес нашёл Гефеста у наковальни:

– Всех благ тебе, великий покоритель огня и металла!

– И тебе доброго дня, посланец Богов! – отвечая брату, кузнец не прекращал начатую работу и, ритмично ударяя молотом по раскалённой заготовке, украшал фразы брон-

зовым звоном. – Однако что-то мне подсказывает, ты не для приветствия здесь появился.

– Да, ты прав! Я послан Зевсом, чтобы пригласить тебя на Олимп!

– С чего это вдруг! Я думаю, вам и без меня там весело! – продолжал звенеть металлом Гефест.

– Это точно! Повеселил ты нас своими дарами. Особенно троном для Геры.

– Сработало, значит, креслице. Ну, и как там себя чувствует добрая мама? – и кузнец одним ударом расплющил толстую болванку.

– Видимо, очень плохо, если Зевс просит тебя освободить её из стальных пут.

– Просит, говоришь? Вот незадача! А я не могу! Видишь, я занят, – Гефест с показным усилием продолжал молотить по наковальне. – А пусть сюда пришлют пленницу с креслом, я здесь поколдую над механизмом, может, и освобожу прекрасноликую Геру.

Гермес развеселился после этой фразы:

– Да после каждого прикосновения к трону её всё туже сдавливают оковы. Если честно, то мне даже приятно наблюдать за её муками.

– Вот те на! Тебе-то что за радость?

– Не знаю, как другие, а мы вместе с Аполлоном зло умилялись, глядя на муки нашей мачехи. В своё время она из ревности вдосталь поиздевалась над нашими матерями. А в чём их вина, если Зевс зачал нас ещё до женитьбы на Гере?

– Э-э! Да ты, брат, злопамятен! – Гефест наконец-то перестал стучать и опустил расплющенную заготовку в воду.

– Да уж, но не более чем ты, брат! – в той же интонации отпарировал Гермес.

– Ну, и как же мы поступим?

– Просто! Скажу отцу: ты так увлечён новой работой,

что не можешь оторваться от дела, пока металл не остыл.

– Молодец, Гермес! Спасибо! А то я, грешным делом, подумал, что силой попытаешься заставить меня повиноваться.

– Силой? Тебя? Чтобы ты меня покалечил? Нет уж, извини, останемся друг другу приятными в общении братьями. К чему нам ссоры?

– Согласен! Что ж, передавай привет всем родственникам!

– Хорошо! А может, сам это сделаешь? – не слишком веря в свою уловку, предложил хитроумный Гермес.

– Давай-ка, быстрокрылый гонец, лети по доброй воле один и побыстрее, небось, там заждались уже тебя.

И Гефест, повернувшись спиной к брату, выхватил из горна новую раскалённую заготовку, принялся усердно мять её молотом. Довольная ухмылка пряталась в его усах и бороде. Он больше ни разу не оглянулся, догадываясь, что Гермес исчез так же незаметно, как и появился. «Надо же, – думал Гефест, вращая огромную болванку на наковальне, – не один я имею претензии к хозяйке Олимпа». И ему даже стало жаль бедную Богиню, которую он же и приковал к золотому креслу. «Эх, что за жизнь там, на свету!?» Здесь, где тьму взрывают лишь вулканические всполохи из горна, всё как-то ясно и понятно. Правда, в окружении его только три одноглазых Циклопа, но он всем сердцем любит их и как учителей своих, и как родственников, он же им приходится внучатым племянником. Ну, заглядывает иногда жена Аида Персефона, она же и сестра Гефеста по отцу. Всё между ними доверительно и без претензий. Делить нечего, всё общее. «Что же там происходит, наверху? Ну, ладно я, обиженный на мать, решил напомнить ей о себе, искалеченном и забытом, а им-то чего не хватает?»

Гефест с досадой откинул в сторону щипцы и молот, повернулся спиной к наковальне... и замер. Перед ним за

столом сидел улыбчивый Дионис. Он жестом предложил Гефесту присоединиться к нему:

– Вот сейчас нам с тобой не хватает – выпить. Я прихватил вина. Такого ты ещё не пивал. Давай-ка, за твоё искусство.

– А почему бы и нет? Давай!

– До дна!

И они опрокинули по полной чаше пенного напитка. Такого Гефест и вправду ещё не пробовал.

– Это пиво, – пояснил Дионис в ответ на удивлённый взгляд брата. – Его, кстати, не надо разбавлять при употреблении. Ну, давай ещё по одной – за встречу! Давно не виделись.

Потом они пили за обнову – за чудесные кузнечные меха. Гефест не преминул похвалиться, как они работают: волей мысли хозяина горн раскочегарился так, что пламя из него ярко осветило все тёмные уголки кузницы. А ещё поднимали чаши за учителей Гефеста – Циклопов. За каждого отдельно. Опять пили по полной и до дна.

– А как ты, брат, порадовал нас золотым тронem! – Дионис пытался играть на самолюбии Гефеста. – Гера в нём как влитая!

– Вот и ты! – ткнув пальцем в направлении Диониса, с трудом выговорил Гефест. – И ты, брат!

– Ну, и я брат. Все мы, Боги, братья!

– Ну, это ясно. Я о другом. А тебя как успела обидеть Гера?

– Меня обидеть нельзя, я не обидчивый, – вздохнул Дионис, он в отличие от охмелевшего Гефеста был абсолютно трезв. – Вот только маму мою она из ревности зачем-то уничтожила. Я ведь, как и ты родился недоношенным.

– Да ты что?

– Давай выпьем?

– Наливай!

Гефест протянулся к чаше, да так и уснул за столом, по-

ложив голову на протянутую руку. Вóвремя появились Циклопы. После недолгого объяснения они помогли Дионису уложить Гефеста на колесницу.

– Ну, ты крепок, если смог упоить самого Гефеста, – толи похвалил, толи удивился Бронт.

На что Дионис не без хвастовства поведал:

– Мне ли не знать силу хмельного напитка? Секрет прост. Он в моей чаше с двойным дном. Пены много, а до верхнего дна глоток.

На Олимпе уже заждались посланца. Дионис прибыл не один. Все с интересом разглядывали спящего Гефеста. Не смотря на то, что был он ровесником своим братьям и сестрам, выглядел на много старше их. Не только грубый фартук, но и тёмные мускулистые руки, мозолистые ладони, опалённая борода выдавали в нём кузнеца и Бога огня.

– И долго мы будем любоваться этим блаженствующим сонным телом? – обратился Зевс к Дионису.

– Прости, могучий Зевс! Ты поручил доставить Гефеста на Олимп, я сделал это. А хмель скоро пройдёт. Да вот смотри, гость уже зашевелился.

И действительно, руки Гефеста потянулись к голове, он поднялся, но рук от чела не отрывал.

– Поднесите ему нектара, – приказал Зевс.

Гефест ухватился за края кубка и большими глотками стал с жадностью поглощать напиток. Допив до дна, утёр усы и бороду, оглядел окружающих. Всех узнал, не смотря на то, что Богинь он видел впервые. Остановился взглядом на Афродите, та, не смутившись, улыбнулась ему в ответ, как, впрочем, и Афина, и Артемида, и Геба, и все присутствующие.

– Ты на Олимпе, Гефест! – первым заговорил с ним Зевс.

– Догадался! – без смущения ответил кузнец. – Спасибо Дионису!

– Позвал тебя я, чтобы ты освободил из цепких объятий трона свою бедную мать.

Когда Богини расступились, Гефест увидел вжатую в кресло Геру. Она, растерянная, посиневшая, с мольбой глядела на своего сына. Говорить не решилась, зная, что с каждым словом жёстокие пути ещё сильнее будут сжимать её стальной хваткой.

Гефест не спеша обошёл вокруг пленницы, но ничего не предпринял.

– Боги ведь бессмертны, не так ли? – обратился он к Зевсу.

Не дождавшись ответа, продолжил, глядя на Геру:

– Значит, умереть Гера не может. Муки терпеть? Да. Как и тот безгрешный мальчик, искалеченный ею. Я, по-твоему, – повернулся он к Зевсу, – должен испытывать жалость к своей матери? Прости, но у меня нет к этой женщине сыновних чувств, как, видимо, и у неё ко мне материнских. Так в чём же проблема? Я много времени провёл во тьме в компании таких же уродов, как и сам. Я избегал общения с другими, пока борода не прикрыла увечья на моём лице. Прошло много времени, и меня перестала мучить даже хромота на обе ноги. Много, очень много времени прошло.

Гефест умолк. Улыбки давно уж стёрлись с лиц Богинь. Тишина была тяжёлой. Нарушил её Зевс:

– Да, наверное, ты вправе обижаться на Геру. Но поверь, её давно уже терзает чувство вины перед тобой. Как и меня. Прости! Конечно, твоё место среди нас. Это бесспорно! Мы не должны воевать друг с другом. Не будем злопамятны. Великодушие – удел Богов! В знак примирения дай мне свою руку. Отныне и навеки ты равный среди всех на Олимпе! Каким же будет твой шаг навстречу?

Гефест, конечно же, не ожидал такого поворота в разговоре. Он виновато пожал в сомнения плечами, быстро подошёл к золотому трону, повернул головки у некоторых

птичек – стальные ленты пружинисто отпрянули от тела Геры и исчезли внутри кресла. Гефест поднял на руки ослабевшую Богиню:

– Прости меня за дерзость и несдержанность в поступках...

– Нет, это ты меня прости, – перебила сына мать, – я так виновата перед тобой.

Гера прижалась к Гефесту, другие Богини кинулись к ним, образовав единое родственное объятие. Зевс радостно вздохнул, встретившись с одобрительным взглядом Посейдона и Аида.

* * *

Жизнь на Олимпе для Гефеста была обузой. Срабатывала привычка проводить время в одиночестве и за накопительней. Никто его за это не осуждал: у всех ведь тоже были собственные пристрастия и обязательства. Но свой долг постоянно присутствовать на всех олимпийских форумах подземный кузнец исполнял свято, хотя и скучал на общих сборах.

Не сложилась и семейная жизнь у Гефеста. Зевс, дабы укрепить положение новоиспечённого Олимпийца, отдал ему в жёны прекраснейшую из Богинь – Афродиту, на этом настаивала и Гера, ей хотелось хотя бы так загасить своё чувство вины перед вновь обретённым сыном. «Бесполезное родство безобразия и красоты» – так определил для себя Гефест этот союз. Хотя к такому выводу он пришёл не сразу. Афродита проявила удивительную терпимость и высказала полное согласие с решением отца. В её супружеском долге прослеживалось даже любопытство – каков же будет этот грубоватый и хромоногий кузнец на любовном ложе? Неопытность в интимной жизни сковывали несчастного Гефеста. Он, всей душой пытаясь соответствовать своей божественной супруге, выглядел неуклюже и

смешно. Вскорости Афродита стала откровенно высмеивать неловкие потуги мужа. Гефест сильно переживал взаимное непонимание в семье, но всё чаще уединялся в своей кузнице.

На одном из форумов Афродита уж слишком откровенно липла к брату-красавцу Аресу. Раздосадованный Гефест, не желавший видеть этого, не медля, удалился и нашёл уют в одной из беседок, где его обнаружила сочувствующая Афина. По вздрагивающим мужским плечам ей показалось, что Гефест плачет. Она присела рядом, приобняла его и прижала голову к своей груди:

– Бедный мой брат! Глупая Афродита и не осознаёт, какую боль причиняет тебе своим легкомысленным поведением.

Гефест прижался к сестре и ощутил такую нежность и тепло, что весь затрепетал. Никто и никогда его так не обнимал.

Щедрая душой Афина, понимала, что обиженный Гефест опять может придумать какую-нибудь хитроумную ловушку теперь уже для Афродиты, поэтому хотела отвлечь его от тягостных мыслей и желания мстить. И она была права в своих догадках. Уединившись в беседке, Гефест не плакал, а злорадно смеялся над тем, как он проучит неверную жену. Но сейчас его охватило неодолимое влечение к Афине, он ощущал, как в нём растёт желание овладеть ею, поэтому пылко поцеловав ей руку, признательный и смущённый, ретировался.

Мечь, задуманная Гефестом, не была жестокой. Она была оскорбительной и унижительной. Однажды, во время увеселительной пирушки на Олимпе, Афродита и Арес, как им показалось, незаметно покинули общую компанию и затворились в уединённых покоях. Им было невдомёк, сколько ловушек приготовил им Гефест. Пирующая семья сначала замерла, а потом развеселилась, когда на все хоромы раздались громкие голоса Афродиты и Ареса, приготавливающих к пылкому соитию. Олимпийцы в

недоумении оглядывались, не понимая, как такое возможно? Ведь ни за столом, ни в трапезной этих незадачливых любовников не было. Установленное в спальне подслушивающее устройство передавало в общую залу не только нежные слова Афродиты и грубые фразы Ареса, но и внятные звуки сочных поцелуев, усердное пыхтение и шлепки по голому телу – одним словом, всё, что сопровождает страстное совокупление. Ошарашенные Боги какое-то время вслушивались в это действие, замерев, затем один за другим они стали хихикать, пока весь зал не заполнил дружный издевательский смех.

И вдруг в хоромы ворвались жуткие вопли с мужскими проклятиями и женскими визгами. Пирующие замерли, и, когда раздались мольбы о помощи, всё застолье разом поднялось и умчалось в спальное крыло дворца.

Картина, представшая взору ворвавшихся в опочивальню, опять всех сначала удивила, затем развеселила.

На любовном ложе друг на друге лежали Афродита и Арес. Не сразу стало заметно, что любовники были спелёнуты почти невидимой сетью. Они старались не шевелиться, потому что в ответ на каждое движение из амфоры, висящей под потолком, выплёскивался на них винный уксус, что наверняка вызывало зуд и раздражение кожи.

– Да освободите же нас скорее, пожалуйста! – завопил лежащий сверху Арес.

Никто не поспешил на помощь, предполагая ещё какой-нибудь подвох. Было понятно, что всё это придумал Гефест, он первым и приблизился к лежащей паре. Афродита стыдливо отвела взгляд, а могучий, но бессильный Арес опять взмолился:

– Пожалуйста!

Гефест вынул из-за пояса обоюдоострый меч. Смех мгновенно утих. Кузнец спокойно посмотрел на острое оружие, затем на пленников, наклонился над ними, что-то

шепнул, бросил освободительный клинок на постель, и, почти не хромая, быстро удалился прочь. Его не интересовало, кто поможет этим несчастным прелюбодеям.

* * *

Афина опять нашла хмурого Гефеста всё в той же удалённой беседке. Она присела рядом, нырнула под его руку:

– Я представляю, как ты мучился и страдал, пока придумывал и готовил своё отмщение.

– Ты знаешь, когда я работаю, бываю на удивление спокоен и уверен в себе.

Афина погладила по его шершавой от мозолей ладони:

– Как могут такие большие, огрубелые руки сплести тончайшую, невидимую сеть?

– Есть много разных секретов и приспособлений, ими может овладеть каждый.

– Что? И я? – удивилась воительница.

– Легко. Разве не ты сама научила смертных женщин ткать, а мужчин строить города? Я вот всё время удивляюсь, зачем ты учишь людей воевать?

– Ты, наверное, не знаешь, что у Зевса и Метиды должны были родиться двойняшки, ну, вот как Аполлон и Артемида. А родилась только я. Так сказать, два в одном. Поэтому ни женское, ни мужское мне не чуждо. А людей я учу защищаться, это в противоположность от умения нападать и убивать, чему учит смертных жестокосердый Арес.

Мышцы помрачневшего Гефеста при этом имени напряглись. Афина виновато извинилась:

– Прости, что напомнила тебе о нём.

Они признательно ещё теснее прижались друг к другу. Какое-то время помолчали, и опять заговорила Афина:

– Ещё раз прости, но я сгораю от любопытства, а что ты шепнул Афродите?

– Всего три слова: «Наслаждайся, ты свободна!»

Чтобы сменить тему и несколько двусмысленную позу, дева неожиданно предложила:

– А хочешь, я познакомлю тебя с нашей прабабушкой. Правда, обитает она далеко.

– Да с тобой, сестричка, мне и край света – рядом!

И они полетели во владения Геи и Урана.

Гефест был просто покорён своими предками. Гостеприимные и добросердечные, они с таким теплом приняли долгожданного правнука, что его сердце, замороженное местью, постепенно оттаяло. Если Уран действительно выглядел по-дедовски, то воркующая и заботливая Гея внешне несколько не уступала своей правнучке Афине. Гефест любовался ими обеими, и блаженство разливалось по всему его телу. А может это так действовал на него бабушкин нектар?

После традиционной трапезы и задушевной беседы разомлевший Уран стал дремать прямо за столом.

– Я пойду уложу дедушку, а вы поворкуйте пока наедине, – и заботливая Гея вместе с Ураном медленно удалилась.

Гефест подошел к Афине и взял её за руку:

– Спасибо тебе, сестрица, что привела меня сюда. Такого тепла и удовольствия общения я никогда не испытывал.

– Я так рада! – довольная изменением в настроении брата Афина поцеловала его в щёку.

Гефест сомкнул объятия и, не выпуская из них сестру, перевел поцелуй в губы. Афина безвольно повисла у него в руках. Гефест это понял по-своему и почувствовал жгучее желание овладеть сестрой. И тут дева всплеснулась, как рыбка в воде, и выскользнула из рук возбуждённого брата:

– Эге! Стоп! Этого не будет!

– Я хочу тебя! – пылая страстью, Гефест не унимался.

– Умерь свой пыл! Мы здесь не для этого! Я не для тебя!

– холодно настаивала на своём Афина.

Раскрасневшийся Гефест дрожал от нетерпения:

– Ну, почему? А для кого?

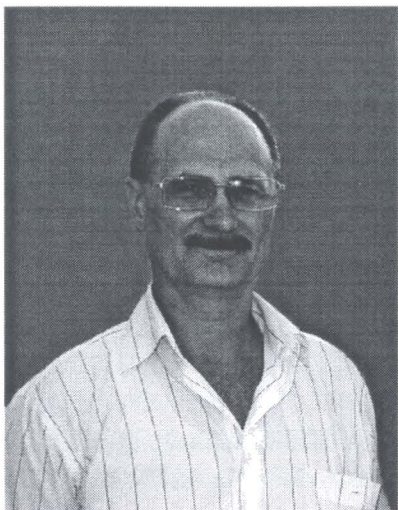
– Ни для кого! Я сама по себе. А ты обязательно для своей похоти найдёшь кого-нибудь другую, но не меня! Прости! – и Афина растворилась.

Гефест в пылу обуявшей его страсти не обратил внимания, давно ли наблюдала за этой сценой Гея. Она подошла к разгорячённому внуку, взяла его за руку:

– Пойдём со мной. Тебе нужно снять напряжение.

Всё, что произошло затем, Гефест воспринимал, как в пьяном тумане. Бабушка оказалась искусной партнёршей и многому научила малоопытного в любовных делах Гефеста.

Спустя положенный срок родился у Геи мальчик Эрихтоний. Незлопамятная Афина взяла его на воспитание и со временем сделала царём города, названного в честь неё Афинами. С помощью отца Гефеста царь Афин создал первую наземную квадригу по образцу Посейдоновой. Именно в образе управляющего колесницей и поместил его Зевс на небе в созвездии Возничего. Судьба обошлась с Эрихтонием жестоко. Но об этом позже.

ОБ АВТОРЕ

Коноплев Василий Георгиевич живёт в казахстанском городе Петропавловске. Педагог-филолог, работал учителем, директором школы, отмечен званием Почётный работник образования. Журналист, является членом редакционной коллегии областного литературно-художественного журнала «Провинция». Создатель научно-методического труда «Словарь наречий русского языка». Исполнитель песен, автор двух музыкальных альбомов «Ромашковый дождь», «Стихи навеяны тобой». Публицист-исследователь, автор книги-эссе «Есть сердце, где живу я» о жизни и творчестве Пушкина. Коллекционер, организатор фотовыставки «В граните, гипсе, мраморе и бронзе», посвящённой памятникам Пушкину. Автор поэтических сборников «И звёзды вымокли в росе», «Солдатские монологи», «Намёки не на вас». Лауреат международного конкурса поэзии о природе. Обладатель медали имени Лермонтова.

СОДЕРЖАНИЕ

Камалей	3
Сучья жизнь	20
Всё возможно	40
Если нельзя изменить ситуацию	83
В семье богов	123
Об авторе	242

Василий Георгиевич КОНОПЛЕВ

ВСЁ ВОЗМОЖНО

Рассказы и повести

Компьютерная вёрстка: *Екатерина Гнеушева*
Выпущено в авторской редакции

Подписано в печать: 01.04.2016. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.
Гарнитура «Times New Roman».

Отпечатано в типографии
издательства «Союз писателей»
654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкстроевский, 1
Тел. +7 (3843) 52-90-10, +7-913-413-0019
E-mail: izdat@soyuz-pisatelei.ru.
Сайт: <http://soyuz-pisatelei.ru/>
Интернет-магазин: <http://soyuz-pisatelei.ru/shop>,
<http://planeta-knig.ru>

Написанная образным, добротным литературным языком эта книга доставит читателю истинное удовольствие. Персонажи рассказов – ординарные люди, такие, как все мы, жаждущие счастья, любящие и страдающие.

Совсем другое дело герои повести «В семье богов». Это интерпретация древнегреческих мифов. В заглавии ключевое слово «семья», а значит, в поле зрения рассказчика окажутся все сопровождающие нашу жизнь чувства: любовь и ненависть, родство и дружба, преданность и предательство, власть и противодействие ей. Известные мифологические сюжеты в неожиданном пересказе автора превратятся в увлекательные семейные истории.

Союз
писателей
издательство

